DK
254
.P316
A3
1908

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

343

Парвусъ

Parvus.

По тюрьмамъ во время революціи.

Побѣгъ изъ Сибири.

По тюрьмам во время революції

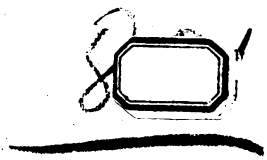
DK
247

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.
1908

Digitized by Google

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатрингофскій 10—19.

Digitized by Google



По тюрьмамъ во время революціи

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Меня арестовали 21-го марта. Околодочный надзиратель обыскалъ мой письменный столъ, заодно уже и письменный столъ моей пріятельницы, жившей въ той же квартирѣ, обыскалъ всю квартиру и попросилъ меня пожаловать съ нимъ въ участокъ. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, насъ сопровождало нѣсколько полицейскихъ. Въ участкѣ я приблизительно три четверти часа имѣлъ возможность наблюдать канцелярскую работу чиновниковъ, а затѣмъ меня перепоручили другому околодочному, который сѣлъ со мной въ открытыя дрожки. Я поглядывалъ на него сбоку, и у меня появилось сильное желаніе толкнуть его такъ, чтобы онъ слетѣлъ на мостовую. Но это, разумѣется, ни къ чему не привело бы. Итакъ я его оставилъ въ покоѣ, и минутъ черезъ двадцать мы пріѣхали въ жандармское управленіе. Мы взошли по широкой лѣстницѣ, затѣмъ узкимъ ходомъ въ сторону и оказались въ какой-то длинной, узкой, скверно освѣщенной каморкѣ. Тутъ мы остались. Я сѣлъ на скамью, которая шла вдоль стѣны.

Digitized by Google

Тѣсное помѣщеніе было переполнено людьми. Тутъ находилось, между прочимъ, нѣсколько флотскихъ солдатъ, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, были приглашены въ качествѣ свидѣтелей. Видъ у нихъ былъ удрученный и запуганный; всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ приходилъ обратно съ допроса, они крестились и говорили „слава Богу!"

Жандармы безпрерывно приходили и уходили. Они выползали откуда-то справа, изъ какой-то темной дыры, какъ тараканы изъ-за печки, и исчезали по лѣстницѣ вверхъ.

Здѣсь было очень скучно и неуютно.

Околодочный, сопровождавшій меня, послалъ наверхъ свои бумаги и долго не получалъ ихъ обратно. Отъ скуки онъ разболтался, сильно либеральничалъ и ругалъ жандармовъ. Потомъ онъ сталъ разсказывать случаи изъ своей полицейской практики. Такъ какъ онъ и этимъ не произвелъ желаемаго впечатлѣнія, то онъ опять пустился въ политическія разсужденія. Наконецъ, ему принесли обратно его портфель и такимъ образомъ освободили насъ отъ его присутствія.

Скоро послѣ этого меня отвели именно въ то мѣсто, откуда, какъ я уже раньше замѣтилъ, приходили безпрерывно жандармы. Это было длинное помѣщеніе въ партерѣ съ нѣ-

Digitized by Google

сколькими окнами, какъ мнѣ показалось, что-то въ родѣ амбара или кладовой, такъ какъ тутъ была наставлена масса стараго хлама, напримѣръ: сундуки, кровати, разломанные столики, большія связки газетъ и т. п. Здѣсь находились жандармы, здѣсь они обѣдали и нѣкоторые изъ нихъ ночевали.

И тутъ, среди жандармовъ, оказалось то же недовольство начальствомъ, та же досадливая критика правительства. Не трудно было видѣть, что у нихъ было для этого достаточно основаній. При мнѣ, напримѣръ, пришли три новыхъ, которыхъ перемѣстили сюда изъ Финляндіи. Для нихъ не оказалось ни кроватей, ни матрацовъ, такъ что они были черезвычайно рады, когда дворникъ обѣщалъ принести соломы для подстилки на полу. „По положенію должны быть кровати—поучали ихъ товарищи—но только на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ и кровать надо купить самому". Кровать, какъ оказалось, должна была стоить рубля полтора; но у новопришедшихъ такого капитала не было, а товарищи имъ не помогли. Новоприбывшіе кое-какъ помѣстились на полу, такъ какъ стульевъ для нихъ не полагалось. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что, если бы онъ не обязался на срокъ, то хоть сейчасъ ушелъ бы со службы. Другіе въ одинъ голосъ согласились съ нимъ.

Digitized by Google

Эти мелкія наблюденія, какъ ничтожны они ни были, пришлись мнѣ очень по сердцу. Они показали мнѣ, что процессъ разложенія проходитъ черезъ весь правительственный организмъ. Если правительство для политической полиціи, которая составляетъ ея главный оплотъ, даже въ мелочахъ не позаботилось о самыхъ примитивныхъ удобствахъ, такъ насколько же велико должно быть обнищаніе въ казармахъ и другихъ мѣстахъ!

Я задумался надъ тѣмъ, что меня ожидаетъ впереди. Я не зналъ, по какой причинѣ меня арестовали. Приказъ объ арестѣ шелъ отъ прокуратуры.

Для меня главный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: находится ли арестъ въ связи съ моей дѣятельностью въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ? Если нѣтъ, то рѣчь могла итти только о литературномъ процессѣ. Тогда еще куда ни шло! Но если да, то дѣло принимало серьезный оборотъ. Все это должно было выясниться на допросѣ.

Я всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Жандармы какъ будто не обращали на меня никакого вниманія. Одинъ изъ нихъ разбирался въ какихъ-то бумагахъ, что-то писалъ въ нихъ и опять складывалъ въ связки, механически, съ какимъ-то скучнымъ спокой-

Digitized by Google

ствіемъ, какъ старый канцелярскій служитель. Другіе сидѣли на полу и дремали. Однако, исподволь они поглядывали на меня и не упускали меня изъ виду. Когда я останавливался у дверей, то подмѣчалъ у того или другого изъ нихъ пытливый взглядъ, который мнѣ ясно показывалъ, что они на сторожѣ.

Явился дворникъ съ большущей вязанкой дровъ и свалилъ ихъ у печки. Затѣмъ онъ сталъ ворочать въ ней кочергой. Я заглянулъ въ печь и увидѣлъ тамъ громадныя кипы бумаги, горящей блестящимъ пламенемъ. Красиво и жутко было глядѣть. Пламя безчисленными языками лизало листы бумаги, которые образовывали раскаленные холмы, дышавшіе кровавымъ огнемъ и утопавшіе въ міріадахъ искръ. Въ этихъ кострахъ сгорала конфискованная литература. Теперь я обратилъ больше вниманія на сложенныя у стѣны кипы печатныхъ произведеній. Оказалось, что это была исключительно брошюра Мартова „Классъ противъ класса“. Такъ вотъ чѣмъ наполняли огненную пасть этого чудовища!

Къ вечеру жандармъ, пришедшій откуда-то сверху, заявилъ мнѣ:

— Пожалуйте!

Онъ повелъ меня узкимъ, темнымъ ходомъ, потомъ по большой лѣстницѣ внизъ, и мы

Digitized by Google

оказались во дворѣ. Тутъ ужъ была приготовлена закрытая карета, не безъ претензій на элегантность, но оборванная и потертая, вродѣ тѣхъ, которыя въ обществѣ погребальныхъ церемоній ставятъ при похоронахъ третьяго класса. Въ карету были запряжены двѣ тощія лошади. Мой проводникъ сѣлъ рядомъ со мной, и мы отъѣхали.

— Куда везутъ меня? — спросилъ я жандарма.

— Въ тюрьму — получилъ я въ отвѣтъ.

Безъ допроса въ тюрьму — это ничего хорошаго не предсказывало.

— Въ какую тюрьму отправляютъ меня?

— Въ Выборгскую тюрьму.

— Значитъ, въ Кресты?

— Вотъ какъ! Вы уже знаете.

— Кто же этого не знаетъ въ Петербургѣ?

Я считалъ полезнымъ, пока не убѣдился изъ допроса, чего домогается Департаментъ Полиціи, оставаться въ роли человѣка, не знающаго политическихъ условій въ Россіи. Я сталъ поэтому разспрашивать жандарма о тюрьмѣ, о томъ, когда мнѣ ждать допроса, показалъ себя очень наивнымъ и добродушнымъ, разсказывалъ о своей мнимой родинѣ Богеміи, о своей мнимой семьѣ и дѣтяхъ и произвелъ — въ чемъ

Digitized by Google

я впослѣдствіи убѣдился — вполнѣ желаемое впечатлѣніе.

Экипажъ нашъ нисколько не торопился. Лошади шли умѣреннымъ и разбитымъ шагомъ. Карету трясло, такъ что стекла дрожали. Но какъ медленно мы ни подвигались впередъ, мы все-таки приближались къ тюрьмѣ. Сознаніе этого обстоятельства возбудило во мнѣ не особенно пріятное чувство.

„Нельзя ли уйти? Не попробовать ли какънибудь“?

Я взглянулъ на своего проводника. Это былъ стройный, мускулистый парень, вооруженный саблей и револьверомъ. Если быстро повернуть корпусъ направо, то я могъ бы его схватить за затылокъ и сжать. Лѣвой рукой я могъ бы взять его револьверъ, а всѣмъ тѣломъ придавить своего противника и лишить его свободы движенія. Но какъ бы быстро это ни произошло — борьба, сопровождаемая крикомъ и шумомъ, была бы неизбѣжна. Кучеръ, разумѣется, немедленно остановилъ бы карету. Бояться его врядъ ли была причина — это былъ обыкновенный крестьянинъ, не обязанный передъ полиціей ни къ чему, который, конечно, заботился бы лишь о томъ, чтобы самому уйти цѣлымъ и невредимымъ. Прохожіе сбѣжались бы, но это, пожалуй, принесло бы мнѣ пользу,

Digitized by Google

въ виду расположенія, которое населеніе питало къ намъ, политическимъ. Но что, если подойдетъ городовой? Это было очень возможно и даже неизбѣжно, если бы борьба продолжалась. Отнять револьверъ у жандарма мнѣ необходимо, иначе онъ меня застрѣлитъ, какъ только я выпущу его руки. Но если бы мнѣ даже удалось его обезоружить, то онъ, конечно, бросился бы за мною и сталъ бы звать на помощь. Могу ли я разсчитывать, что мнѣ удастся бѣжать и заблаговременно укрыться отъ погони. Врядъ ли! Въ результатѣ только самъ выдалъ бы себя и далъ бы возможность возбудить противъ меня процессъ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ; а одного этого процесса уже достаточно, чтобы на продолжительное время изъять меня изъ обращенія. При этомъ я вѣдь еще совершенно не знаю, что меня ожидаетъ. Аресты происходятъ въ Петербургѣ часто по самому ничтожному поводу. Такъ не лучше ли подождать допроса? Посмотримъ, не удастся ли мнѣ вывернуться изъ лапъ жандармовъ.

А все-таки! Быть можетъ, лучше не останавливаться на полпути, а итти на все! Если схватить его обѣими руками, то нельзя ли задушить? Мысль эта какъ молнія промелькнула у меня въ головѣ. Я украдкой поглядывалъ на

Digitized by Google

своего спутника и соразмѣрялъ мысленно упругость его шеи и силу своихъ рукъ. Жандармъ дремалъ и, конечно, былъ далекъ отъ мысли, что я въ эту минуту взвѣшивалъ его шансы на жизнь и смерть. Да, это вполнѣ возможно. Я могъ бы его схватить такъ, чтобы онъ даже не пикнулъ. Небольшой шорохъ при первыхъ движеніяхъ, конечно, былъ бы; но не такой, чтобы привлечь вниманіе кучера. А затѣмъ нужно только давить изо всѣхъ силъ, пока лицо посинѣетъ и вспухнетъ, а потомъ еще и еще, чтобъ быть вполнѣ увѣреннымъ—я могу при этомъ закрыть глаза. Разъ я освобожусь отъ жандарма, мнѣ ничего не стоитъ вылѣзть изъ кареты. Кучеръ на козлахъ врядъ ли это замѣтитъ — онъ думаетъ о своихъ лошадяхъ и смотритъ впередъ, нисколько не отдавая себѣ отчета въ томъ, что происходитъ сзади въ каретѣ. Прохожіе? Мы проѣзжаемъ какъ разъ пустынными улицами; публика къ тому же сразу признала бы во мнѣ политическаго, такъ какъ я въ своей одеждѣ. Пришлось бы предположить черезвычайно неблагопріятный случай, чтобы публика меня выдала. Стоитъ мнѣ только оказаться на тротуарѣ, и мнѣ ужъ не трудно будетъ замѣшаться среди прохожихъ. А затѣмъ—извозчика, на Невскій, и дѣло кончено. По всей вѣроятности, карета спокойно продол-

Digitized by Google

жала бы свой путь къ тюрьмѣ, и только у воротъ, когда открыли бы дверцы, то съ ужасомъ отпрянули бы назадъ.

Да?..

Нѣтъ, другъ мой, подожди, не дѣлай глупости! Твои нервы разыгрались, ты далеко не такъ спокоенъ, какъ воображаешь. Вѣдь это сумасбродство! Берегись: рѣчь идетъ не о газетной статьѣ; ты играешь человѣческой жизнью. Ты хочешь убить этого жандарма и даже не знаешь, быть можетъ, тебя завтра и безъ того выпустятъ. Ты достаточно старъ, чтобъ не увлекаться романтикой. Будь трезвымъ и жди спокойно, что будетъ дальше.

Теперь я самъ улыбался тѣмъ разбойничьимъ мыслямъ, которыя меня только что занимали. Я поглядывалъ на жандарма весело, почти съ нѣжностью. Будь спокоенъ, другъ мой, я тебѣ ничего дурного не сдѣлаю.

Скоро показалась длинная, сѣрая стѣна тюрьмы. Я увидѣлъ ряды небольшихъ оконъ, закрытыхъ рѣшетками. Мы подъѣхали. Большія желѣзныя ворота раскрылись передъ нами, и мы въѣхали въ большой дворъ, который былъ переполненъ кучами снѣга, смѣшаннаго съ грязью.

Карета застряла. Хотя по тюремнымъ правиламъ слѣдовало подъѣхать къ самой

Digitized by Google

двери, но въ виду такихъ обстоятельствъ, пришлось вылѣзть и пройти нѣсколько шаговъ пѣшкомъ. Какъ только я показался во дворѣ, откуда-то, далеко сверху раздался молодой, звучный мужской голосъ:

— Товарищу привѣтъ!

Дрожь пробѣжала по моему тѣлу. Въ этомъ привѣтствіи здѣсь, гдѣ я его всего меньше ожидалъ, было столько дружбы и сердечной близости! И опять, какъ уже часто раньше, во мнѣ поднялось чувство великой связи и внутренняго родства соціально-революціоннаго движенія. Мы вездѣ образуемъ цѣпь, которая проникаетъ во всѣ отношенія и связываетъ собою весь міръ.

— Слышали? — я обратился непроизвольно къ жандарму. — Вы слышали этотъ крикъ? Жандармъ улыбнулся. Мы вошли, и дверь тюрьмы закрылась за мною.

II.

Кресты, какъ извѣстно, имѣютъ совершенно современную архитектуру—разумѣется, не въ смыслѣ художественнаго произведенія, а въ смыслѣ спеціальныхъ интересовъ тюремнаго зодчества.

По всей Европѣ, отъ Невы до Тибра, отъ

Digitized by Google

Волги до Темзы, въ каждомъ большомъ городѣ, тюрьмы составляютъ одну изъ достопримѣчательностей современной культуры. Кресты напомнили мнѣ тюрьму въ Моабитѣ въ Берлинѣ.

Только петербургская тюрьма выглядѣла привѣтливѣе. Въ кирпичныхъ стѣнахъ берлинской тюрьмы длинные ряды камеръ напоминали мнѣ печи паровой хлѣбопекарни. Въ Петербургѣ стѣны, по крайней мѣрѣ, были оштукатурены и выбѣлены, что придавало нѣсколько тюрьмѣ характеръ человѣческаго жилища. Въ остальномъ—тѣ же узкіе длинные ходы, которые въ видѣ балконовъ тянулись по отдѣльнымъ этажамъ, тѣ же чугунныя лѣстницы, воздвигнутыя другъ надъ другомъ на шесть этажей.

Моя камера была величиной въ среднюю комнату, но только узкая. Когда я спускалъ кровать, то едва могъ протиснуться между ней и столикомъ.

Въ этой по послѣднему слову науки устроенной тюрьмѣ не было клозета; его замѣняла знаменитая параша. Какъ можно было при устройствѣ тюрьмы забыть о столь необходимомъ требованіи гигіены! Это было бы загадкой для всякой другой страны, но только не для Россіи, гдѣ при устройствѣ крѣпостей не заботятся о пушкахъ.

Digitized by Google

По моему требованію, мнѣ принесли каталогъ тюремной библіотеки. Книгъ въ ней немного, но подборъ чрезвычайно тщательный и характерный. Онъ отражалъ въ себѣ умственную жизнь политическихъ, которые мало-помалу составили это книгохранилище. Особенно много было книгъ по политической экономіи, соціологіи и антропологіи. Изъ области естественныхъ наукъ были всѣ главныя произведенія, касавшіяся большихъ, широкихъ обобщеній. Философія—главнымъ образомъ въ популярныхъ изложеніяхъ. Значительный интересъ также былъ посвященъ психологіи. Всего меньше было книгъ по спеціальнымъ отраслямъ естествознанія—почти одни только учебники, служившіе, очеведно, для подготовки къ аттестату зрѣлости. Получалось своеобразное впечатлѣніе при просмотрѣ каталога, въ которомъ великія проявленія человѣческой науки были перемѣшаны съ названіями гимназическихъ учебниковъ. Я какъ будто видѣлъ его передъ собою, юношу, сидѣвшаго въ этой камерѣ, заучивавшаго здѣсь латинскія слова въ то время, когда голова его была занята міровыми вопросами.

Изящная литература во всѣхъ видахъ и переводахъ со всѣхъ языковъ была особенно богато представлена. Въ то же время почти совершенно отсутствовали книги по искусству и исторіи искусства.

Digitized by Google

Къ восьми часамъ вечера звонили къ молитвѣ. Скоро послѣ этого я услышалъ какой-то странный хаосъ словъ. То былъ хриплый хоръ голосовъ, безобразно разорванный и спутанный. Какъ оказалось впослѣдствіи, передъ вечерней молитвой открываютъ форточки въ дверяхъ одиночныхъ камеръ, заключенные подходятъ къ нимъ и поютъ совмѣстно молитву.

Въ девять часовъ потушили свѣтъ. Я чувствовалъ себя уставшимъ, поэтому легъ въ кровать еще раньше. Несмотря на твердую постель, я спалъ очень хорошо.

На слѣдующее утро я проснулся съ чувствомъ пустоты. Что предпринять, чѣмъ заняться? Предо мной открывался день безконечный и безцвѣтный. Какая-то чуждая сила выбросила меня изъ колеи, въ которой протекала моя жизнь. У меня была своя работа, свои заботы и развлеченія. Я торопился, боясь опоздать, или же не былъ доволенъ, потому что меня заставляли ждать—день распадался на отдѣльныя части, исчезалъ въ той суммѣ различныхъ занятій и обязанностей, которыя составляли мою жизнь. И вотъ теперь мой день потерялъ свое содержаніе. Пустота, а посреди этой пустоты предстоявшій мнѣ допросъ, который долженъ былъ рѣшить

Digitized by Google

мою судьбу. Но когда будетъ этотъ допросъ? Сегодня, или завтра, или, быть можетъ, только черезъ нѣсколько недѣль? Кто его знаетъ! Законъ, правда, предписываетъ, чтобы арестованный былъ допрошенъ въ теченіе сутокъ послѣ ареста. Но вѣдь у насъ въ Россіи законъ одно, а Департаментъ Полиціи—другое. У насъ арестовываютъ и оставляютъ безъ допроса въ теченіе не только недѣль, но и мѣсяцевъ.

Безъ собственной воли! Я сталъ орудіемъ чужой воли. Личность съ ея собственными стремленіями и собственной дѣятельностью исчезла; остался только объектъ учиняемаго жандармами слѣдствія. Я сталъ придаткомъ связки документовъ, который совершалъ свой бюрократическій путь. Ее проносили по лѣстницамъ вверхъ и внизъ изъ одной канцеляріи въ другую, отъ одного стола къ другому, а она тащила меня съ собою, изъ одной тюрьмы въ другую, отъ одного этапа къ другому, вплоть до самаго сѣверо-востока Сибири. Такъ оказалось впослѣдствіи. Но въ тотъ моментъ, послѣ первой ночи, проведенной въ тюрьмѣ, я могъ лишь предугадывать, что будетъ впослѣдствіи, и былъ полонъ чувства неопредѣленности. Одно было мнѣ ясно: я находился въ условіяхъ, въ ко-

Digitized by Google

торыхъ другія размышленія не помогали, такъ какъ воля моя была связана. Оставалось одно— отдаться теченію событій, плыть съ потокомъ и ждать момента, когда можно будетъ спрыгнуть на сухую почву.

Я подошелъ къ окну. На большомъ дворѣ передо мною лежали цѣлыя горы каменнаго угля. Уголовные уносили его въ корзинахъ, тащили въ тачкахъ. Другіе были заняты тѣмъ, что возили съ другого двора снѣгъ. Всѣ они подходили толпами въ 18—20 человѣкъ въ сопровожденіи надзирателя, который лѣниво и вяло слѣдовалъ за ними. Не менѣе лѣнивы и апатичны были сами работавшіе. Они выглядѣли очень истощенными и имѣли землистый цвѣтъ лица. Съ какой-то безпомощной медлительностью они брались за дѣло и бросали лопатками снѣгъ въ повозку, которую сами же притащили. Когда повозка была наполнена, одни запряглись въ нее, другіе подхватили возъ съ боковъ и сзади, и вотъ послѣ большихъ усилій возъ, наконецъ, двинулся съ мѣста и медленно съ трудомъ его потащили впередъ. Все это потребовало страшно много времени. Такова она, работа по принужденію. Тутъ рѣзко стала передъ моими глазами разница между принудительнымъ трудомъ и свободной дѣятельностью. Тутъ стало мнѣ ясно до оче-

Digitized by Google

видности, почему работа рабовъ, хотя она стоитъ дешевле, все-таки менѣе выгодна, чѣмъ свободный наемный трудъ. Она менѣе производительна. Бичъ голода, который какъ будто оставляетъ рабочему свободное распоряженіе своей рабочей силой, дѣйствуетъ гораздо лучше бича изъ ремней. Въ этомъ противоположеніи кроется одна изъ тайнъ капитализма и задача культурнаго развитія.

Если вы хотите добиться отъ человѣка чего-либо путемъ насилія, то вы должны устроить дѣло такъ, чтобы онъ это насиліе *чувствовалъ*. Но всякое продолжительное насиліе имѣетъ своимъ слѣдствіемъ, что оно притупляетъ чувствительность. Рабство дѣлаетъ человѣка тупымъ. Человѣка, опустившагося до ступени животнаго, можно только еще употребить, какъ рабочій скотъ. Но какъ рабочій скотъ лошадь и волъ имѣютъ передъ нимъ преимущество. Если вы въ эксплоатаціи рабочаго дошли до такихъ предѣловъ, то вамъ выгодно начать поступать въ обратномъ смыслѣ и будить въ рабочемъ *человѣка*, чтобы использовать его *человѣческую* способность работы. Дайте ему свободу. Пусть онъ воображаетъ, что онъ имѣетъ политически равную силу съ вами, если имѣетъ равныя съ вами права. Дайте ему школьное обученіе. Подымите его самосознаніе, умножьте его зна-

Digitized by Google

ніе окружающаго міра. Повысьте его жизненныя трєбованія, тогда ужъ одно воспоминаніе о старой плети будетъ дѣлать его добрымъ. И тогда онъ самъ создастъ себѣ побужденія, гораздо болѣе дѣйствительныя, чѣмъ кожаная плеть. Онъ будетъ думать о своей семьѣ, а рабъ не знаетъ семьи. Онъ будетъ думать о своей внѣшности. Рабъ идетъ ободранный и грязный, ему это ни по чемъ—свободный рабочій хочетъ имѣть праздничное платье. Онъ будетъ думать о своей старости. Онъ будетъ заботиться о своихъ дѣтяхъ. Поэтому голодъ, холодъ, нищета будутъ держать его въ безпрерывной тревогѣ. Поэтому онъ будетъ прилеженъ и изобрѣтателенъ, онъ будетъ напрягать всѣ свои силы, а его прилежаніе и его изобрѣтательность пойдутъ на пользу вамъ.

Старое правило было таково: сохранить рабочаго живымъ съ возможно меньшей затратой. Новое правило требуетъ: поднять жизненную энергію рабочаго, чтобы возвысить его трудовую дѣятельность. Вотъ тотъ принципъ, который постановили современные соціалреформаторы. Такъ какъ онъ находился въ противорѣчіи къ старой практикѣ эксплоатаціи, то ихъ за это провозгласили соціалистами. Насколько они въ дѣйствительности далеки отъ соціализма, показываетъ тотъ главный доводъ, которымъ

Digitized by Google

они защищаютъ свои взгляды. Пролетарій, которому „нечего больше терять"—такъ говорятъ они—въ отчаяніи своего безнадежнаго существованія является постоянной опасностью для государства и всего общественнаго порядка. Наоборотъ, тотъ рабочій, который научился цѣнить жизнь, заботится о своемъ небольшомъ имуществѣ и поэтому не рѣшится на рискованное предпріятіе. Итакъ, подымите рабочаго на болѣе высокій уровень культуры, дабы вамъ легче было его эксплоатировать, защитить и умножить частную собственность.

Въ дѣйствительности соотношеніе вещей оказалось нѣсколько другого рода. Конечно, развитой рабочій, разъ онъ владѣетъ политическими правами, менѣе склоненъ поддаться порывамъ отчаянія. Но съ другой стороны, чѣмъ выше образованіе, самочувствіе, жизненныя требованія рабочаго, тѣмъ сильнѣе его стремленіе къ культурному существованію, тѣмъ больнѣе онъ чувствуетъ соціальное неравенство, которое создаетъ громадную и все увеличивающуюся разницу между рабочимъ и капиталистомъ, владѣющимъ матеріальными богатствами, а слѣдовательно, и средствами культурнаго развитія. Въ то же время, виды рабочаго на то, чтобы улучшить свое положеніе, въ ка-

Digitized by Google

питалистическомъ обществѣ все еще остаются ничтожными. Ибо, хотя современная снабженная сложными машинами индустрія и создаетъ потребность въ рабочемъ, интеллигентномъ и сильномъ, то все же потребность эта количественно очень не велика, и на одного квалифицированнаго рабочаго приходится сто и больше обыкновенныхъ рабочихъ. Вотъ почему самосознаніе рабочаго, пробужденное демократическимъ строемъ государства и культурнымъ развитіемъ, не понижаетъ, а, наоборотъ, повышаетъ его революціонный духъ, съ той только разницей, что революціонное настроеніе рабочаго проявляется уже не въ случайномъ бунтѣ, а въ соціально-революціонномъ пролетаріатѣ, въ сознательной политикѣ съ твердо намѣченной цѣлью.

Таковы были размышленія, которымъ я предавался, наблюдая работу арестантовъ, двигавшихся медленно и какъ-то растерянно, какъ мухи осенью.

Вдругъ съ шумомъ раскрылась дверь. „Приготовьтесь. Вы отправитесь къ допросу!“—Надзиратель сказалъ мнѣ это.

Итакъ, все-таки допросъ! Прелестно, теперь мы узнаемъ, въ чемъ дѣло.

Digitized by Google

III.

Въ такомъ же экипажѣ, какъ день тому назадъ, меня привезли въ жандармское управленіе. На этотъ разъ меня прямо привели на допросъ. Я оказался въ большой и свѣтлой комнатѣ и помѣстился на стулѣ передъ большимъ, зеленымъ столомъ. Жандармъ стоялъ на стражѣ у двери. Прошло, быть можетъ, съ полчаса, пока явился жандармскій полковникъ, ведшій слѣдствіе.

Я забылъ имя этого господина. Къ чему имя? Не стоитъ отдѣлять другъ отъ друга этихъ людишекъ—ихъ дѣятельность уравниваетъ ихъ всѣхъ, хотя, конечно, манера себя держать у нихъ различна, и различна также ихъ наружность.

Жандармскій полковникъ пригласилъ къ допросу товарища прокурора.

Его имя также оставляю въ неизвѣстности. Какъ водится, прежде всего потребовали свѣдѣнія о моей личности. Я долженъ былъ также указать имя, мѣстожительство и занятія своихъ родителей и дать точныя свѣдѣнія о своей семьѣ и своихъ родственникахъ. Я сдѣлалъ это съ самой тщательной заботливостью во всѣхъ мелочахъ, но все же съ спокойной совѣстью, ибо я самъ создалъ себѣ родителей, дѣтей и

Digitized by Google

родственниковъ въ тотъ моментъ, когда писалъ ихъ имена.

Я ужъ указалъ на то, что жилъ подъ чужимъ именемъ. Я попытался поэтому сохранить свой псевдонимъ. Пока что необходимо было установить, что̀ жандармы обо мнѣ знаютъ и чего они отъ меня хотятъ,—потомъ же можно было рѣшить, какъ себя держать дальше.

Съ той особой мягкой вѣжливостью, которая характеризуетъ жандармскій допросъ въ Россіи, жандармскій полковникъ продолжаетъ ставить свои вопросы.

— Вы иностранецъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Россію?

— Въ Россію пріѣзжаетъ не мало иностранцевъ. Я бы могъ вамъ назвать имена своихъ соотечественниковъ, которые пріѣхали иностранцами въ Россію, а теперь занимаютъ здѣсь высокіе посты.

— Это вѣрно; но вѣдь не ѣдутъ же въ Россію, чтобы попасть здѣсь въ одиночное заключеніе.

— Но вѣдь заключеніе въ тюрьму не отъ меня зависѣло.

— Вы Парвусъ?

— Мое литературное имя дѣйствительно Парвусъ. Я охотно беру на себя отвѣтственность за тѣ статьи и брошюры, которыя опу-

Digitized by Google

бликовалъ подъ этимъ именемъ. Прошу сообщить, въ чемъ меня обвиняютъ.

— Вы были предсѣдателемъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ?

— По этому предмету я отказываюсь давать показанія. („Предательство"!—подумалъ я: игра проиграна, но не мѣшаетъ установить, кто это сдѣлалъ!).

— Мы знаемъ, что Парвусъ былъ выбранъ въ президіумъ, что онъ на общемъ собраніи совѣта депутатовъ въ Теріокахъ, по причинамъ, которыя остались для насъ неизвѣстными, сложилъ съ себя депутатское званіе; мы знаемъ изъ протоколовъ резолюцію Парвуса, которая была принята собраніемъ.

— Я вамъ уже сказалъ, что мое литературное имя Парвусъ. Вамъ придется теперь доказать, что тотъ Парвусъ, который былъ въ совѣтѣ депутатовъ тождественъ со мною.

— Послѣ всего этого мы васъ должны взять подъ стражу.

— Прошу васъ сказать мнѣ, какъ гласитъ обвиненіе.

— Вы обвиняетесь по статьямъ 101 и 126 уголовныхъ законовъ въ томъ, что принимали участіе въ сообществѣ, которое поставило себѣ цѣлью посягнуть насильственно на существующій образъ правленія и ниспровергнуть обще-

Digitized by Google

ственный строй, для этой цѣли подготовляли возстаніе и имѣли запасы оружія и взрывчатыхъ веществъ. Не хотите ли вы объясниться по этому поводу?

— Я отказываюсь отъ дачи показаній.

Послѣ этого оставалось мнѣ только подписать протоколъ.

Меня увели и помѣстили тутъ же въ небольшой камерѣ.

Итакъ, дѣло рѣшено. Я приму участіе въ большомъ процессѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Перспектива не дурная, такъ какъ процессомъ этимъ можно очень и очень воспользоваться. Но, быть можетъ, и самого процесса не будетъ. Общее мнѣніе было таково, что какъ только Государственная Дума соберется, будетъ дана амнистія. Жаль только, что именно теперь, когда массы опять начали шевелиться, мнѣ приходится сидѣть подъ замкомъ.

Извѣстно ли мое дѣйствительное имя жандармамъ или нѣтъ? Не назвать ли себя? Уже я готовъ былъ для этой цѣли опять потребовать вызова на допросъ. Однако, серьезныя основанія говорили противъ моего намѣренія. Во-первыхъ, въ случаѣ частичной амнистіи, я въ качествѣ иностранца всего легче отдѣлался бы. Во-вторыхъ, если бъ я себя назвалъ, то меня какъ еврея изгнали бы изъ столицы—мнѣ пришлось

Digitized by Google

бы, слѣдовательно, оставить Петербугъ, даже въ случаѣ амнистіи. Noli tangere! Не трогай ея! Это въ концѣ концовъ лучшая тактика по отношенію къ политической полиціи.

На обратномъ пути въ тюрьму ко мнѣ на этотъ разъ въ карету сѣли два проводника.

Въ тотъ же день послѣ обѣда меня повели на прогулку.

Строгости въ то время въ Крестахъ были большія. Хотя политическіе гуляли по нѣсколько вмѣстѣ, но разговаривать другъ съ другомъ было строго воспрещено. Насъ заставляли ходить по кругу другъ за другомъ, причемъ въ перемежку съ политическими помѣщали уголовныхъ. Переговариваться можно было, слѣдовательно, только черезъ головы уголовныхъ, да и то урывками на ходу. Кругъ, раздѣленный на четыре части, охранялся патрулями. Караулъ несли въ то время здоровые, грубые молодцы изъ гвардейскаго Преображенскаго полка. Несмотря на всѣ ихъ покрикиванія, имъ, разумѣется, не удавалось достичь того, чтобъ мы не обмѣнивались другъ съ другомъ короткими замѣчаніями.

Мы, разумѣется, старались воспользоваться малѣйшей возможностью, чтобы придти въ

Digitized by Google

( )прикосновеніе другъ съ другомъ. Когда я выходилъ изъ своей камеры на прогулку, я быстро осматривалъ корридоръ и лѣстницы, не видать ли кого изъ моихъ товарищей. Сообразно съ этимъ я либо ускорялъ свои шаги, чтобы нагнать его, либо наоборотъ замедлялъ ихъ, чтобы дать ему возможность подойти ко мнѣ. Конечно, больше, чѣмъ рукопожатія и пары бѣглыхъ словъ, такимъ образомъ достичь нельзя было. Но и это уже при данныхъ условіяхъ означало много. Разъ я такимъ образомъ встрѣтился со своимъ другомъ А. Его вели въ другой дворъ, но мы оказались въ одно время въ общемъ корридорѣ. Мы бросились другъ другу въ объятія и расцѣловались. „Наша возьметъ!“—воскликнулъ я. „Конечно“—получилъ я въ отвѣтъ. Въ это время надзиратели подскочили къ намъ, и мы разошлись.

Во время прогулки на дворѣ мы также всячески старались возможно ближе подойти другъ къ другу. Для сторонняго наблюдателя, въ особенности, если смотрѣть съ высоты, мы должны были представлять довольно странное зрѣлище: скучившись, безпрерывно и все же украдкой поворачивая голову и тѣло, чтобы лучше переговариваться, мы суетливо бѣжали въ кругѣ; отъ времени до времени рука солдата протягивалась между нами и ровнымъ движеніемъ

Digitized by Google

ладони отстраняла однихъ отъ другихъ, задерживая движеніе одной части, давая другой итти впередъ. „Быстрѣе! Идите быстрѣе“.

— „Медленнѣе, медленнѣе, не такъ скоро“.— „Стой!“ — Такъ безпрерывно раздавалась команда. Солдаты старались возможно правильнѣе распредѣлить насъ по всему кругу. У нихъ была при этомъ очевидная цѣль: увеличить разстояніе между политическими. Однако, для нѣкоторыхъ особенно бравыхъ преображенцевъ это превращалось въ своего рода спортъ: имъ пріятно было смотрѣть, какъ равномѣрно распредѣлялись фигуры въ кругѣ, поэтому они гнали насъ и останавливали, безпрерывно командуя намъ въ теченіе того короткаго получаса, которое находилось въ нашемъ распоряженіи для прогулки, и все это съ цѣлью достичь равныхъ промежутковъ между нами, равномѣрной маршировки и равномѣрнаго распредѣленія по всему кругу. Разумѣется, мы съ своей стороны отнюдь не могли согласиться на то, чтобы нами распоряжались какъ шахматными фигурами. Дѣло не обходилось безъ споровъ съ солдатами и угрозъ съ ихъ стороны.

И вотъ правильнымъ теченіемъ потекла моя тюремная жизнь. Борьба съ жандармами была закончена. Департаментъ полиціи достигъ своей цѣли: я былъ удаленъ съ политической

Digitized by Google

арены и—поскольку это было вообще въ человѣческой силѣ—обезвреженъ. Все остальное, вопросъ о томъ, удастся ли приговорить меня на каторгу и дойдетъ ли вообще дѣло до судебнаго приговора, имѣло второстепенное значеніе. Слѣдовательно, не въ интересахъ полиціи было ускорять судебное слѣдствіе. Главное, жандармы имѣли меня въ рукахъ и не выпускали. Я зналъ очень хорошо, что, если оставить въ сторонѣ вопросъ объ амнистіи, то мнѣ не такъ скоро удастся выйти изъ тюрьмы, развѣ только меня народъ освободитъ или я самъ спасусь бѣгствомъ.

Самое сильное мученіе человѣкъ испытываетъ въ *ожиданіи* страданій, а не въ самомъ страданіи. Смерть сама по себѣ ничто, но ожиданіе смерти можетъ стать ужаснымъ. Поэтому также преступникъ самыя сильныя душевныя волненія испытываетъ во время слѣдствія и на судѣ, пока не вынесенъ приговоръ. Но съ того момента, какъ дѣло рѣшено, и ему предстоитъ перенести опредѣленное наказаніе, волненіе спадаетъ, и начинается процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ жизни. Теперь онъ получаетъ увѣренность, зная, что ничего ужъ измѣнить не можетъ, и оставляетъ всякую надежду избавиться отъ наказанія,—а вмѣстѣ съ этимъ прекращается его душевная борьба.

Digitized by Google

Поэтому трагизмъ имѣетъ свой предѣлъ тамъ, гдѣ кончается надежда.

Я легко могъ себѣ представить, а впослѣдствіи убѣдился въ томъ, какъ этотъ арестъ, въ томъ видѣ, какъ его такъ охотно практикуетъ наша политическая полиція, вліяетъ на юные, несложившіеся характеры. Какъ разъ тѣ заключенные, которымъ предстояло относительно незначительное наказаніе, или которые могли разсчитывать освободиться безъ всякаго наказанія, впадали подъ вліяніемъ этого неопредѣленнаго ареста, при которомъ каждый день могъ принести наказаніе или освобожденіе, въ чрезвычайно нервное, напряженное состояніе, граничившееся съ сумасшествіемъ.

Пусть жандармы дѣлаютъ, что хотятъ, и готовятъ мнѣ, что угодно! Я рѣшилъ совершенно не обращать на это вниманія. Мое присутствіе въ тюрьмѣ и весь тюремный аппаратъ, который меня окружалъ, это были факты, и я съ ними считался какъ съ объективной дѣйствительностью. Я попалъ въ особыя странныя условія—какъ Нансенъ на своемъ кораблѣ или какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе на пустынномъ островѣ среди дикарей—теперь мнѣ оставалось только одно: позаботиться о томъ, какъ бы получше устроиться, чтобы удовлетворить свои потребности культурнаго человѣка.

Digitized by Google

Въ гигіеническомъ отношеніи мнѣ пришлось обратить вниманіе на недостатокъ свѣта, воздуха и движенія. Намъ давали прогулку два раза въ день по получасу. Движенія, очевидно, было недостаточно. Въ виду этого я рѣшилъ утромъ и передъ сномъ дѣлать комнатную гимнастику. Я провелъ это съ большимъ успѣхомъ въ теченіе всего времени своего заключенія. Я убѣжденъ, что можно было бы сильно понизить процентъ заболѣванія и смертности въ тюрьмахъ, если бы внести въ нихъ въ употребленіе гимнастическіе аппараты и правильныя гимнастическія упражненія. Кое-что въ этомъ отношеніи въ новѣйшее время достигается тюремными работами, но все же тюремныя работы не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ онѣ вездѣ, какъ въ цивилизованной Европѣ, такъ и въ Россіи, стали средствомъ возмутительной эксплоатаціи и притѣсненія заключенныхъ.

Форточку въ окнѣ я день и ночь держалъ открытой. Къ сожалѣнію, мнѣ нельзя было снять двойныя рамы. Черезъ нѣсколько дней меня перевели въ другую камеру, на солнечной сторонѣ, такъ что не было недостатка и въ животворящихъ, солнечныхъ лучахъ.

Но прежде всего и главнымъ образомъ я позаботился о регулярныхъ и разнообразныхъ умственныхъ занятіяхъ.

Digitized by Google

Въ тюрьмѣ, гдѣ нѣтъ внѣшнихъ импульсовъ и отсутствуютъ внѣшнія условія, регулирующія духовную жизнь, очень легко можетъ случиться, что жизнь превращается въ безтолковую толкотню, вредную для души и ума. Заключеннымъ, напримѣръ, внезапно овладѣваетъ страсть къ работѣ. Тогда онъ набрасывается на какое-нибудь занятіе и работаетъ запоемъ день и ночь, безпрерывно, пока не сказывается неизбѣжная реакція нервовъ, послѣ чего онъ впадаетъ въ состояніе полной апатіи и инертности. Черезъ нѣкоторое время онъ опять увлекается чѣмъ-нибудь другимъ и опять-таки, все равно, что бы оно ни было—научное изслѣдованіе, новый романъ или шахматная игра—онъ весь цѣликомъ отдается ему, пока и это ему не надоѣстъ. Въ результатѣ умственная раздробленность и тоска.

Принципъ, установленный Нансеномъ въ жизнеустройствѣ на его заключенномъ въ вѣчныхъ льдинахъ кораблѣ имѣетъ силу „mutatis mutandis“ также для одиночнаго заключенія въ тюрьмѣ вообще: нужно внести систему занятія каждаго дня, раздѣлить день, наполнить день разнообразными правильно повторяющимися занятіями.

Я началъ нѣсколько литературныхъ работъ, которымъ я, однако, посвящалъ только

Digitized by Google

опредѣленные часы дня; а остальное время я посвящалъ чтенію изящной литературы и другихъ произведеній.

Я привыкъ къ этой жизни и даже находилъ въ ней свою прелесть. Въ особенности благотворно дѣйствовало то, что мой мыслительный процессъ былъ теперь ровный и спокойный—въ нашъ вѣкъ, полный торопливости быстрыхъ переходовъ, это для политическаго писателя возможно только въ одиночномъ заключеніи. Мозгъ работалъ какъ-то особенно гладко и цѣльными образами, какъ хорошо смазанная машина. Какая благодать—не чувствовать за собою всей этой компаніи издателей, типографщиковъ, мальчишекъ изъ наборной, которые безпощадно выдергиваютъ у тебя изъ-подъ руки рукопись и не хотятъ взять въ толкъ, что они такимъ образомъ рвутъ на куски твои мысли! Какое счастье—не быть принужденнымъ приспособлять ходъ своихъ мыслей къ ходу ротаціонной типографской машины.

Я работалъ спокойно, не преслѣдуемый больше навязчивой мыслью, что мнѣ надо „сдать“ къ опредѣленному числу свою рукопись. Вскорѣ я вообще пересталъ справляться о числѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно мнѣ было, какое число? Конечно, если бъ

Digitized by Google

мнѣ предстояло отсидѣть опредѣленный срокъ, тогда дѣло обстояло бы иначе, тогда меня каждый день приближалъ бы къ сроку моего освобожденія,—но что мнѣ было до того теперь!.. Точно такъ же для меня былъ безразличенъ день недѣли—понедѣльникъ или пятница—мнѣ было все равно. Разница между днемъ и ночью была естественна; она проявлялась въ смѣнѣ свѣта и темноты, дѣятельности и сна. Но всякое другое раздѣленіе времени произвольно выдумано только съ той цѣлью, чтобы не потеряться въ его безпредѣльности. Я къ тому же даже намѣренно старался освободиться отъ чувства психической связи съ произвольными періодами времени. Взамѣнъ этого я получалъ другое чувство, которое, пожалуй, можно было назвать чувствомъ прикосновенія къ безконечности—это было такое же ощущеніе, какъ у пловца въ морѣ, который чувствуетъ себя, какъ бы слившимся съ безконечной водяной равниной.

Круговоротъ моей жизни былъ весь заключенъ въ днѣ, а день этотъ повторялся безконечно.

Кому въ первый разъ приходится испытать тюремное заключеніе, того обыкновенно чрезвычайно стѣсняетъ запертая дверь. Въ своей обыденной жизни онъ можетъ былъ кабинетнымъ человѣкомъ, который по цѣлымъ днямъ

Digitized by Google

не оставлялъ своей комнаты, но теперь онъ ежеминутно наталкивается на запертую дверь и хочетъ ее открыть. Она положительно стоитъ у него на пути. Онъ не можетъ сидѣть за столомъ, не можетъ читать, не можетъ ходить по комнатѣ, потому что дверь за нимъ заперта.

Что бы онъ ни предпринялъ, о чемъ бы ни задумался,—мысль его неминуемо сворачивается на то, что дверь за нимъ заперта. Онъ впадаетъ въ душевное состояніе, которое могло бы дать богатый матеріалъ для болѣзненнаго душевнаго анализа Достоевскаго или Леонида Андреева.

У меня самого этого чувства больше не было. Несмотря на всю серьезность положенія, мнѣ чисто физическое заключеніе, то обстоятельство, что за мной запирали дверь, казалось ребячествомъ смѣшнымъ и нелѣпымъ. Иначе, однако, связана съ этимъ умственная изоляція.

Меня вырвали изъ среды моей дѣятельности—тогда я создалъ себѣ дѣятельность въ самой тюрьмѣ. Когда меня арестовали, я какъ разъ собирался начать выпускать рабочую газету. Здѣсь, гдѣ у меня было больше свободнаго времени и настроенія для научной работы мысли, я занимался общими задачами рабочей политики въ Россіи, изучалъ аграрный во-

Digitized by Google

просъ и финансовое положеніе государства. Но все-таки—это не была уже больше борьба, это была уже только лишь подготовка къ борьбѣ на то время, когда я буду опять на свободѣ. Итакъ, моя жизнь распалась на двѣ части: до тюрьмы и послѣ тюрьмы,—а въ промежуткѣ я находился въ такихъ жизненныхъ условіяхъ, гдѣ дѣятельность прекращается и остаются только желаніе, стремленіе, тоска и поиски поля дѣятельности. Что такое дѣятельность? Это безпрерывное вліяніе на среду и вліяніе среды на дѣйствующаго, это—сила противъ силы, это преодолѣваніе препятствій, это—борьба полной жизнью. А здѣсь въ тюрьмѣ могла быть только дѣятельность ради нея самой, чтобы поддержать организмъ, чувства и умъ, не дать имъ уснуть, замереть.

Я зналъ, что тамъ за стѣнами тюрьмы подымаются высоко волны революціи, а самъ я былъ, какъ на льдинѣ, которая носится по бурному теченію.

Мои чисто личныя отношенія также были вслѣдствіе ареста болѣзненно оборваны. Въ первые дни меня охватывала такая тоска по своей пріятельницѣ, что я ходилъ, какъ одурманенный. Бываютъ факты, настолько противорѣчащіе всему смыслу нашей жизни, что мы ихъ не въ состояніи понять. Такова— смерть. Смерть

Digitized by Google

нелогична, или же—она всю нашу человѣческую логику дѣлаетъ абсурдомъ. Такъ вотъ, такимъ образомъ я не могъ также понять того факта, что грубая сила вторгнулась между нами и дала жизни каждаго изъ насъ другое направленіе. Въ концѣ концовъ я поборолъ въ себѣ это душевное состояніе тѣмъ, что отвлекъ свою мысль отъ своего личнаго чувства къ общимъ соціальнымъ размышленіямъ.

Рабочій и его подруга—вы можете назвать ее невѣстой или возлюбленной—мечтаютъ о совмѣстномъ счастіи. Они молоды и влюблены другъ въ друга. Ихъ жизнь даетъ только тогда полный аккордъ, когда они вмѣстѣ. И вотъ они устроились вмѣстѣ, но уже на слѣдующій день онъ идетъ на фабрику, она—въ мастерскую. *Работа* раздѣляетъ ихъ. Послѣ дня, проведеннаго среди чужихъ людей, въ нездоровой обстановкѣ, въ дѣятельности утомительной и безынтересной для нихъ, они къ вечеру усталые и раздраженные возвращаются домой. *Усталость* ихъ раздѣляетъ. У нихъ рождаются дѣти. Ихъ небольшая квартирка, которая только что была для нихъ уютнымъ гнѣздышкомъ, теперь превращается въ дѣтскую, кухню, спальню и прачешную; она тѣсна, грязна, полна смрада и дѣтскаго шума—нѣтъ въ ней прежней уютности, она уже не привлекаетъ больше.

Digitized by Google

Теперь онъ ужъ не ускоряетъ своихъ шаговъ, когда возвращается домой. *Бѣдность* ихъ раздѣляетъ. Онъ теряетъ свою работу: дѣти голодаютъ, жена плачетъ и жалуется въ своей досадѣ; она становится несправедливой по отношенію къ нему. Отчужденіе между ними растетъ: *голодъ* ихъ раздѣляетъ. Дѣти и заботы подрываетъ здоровье жены, она быстро старѣетъ, лицо ея становится блѣднымъ и истощеннымъ, горе кладетъ на немъ свой отпечатокъ. *Болѣзнь* ихъ раздѣляетъ. И что же, развѣ не повторяется это въ тысячахъ случаевъ?

Рабочій создастъ себѣ уютный уголокъ, а жизнь вторгается въ его семью и превращаетъ его въ адъ кромѣшный. Жизнь становится для рабочаго враждебной силой, которая ломаетъ вдребезги его счастье. Меня тюрьма отдѣляла отъ моей дѣятельности и отъ милыхъ мнѣ людей, а для рабочаго, при современныхъ соціальныхъ условіяхъ, весь міръ становится тюрьмой, а жизнь—каторгой.

Мою волю связываютъ, у меня отнимаютъ то, что составляетъ содержаніе моей жизни—это мученіе. Но я знаю мученія еще худшія, еще болѣе жестокія. Представьте себѣ, что удалось устроить такъ, чтобы задерживать каждое ваше дѣйствіе въ самомъ началѣ и превратить его въ нѣчто совершенно противо-

Digitized by Google

положное тому, что вы хотѣли сдѣлать. Вы хотите подняться—васъ заставляютъ опять сѣсть. Вы хотите сѣсть—изъ-подъ васъ вытаскиваютъ стулъ. Вы хотите отдохнуть—васъ ударами кнута заставляютъ бѣгать. Вы работаете, а у васъ отнимаютъ плодъ вашихъ рукъ или вашего мозга. Васъ заставляютъ каждый разъ снова начинать работу и каждый разъ разрушаютъ ее, не давши кончить. Поднятую руку ударомъ отбрасываютъ назадъ, слово замираетъ на устахъ, мысль не даютъ закончить. Развѣ это не было бы мученіемъ еще болѣе страшнымъ, чѣмъ работа Сизифова или работа Данаидъ? Но развѣ не подобна этому судьба современнаго пролетарія! Онъ работаетъ, но не находитъ радости въ работѣ, у него отняли ее, такъ какъ у него отнимаютъ плоды его трудовъ, а его самого дѣлаютъ придаткомъ къ машинѣ. Онъ всю свою жизнь катитъ камни на верхъ горы, которые всякій разъ ускользаютъ у него изъ-подъ рукъ, когда онъ достигъ вершины. Онъ любитъ—и вотъ нужда и эксплоатація дѣлаютъ его любовь источникомъ нищеты и горя. Онъ хочетъ воспитать своихъ дѣтей, но у него ихъ отнимаютъ и бросаютъ ихъ въ уличную грязь, ставятъ ихъ на работу среди стальныхъ машинъ въ духотѣ и пыли фабрики.

Digitized by Google

Можетъ ли пролетарій избавиться отъ этихъ злобныхъ силъ, которыя уничтожаютъ его жизнь? Гдѣ ему построить домъ свой, чтобы уйти отъ нихъ? Ничего не помогаетъ, онъ не можетъ укрыться отъ нихъ, пока онъ остается въ общественныхъ условіяхъ, которыя создалъ капиталъ.

Но мы въ тюрьмѣ, у насъ по крайней мѣрѣ были мечты о побѣгѣ. Вѣдь достаточно было бы оказаться по ту сторону тюремной стѣны, и передъ нами открывался весь міръ. Одна только тюремная стѣна!

Я смотрѣлъ въ окно на дворъ. Въ углу, за стѣною, выглядывалъ верхній этажъ небольшого трактира, я видѣлъ также вывѣску, висѣвшую надъ входомъ. Тамъ очевидно была улица. Трактиръ находился по ту сторону ея. Что, если бы, напримѣръ, перепилить рѣшетку затѣмъ въ темную ночь спуститься во дворъ на связанныхъ между собою простыняхъ? У угольной кучи были доски, которыя можно было бы подставить къ стѣнѣ, чтобы взобраться по нимъ. Больше ничего не нужно, такъ какъ на улицѣ часового нѣтъ!.. Да, конечно, если бы только не было двухъ громадныхъ электрическихъ фонарей, которые заливали свѣтомъ весь дворъ.

Digitized by Google

IV.

Наши прогулки во дворѣ скоро превратились въ политическій клубъ. Хотя въ наши ряды уже стали ставить по два уголовныхъ, такъ что каждый третій былъ политическій, но наше страстное стремленіе къ обмѣну мыслей, желаніе услышать живую рѣчь было такъ велико, что съ нами невозможно было справиться. Мы разговаривали другъ съ другомъ, несмотря на покрикиванія солдатъ и досадливое ворчаніе надзирателей. Бесѣда, конечно, шла урывками, наскоро и очень безпорядочно, но все же мы съ теченіемъ времени достигли такой ловкости и изворотливости, что могли вести сразу нѣсколько связныхъ дискуссій.

Я начинаю, напримѣръ, съ того пункта, гдѣ кругъ пересѣкается съ дорожкой, идущей по его серединѣ. По этой дорожкѣ прохаживается одинъ, взадъ и впередъ, товарищъ Г. Въ этотъ моментъ онъ подошелъ къ кругу. Разговоръ начинается:

— Новый заемъ составляетъ 2000 милліоновъ франковъ. Изъ нихъ 1200 за-границей. Но гдѣ взять 800 мил. внутренняго займа?— Ерунда! Денегъ не будетъ. Заемъ только будетъ занесенъ въ книгу.

Послѣднія слова мнѣ приходится говорить довольно громко, такъ какъ мы отдѣлились

Digitized by Google

другъ отъ друга, и я приближаюсь къ товарищу Н., который гуляетъ у стѣны, по касательной къ кругу.

— Не думаете ли вы также,—говоритъ онъ, —что слѣдовало бы возстановить совѣты депутатовъ.

— Разумѣется! Намъ надо брать рабочихъ, какъ они есть. Пока что безпартійно. Единственное условіе—классовая борьба. Главное—организація массъ. Надо рабочихъ путемъ классовой борьбы привести къ соціализму.

— Я тоже такъ думаю—доносится ко мнѣ издалека. Сзади меня раздается голосъ:—„кадеты получатъ большинство при выборахъ—газеты сообщаютъ". Уголовный вмѣшивается въ разговоръ: „кадеты? этимъ еще что нужно?" За угломъ, совсѣмъ въ сторонѣ, такъ какъ онъ, въ наказаніе за разговоръ, лишенъ общихъ прогулокъ, показывается фугура моего друга А. „Кадеты получатъ большинство", кричу я ему. Онъ не слышитъ. „К.-д.—большинство", кричу я еще разъ изо всѣхъ силъ.

Въ это время половина круга пройдена. Товарищъ Г., который нарочно прогуливался чрезвычайно медленными шагами, теперь опять встрѣчается со мною.

— Франція даетъ 800 милліоновъ, однако,

Digitized by Google

подъ тѣмъ условіемъ, чтобы этой суммой прежде всего были уплачены краткосрочныя долговыя обязательства. Это составляетъ 799,8 милліоновъ франковъ. Итакъ въ результатѣ— нуль.

Я продолжаю свою круговую прогулку. По отдѣльной дорожкѣ другой стѣны прохаживается тихо и медленно больной товарищъ. Онъ разсказываетъ мнѣ, какъ онъ изъ провинціи пріѣхалъ въ Петербургъ въ качествѣ делегата отъ мѣстнаго совѣта депутатовъ и на первомъ же засѣданіи у насъ былъ арестованъ. Онъ очень скверно выглядитъ: исхудалъ до невозможности, землисто-блѣдный цвѣтъ лица, посинѣвшія губы, какъ у чахоточнаго.

Кругъ законченъ, и товарищъ Г. опять на своемъ мѣстѣ.

— Все сводится къ тому, что на мѣсто старыхъ долговыхъ обязательствъ выпускаются новыя, но по болѣе высокому проценту. Это ростовщическій заемъ. Вотъ почему биржа соглашается заключить заемъ до созыва Думы. Дума никоимъ образомъ не могла бы согласиться на этотъ заемъ.

— Въ своей классовой борьбѣ рабочіе обязательно поддаются соціалистическому руководству и охотно ему подчиняются, но въ то же

Digitized by Google

время, какъ массовая организація, они подчиняютъ себѣ фракціонныя распри. Это мы всѣ видѣли на примѣрѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Въ немъ большевики и меньшевики работали солидарно. Наконецъ, даже и соціалисты-революціонеры въ совѣтѣ депутатовъ ничего другого, кромѣ соціалдемократической политики, придумать не могли.

Такъ шли разговоры, пока кончались роковые полчаса прогулки и надо было расходиться по камерамъ.

Особое значеніе наши прогулки получили вслѣдствіе обмѣна политическими новостями. Отъ времени до времени къ намъ попадали газеты. Все, что каждый изъ насъ узнавалъ, онъ во время прогулки сообщалъ всѣмъ другимъ. Во главѣ политическаго интереса стояли выборы въ Государственную Думу. Сппозиціонный характеръ этихъ выборовъ съ каждымъ днемъ выступалъ опредѣленнѣе и яснѣе.

Мы вели оживленные дебаты по вопросу о политическомъ положеніи. Большинство изъ насъ было арестовано третьяго декабря на историческомъ собраніи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ петербургскихъ рабочихъ, значитъ, въ такое время, когда волны революціи поднялись очень высоко. Они ждали, что побѣдоносный народъ въ ближайшіе дни откроетъ имъ двери тюрьмы. Но прохо-

Digitized by Google

дили дни и недѣли, народныя массы не являлись, и никто не стучалъ въ тюремныя ворота. Въ то же время росла холодная и свирѣпая наглость жандармовъ. Получались ужасныя и печальныя извѣстія. Все разгромлено, потоплено въ крови. Карательныя экспедиціи! Случай со Спиридоновой! Возмутительныя вакханаліи, которыя вихремъ проносились по всей Россіи! Тѣмъ не менѣе, заключенные сохранили свою увѣренность и спокойствіе духа. Они знали, что дѣла примутъ другой оборотъ. Но когда? Многіе устали и относились недовѣрчиво къ новымъ событіямъ.

Что касается меня, то я какъ разъ еще имѣлъ время пережить реакціонную оргію въ ея высшемъ развитіи передъ тѣмъ, какъ меня арестовали. Настроеніе въ массахъ начинало принимать другой оборотъ. На мѣсто разочарованія и удрученности стало проявляться порожденное отчаяніемъ жгучее негодованіе. Въ народныхъ массахъ созрѣвала рѣшимость бороться. Было, однако, ясно, что побѣда надъ правительствомъ возможна только путемъ народнаго возстанія, связаннаго съ военными бунтами, только тогда, если народъ и армія соединятся. Но для этого еще нужна была—это показало декабрьское движеніе—продолжительная предварительная работа политической борьбы.

Digitized by Google

Не трудно было усмотрѣть, что Государственная Дума уже однимъ тѣмъ, что она подвергнетъ публичной критикѣ политику правительства и всю мѣшанину соціальныхъ вопросовъ, въ которыхъ запуталось государство, будетъ работать, даже помимо своей воли, на пользу революціи. Далѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ оппозиція въ Думѣ, тѣмъ рѣзче и обстоятельнѣе будетъ ея критика господствующихъ порядковъ. Но вопросъ о Государственной Думѣ былъ вопросомъ о крестьянствѣ.

Каковъ нашъ крестьянинъ? Подъ полицейскимъ режимомъ самодержавія, на это никто не могъ дать точнаго отвѣта. Мы еле подняли завѣсу надъ жизнью крестьянина; но что дѣлалось въ головѣ крестьянина, политическая мысль его—все это оставалось для насъ скрытымъ. Когда война, потомъ революція ослабили правительственную силу, тогда и крестьянство во многихъ мѣстахъ сразу зашевелилось. Были крестьянскіе съѣзды, былъ крестьянскій союзъ, охватывающій сотни тысячъ народу. Но много ли это при крестьянскомъ населеніи въ сто милліоновъ? Крестьянскія волненія, охватившія нѣсколько тысячъ деревень, тоже еще не были достаточнымъ показателемъ настроенія крестьянскихъ массъ въ странѣ, гдѣ насчитываютъ триста тысячъ населенныхъ мѣстъ.

Digitized by Google

Быть можетъ, крестьянскія массы пбдадутся вліянію земскихъ начальниковъ, губернаторовъ и т. п. и выбирать будутъ, какъ они прикажутъ. Въ особенности въ настоящій моментъ, при господствѣ правительственнаго террора. Правительство по своему очень дѣятельно подготовляло выборы. Только послѣ того, какъ оно разрушило всѣ революціонные очаги, превратило въ пепелъ цѣлыя провинціи, засадило въ тюрьмы почти сто тысячъ человѣкъ, оно назначило выборы. Оно хотѣло насиліемъ и страхомъ повліять на населеніе. Необходимо было сильное политическое сознаніе, необходима была великая рѣшимость, чтобы при такихъ условіяхъ противиться правительству и итти своимъ собственнымъ путемъ. Дѣйствительно ли крестьянство въ своей массѣ достаточно зрѣло, чтобъ настоять на своей собственной волѣ? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ.

Первыя выборныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы, гдѣ гладко прошли кандидаты к.-д., преисполнило насъ радостью, но на ихъ основаніи, конечно, нельзя было еще судить о всей странѣ. Однако, каждый день приносилъ новыя извѣстія о побѣдѣ оппозиціи.

Надо замѣтить, что къ тому времени мы почти ежедневно получали газеты. Нѣсколько

Digitized by Google

надзирателей согласились помогать намъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ—отчасти, какъ наши политическіе единомышленники, отчасти, вслѣдствіе личнаго сочувствія заключеннымъ, а то и просто за деньги. Такимъ образомъ и я получилъ возможность послать своей пріятельницѣ письмо безъ того, чтобъ оно попало въ тюремную цензуру. Такимъ же путемъ я получилъ отвѣтъ.

Газеты печатали въ каждомъ нумерѣ таблицы выборныхъ результатовъ. Вездѣ, въ городахъ, какъ и по деревнямъ результатъ почти повсюду одинъ и тотъ же—побѣда оппозиціи. Городское населеніе не поддалось страху, не поддалось страху и крестьянство. Послѣднее обнаружило степень политическаго пониманія, превосходившаго всѣ ожиданія. Таковъ былъ результатъ выборовъ, политическое значеніе котораго оставалось навсегда.

Столбцы газетъ были переполнены либеральными ожиданіями. На первый планъ былъ выдвинутъ вопросъ объ амнистіи.

Кадеты, упоенные своей побѣдой, обѣщали всему міру все, что только у нихъ просили. Крестьянамъ—землю, намъ—амнистію, людямъ торговымъ—спокойствіе, порядокъ и наживу. Они ходили гоголемъ въ радостномъ настроеніи, какъ человѣкъ, который только что по-

Digitized by Google

лучилъ большое наслѣдство. Они думали, что унаслѣдовали всю Россію. Все, что было раньше, исчезло передъ ихъ глазами, скрылось во мракѣ временъ: военная сила правительства, какъ и революціонная агитація соціалдемократіи—теперь существовала одна только единая Россія, во главѣ которой стояли кадеты. Между тѣмъ, въ дѣйствительности они даже не одержали политической побѣды, а только побѣду выборную, которая имъ удалась тѣмъ легче, что при этихъ первыхъ парламентскихъ выборахъ настоящей борьбы партій еще не было, а была лишь борьба съ правительствомъ.

Кадеты подняли большую агитацію по всей странѣ въ пользу амнистіи и заявили, что не успокоятся до тѣхъ поръ, пока это требованіе не будетъ исполнено.

Правительство само всѣхъ больше было поражено результатами выборовъ. Оно колебалось, не знало, какъ поступить и поэтому на первыхъ порахъ дало либерализму возможность развернуться. Казалось, что оно дѣйствительно до извѣстной степени готово итти на уступки. Казалось, что оно дѣйствительно не прочь дать амнистію. Офиціозная пресса сообщала даже число, когда долженъ былъ быть оглашенъ манифестъ объ амнистіи, и различныя подробности о его содержаніи.

Digitized by Google

Въ силу всего этого первоначальное недовѣріе у нѣкоторыхъ изъ насъ перешло въ нетерпѣніе ожиданія. Становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнить съ какими большими надеждами эти товарищи вступили въ стѣны тюрьмы, какъ сильно потомъ эти надежды упали, чтобы теперь опять воскреснуть къ жизни. Въ такомъ настроеніи хотѣлось по возможности ускорить развязку. Для этой цѣли было предложено устроить голодовку, чтобы со своей стороны этимъ поддержать агитацію въ пользу амнистіи.

Противъ этого раньше всего было выдвинуто возраженіе, что мы вообще не хотимъ амнистіи. Нѣтъ, мы не хотимъ помилованія. У насъ требованія совершенно другого рода. Мы требуемъ публичнаго суда, при полной гарантіи справедливаго приговора, безъ всякаго вліянія со стороны правительства.

Мы не хотимъ суда чиновниковъ и шпіоновъ, которому правительство подсовываетъ готовый приговоръ въ запечатанномъ конвертѣ еще прежде, чѣмъ началось судебное разбирательство.

Мы требуемъ народнаго суда.

Пусть этотъ судъ изслѣдуетъ все, что мы дѣлали. Передъ этимъ судомъ мы сами свободно и открыто изложимъ, чего мы хотѣли

Digitized by Google

и чего добивались. Послѣ этого пусть онъ произноситъ свой приговоръ.

Это будетъ приговоръ не только надъ нами, но и надъ правительствомъ.

Требовать такого суда—наше право, которое у насъ нельзя отнять.

Правительство арестовало насъ и держало насъ цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ, оно грозило намъ каторгой и ссылкой,—такъ что же, если оно насъ теперь освободитъ, такъ неужели уже счетъ между нами и имъ такъ уже и законченъ? Нисколько, далеко еще нѣтъ.

Помилованіе—для насъ оскорбленіе. То, что мы сдѣлали, это не провинность, которую намъ можно простить, нѣтъ, это заслуга передъ народомъ. Не мы преступники, а тѣ, кто насъ держалъ въ тюрьмѣ. Мы подымаемъ движеніе противъ правительства.

На судъ съ этимъ правительствомъ! Мы покажемъ, что оно совершило надъ нами преступленіе, и что это преступленіе только замыкаетъ собою рядъ подобныхъ же, при помощи которыхъ оно сохраняетъ свое господство въ государствѣ.

Такъ мы разсуждали. Въ то же время намъ было ясно, что ужъ во всякомъ случаѣ до созыва Государственной Думы нечего было думать о публичномъ судебномъ разбирательствѣ

Digitized by Google

въ политическомъ процессѣ, въ которомъ наши права были бы гарантированы хотя бы самымъ скромнымъ образомъ. Слѣдовательно, нужно было обождать Думу. И вотъ стали распространять мысль начать 27-го апрѣля, когда Дума соберется, голодовку и поставить требованіе: публичнаго, народнаго суда надъ нами.

Приближалась Пасха. Все настойчивѣе и съ чрезвычайною опредѣленностью газеты сообщали изъ „достовѣрныхъ источниковъ", что въ день Воскресенья Христова будетъ изданъ манифестъ о помилованіи политическихъ.

Правительство стояло на поворотѣ. Если оно хотѣло такъ или иначе устроиться съ Государственной Думой, оно должно было дать амнистію. Безъ амнистіи не будетъ успокоенія ни въ народѣ, ни въ арміи, это было ясно. Или же правительство рѣшается итти другимъ путемъ. Тогда, разумѣется, амнистіи не будетъ. Но это тогда даже и не важно: дѣла тогда вообще принимаютъ чрезвычайно серьезный оборотъ. Ибо при такихъ условіяхъ, раньше или позже, неизбѣжно народное возстаніе. Быть можетъ, тогда освободитъ насъ революціонный народъ, если правительство не пришлетъ раньше солдатъ, чтобы проколоть насъ штыками.

Но если правительство намѣрено итти пу-

Digitized by Google

темъ компромиса, то ему, очевидно, выгодно дать амнистію сейчасъ, пока не собралась еще Государственная Дума. Тогда амнистія, по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду, все же останется актомъ царской милости, межъ тѣмъ какъ впослѣдствіи она получаетъ характеръ уступки, которую въ борьбѣ отвоевала Государственная Дума. Итакъ дѣйствительно очень много говорило за то, что къ Пасхѣ можно ждать амнистіи.

Мы такъ свыклись съ мыслью объ амнистіи, что считались съ ней чуть ли не какъ съ готовымъ фактомъ. Мы сговаривались, какъ и гдѣ встрѣтиться послѣ освобожденія, строили планы совмѣстной дѣятельности. Всего только еще нѣсколько дней, и мы свободны, среди друзей и товарищей и опять среди великаго массоваго движенія. Какія чудныя перспективы! Сердце трепетало отъ радостнаго ожиданія. Всего нѣсколько дней!

Межъ тѣмъ и во внѣшней жизни тюрьмы стало замѣтно приближеніе Свѣтлаго праздника. Вездѣ чистили, мыли, скребли. Въ главномъ корридорѣ строили большіе столы для общей трапезы тюремнаго персонала.

Изъ окна моей камеры была видна тюремная церковь. Послѣдніе дни здѣсь было безпрерывное движеніе. Женщины и дѣти прихо-

Digitized by Google

дили съ узлами, корзинами и приносили въ нихъ разныя яства, чтобы освятить ихъ ко дню разговѣнія. Многіе изъ нихъ взглядывали къ намъ въ окна, иныя кланялись или махали платочками. Я простаивалъ по нѣсколько часовъ у окна и глядѣлъ на прохожихъ, надѣясь замѣтить среди нихъ знакомое лицо.

Наступилъ вечеръ передъ праздникомъ, церковь была ярко освѣщена. Надъ ея входомъ иллюминація изъ электрическихъ лампочекъ. Подъ синеватымъ свѣтомъ электричества, какъ призраки, мелькали внизу человѣческія фигуры и исчезали внутри церкви. Началось великое, всенощное бдѣніе. Въ самомъ зданіи тюрьмы чувствовалось безпокойство и хлопотливая возня. Здѣсь, гдѣ ночью господствуетъ гробовая тишина, только изрѣдка прерываемая кашлемъ больного, теперь также бодрствовали. Я чувствовалъ, что торжественная напряженность, которая была разлита повсюду, забирается также въ мою комнату. Поэтому я легъ на кровать и скоро уснулъ.

Меня разбудилъ рѣзкій свѣтъ. „Теперь еще не день, должно быть, поздняя ночь—подумалъ я, когда открылъ глаза. Въ моей камерѣ горѣло электричество. Въ окнѣ я увидѣлъ потокъ синеватаго свѣта. Радостный, торжественный звонъ колоколовъ наполнялъ воз-

Digitized by Google

духъ. Ахъ да, великій обрядъ достигъ своего высшаго пункта—но чего хотятъ отъ меня? У моей двери стоялъ надзиратель и протягивалъ мнѣ черезъ форточку тарелку, на которую было положено нѣсколько крашеныхъ яицъ, пасха и куличъ!

Я попросилъ затушить свѣтъ, но долгое время не могъ уснуть. Гулъ колоколовъ разливался по всему городу. Ликованіе, которое устраивала церковь, пуская въ ходъ весь свой торжественный аппаратъ, господствовало теперь надъ всѣмъ. Христосъ Воскресъ!

Христосъ Воскресъ! Спаситель унесся изъ этого міра злобы и слезъ. Очистившись въ горнилѣ страданія, онъ простилъ всѣмъ. Да, такъ! Но это было такъ давно! Это было еще въ то время, когда священнослужители христіанской вѣры были преслѣдуемы и ихъ заключали въ тюрьмы какъ насъ. Это было въ то время, когда они дѣлили съ бѣдными свою пищу и свой ночлегъ!

Христосъ Воскресъ! Теперь они поютъ это ожирѣвшимъ голосомъ и думаютъ при этомъ о ветчинѣ и водкѣ, которыя ихъ ждутъ дома.

Христосъ Воскресъ! Что же принесетъ завтрашній день намъ, заключеннымъ? Свободу?...

Первый день Свѣтлаго праздника прошелъ—объ амнистіи ничего не было слышно. Также

Digitized by Google

и на второй день. Тогда намъ стало ясно, что мы должны свои надежды, если не совсѣмъ оставить, то ужъ во всякомъ случаѣ отсрочить до того дня, когда соберется Государственная Дума.

Разочарованіе было чрезвычайно велико—больше, быть можетъ, для семействъ заключенныхъ, чѣмъ для нихъ самихъ. Многіе были настолько убѣждены въ томъ, что ихъ родные вернутся къ празднику домой, что ждали ихъ далеко за полночь.

Мнѣ представляется небольшая комната рабочей квартиры. Столъ покрытъ чистой, бѣлой скатертью, которая блеститъ подъ свѣтомъ лампы, стоящей на ней. Во всѣхъ уголкахъ вымыто и вычищено. Завтра Свѣтлый праздникъ, а сегодня—сегодня „онъ“ вернется домой. Дѣти давно уже считали дни, а сегодня съ ранняго утра не даютъ покоя. „Мама, почему онъ не приходитъ? его все еще нѣтъ.“—„Погодите, дѣтки, нельзя такъ скоро. Онъ долженъ раньше пойти въ тюремную контору, затѣмъ, можетъ быть, въ жандармское управленіе; кромѣ того, вѣдь ихъ тамъ такъ много, пока до него очередь дойдетъ, пока будутъ исполнены всѣ формальности—нѣтъ, дѣти, раньше вечера намъ его и ждать нечего“.

— „Мама, но вѣдь папа навѣрное придетъ?“

Digitized by Google

— „Конечно, придетъ. Вѣдь это же было въ газетѣ, къ тому же онъ и самъ писалъ“—и трепещущая, блѣдная женщина вся въ тревогѣ. Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ея мужа арестовали. Она такъ безпокоилась о немъ! Въ началѣ ее къ нему совершенно не пускали. Въ теченіе многихъ недѣль не давали ей свиданія съ ея мужемъ. Жандармскій полковникъ грубо отказывалъ ей. Прокуроръ отвѣчалъ ей холодно: „Вы хотите свиданія со своимъ мужемъ? Помилуйте, какъ можно! Вѣдь его, знаете, что ожидаетъ?—висѣлица! Нѣтъ, это невозможно. До окончанія слѣдствія никоимъ образомъ невозможно“. Они пугали и мучили ее нарочно, чтобы черезъ нее напугать ея мужа. А потомъ она его увидѣла —онъ держалъ себя бодро, но въ глубокихъ морщинахъ его строгаго лица, въ мрачномъ огнѣ глубоко запавшихъ глазъ его легко было прочитать, сколько онъ долженъ былъ претерпѣть! А какъ она измучилась сама, одна съ дѣтьми! Сколько труда, нужды и заботы. А впереди что? Если мужа сошлютъ на каторгу въ Сибирь, что станетъ съ дѣтьми? И вотъ все это сразу теперь измѣнится. Онъ придетъ, вернется назадъ, черезъ нѣсколько мгновеній онъ будетъ тутъ... Настаетъ вечеръ. Она собираетъ у стола скромный ужинъ, ея

Digitized by Google

руки дрожатъ. Медленно тянется время. Часъ проходитъ за часомъ. Она старается заняться чѣмъ-нибудь, возится, чтобы не замѣтить медленно тягучее время, она полна безпокойства, и все выпадаетъ у нея изъ рукъ. Темныя тѣни кладутся на окна, уже поздно, глубокая ночь. Дѣти устали и засыпаютъ, но не даютъ уложить себя спать, потому что хотятъ увидѣть отца.—„Мамочка, но вѣдь онъ же придетъ? Онъ навѣрное придетъ, да, мамочка?“—„Да, да, —но когда, когда же, наконецъ, Боже милосердный!“

Видите ли вы ее, какъ она, ломая руки, падаетъ ницъ? Слышите ли вы женскій плачъ въ глубокую ночь? Вотъ, что происходило въ ту ночь предъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ въ тысячахъ жилищъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во всей Россіи!

Намъ, революціонерамъ по профессіи, куда лучше живется, чѣмъ тѣмъ, кого лишь водоворотъ революціи захватилъ съ собою. Мы знаемъ заранѣе, что насъ ожидаетъ, и покрыты душевной броней противъ ударовъ судьбы. Великая перемѣна радости и страданія составляетъ нашу жизненную атмосферу. Мы любимъ высокія волны жизненной борьбы.

Итакъ, изъ амнистіи на этотъ разъ ничего не вышло. Слѣдовательно, мнѣ предстояло по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ нѣсколько недѣль тюремнаго заключенія, а если такъ, то у жандармовъ было достаточно времени, чтобы открыть мою личность. Они навѣрное сейчасъ же послѣ перваго допроса начали свой розыскъ. Поэтому было бы разумнѣе предупредить ихъ и снять съ себя маску. Я рѣшилъ сейчасъ же послѣ первыхъ дней праздника заявить себя для этой цѣли къ допросу.

На четвертый день Пасхи, около полудня, надзиратель быстро зашелъ въ мою камеру.

— Собирайте свои вещи, Васъ освобождаютъ.

Я остановился. Извѣстіе это возбудило во мнѣ недовѣріе.

— Какъ такъ,—спросилъ я,—развѣ вышла амнистія?

— Нѣтъ, но только Васъ освобождаютъ.

Я этому не вѣрю. Если нѣтъ общей амнистіи, то и меня не освободятъ.

— Еще одного освобождаютъ.

— Кого это?

— Троцкаго.

— Такъ вотъ оно что! Обманъ былъ слишкомъ глупъ и грубъ.

— Теперь я знаю, въ чемъ дѣло,—воскликнулъ я—насъ переводятъ въ Петропавловскую крѣпость.

Digitized by Google

Да, но я не долженъ былъ этого сказать, тихо отвѣтилъ надзиратель и посмотрѣлъ на меня печальными и виноватыми глазами, какъ бы молча извиняясь въ томъ, что принесъ мнѣ такое скверное извѣстіе.

— Хорошо, я сейчасъ буду готовъ.

Я наскоро собралъ свои вещи. Когда мы вышли изъ камеры, я закричалъ во весь голосъ:

— Товарищи, меня переводятъ въ Петропавловскую крѣпость—меня и Троцкаго.

Въ камерахъ засуетились. Въ одномъ мѣстѣ открылась извнутри дверная форточка (должно быть, товарищу заранѣе удалось ослабить задвижку), и въ дверномъ отверстіи показалась голова мнѣ хорошо знакомаго товарища Б.

— Парвусъ, въ чемъ дѣло?

— Насъ переводятъ въ Петропавловскую крѣпость,—меня и Троцкаго.

V.

Что вызвало мой переводъ въ Петропавловскую крѣпость? Зачѣмъ вся эта суматоха? Это коварное нападеніе? Такая гнусная комедія могла бы при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ кончиться весьма трагично.

Представьте себѣ горячаго юношу, съ ко-

Digitized by Google

торымъ жандармы вздумали бы произвести подобный опытъ надъ крѣпостью его нервовъ. Внезапное освобожденіе поражаетъ его, но онъ не задумывается надъ тѣмъ, какъ это произошло. Главное—онъ свободенъ. Каждый его мускулъ, каждый нервъ напряженъ. Ликуя, укладываетъ онъ свои вещи. Боже, черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ на улицѣ, будетъ дышать свѣжимъ воздухомъ! Скорѣй, скорѣй отсюда! Быстро сбѣгаетъ по лѣстницѣ. Тутъ ему сообщаютъ, что сначала необходимо поѣхать въ жандармское управленіе. „Ладно, пусть въ жандармское управленіе, но скорѣе, скорѣе!“ Два жандарма садятся вмѣстѣ съ нимъ въ карету, и теперь онъ въ ихъ рукахъ! Ему кажется, что они ѣдутъ слишкомъ долго. Жандармы молчатъ. Онъ начинаетъ безпокоиться. Куда же это они ѣдутъ? Вѣдь это совсѣмъ другія улицы? Что это должно означать? Что хотятъ съ нимъ сдѣлать? Это не свобода, нѣтъ! Куда его везутъ? Въ крѣпость? Или, быть можетъ, на казнь?

„Куда вы меня везете, негодяи? Зачѣмъ меня обманываете?“—выкрикиваетъ онъ и хочетъ подняться.

„Смирно!“

Съ обѣихъ сторонъ его хватаютъ за руки...

Digitized by Google

Ту же самую штуку попытались они продѣлать и съ моимъ другомъ Троцкимъ, но тотъ также не далъ себя обмануть. Онъ заявилъ, что не тронется съ мѣста, если ему ясно и опредѣленно не скажутъ, что хотятъ съ нимъ сдѣлать. Послѣ этого ему сообщили, что его должны перевести въ Петропавловскую крѣпость.

Очевидно, въ этомъ образѣ дѣйствій жандармовъ заключалась система, это былъ методъ, послѣдовательно и постоянно примѣнявшійся. Объясняется это отчасти, быть можетъ, тѣмъ таинственнымъ ореоломъ, которымъ окружена Петропавловская крѣпость даже въ газахъ самихъ жандармовъ.

Петропавловская крѣпость является мѣстомъ, не подлежащимъ контролю даже жандармскаго управленія. Послѣднее знаетъ лишь, что оно доставляетъ туда свои жертвы. Внутри крѣпости вся власть принадлежитъ коменданту, который подчиненъ лишь главнокомандующему войсками. О томъ, что здѣсь происходитъ, не знаетъ никто. Тотъ, кто попадаетъ въ крѣпость, не такъ скоро выбирается оттуда, если вообще это ему удается. Петропавловская крѣпость—это каменный мѣшокъ. Въ ней царятъ ночь и тайна. Смерть безшумно ткетъ въ ней свою паутину. Таково представленіе о Петропав-

Digitized by Google

ловской крѣпости. Какъ же можно подойти къ кому-нибудь и сказать:

„Уложите, пожалуйста, свои вещи; могила, въ которой васъ должны заживо похоронить, готова и ожидаетъ васъ!“

Существуетъ опасеніе, что сообщеніе о переводѣ въ Петропавловскую крѣпость можетъ возбудить заключеннаго до бѣшенства и довести его до отчаянія. Находясь въ такомъ состояніи, заключенный могъ бы попытаться оказать сопротивленіе. Вотъ почему начальство старается сначала выманить хитростью заключеннаго изъ тюрьмы и затѣмъ передать въ руки жандармовъ.

Съ того момента, какъ я убѣдился, что меня переводятъ въ Петропавловскую крѣпость, мною овладѣло какое-то странное настроеніе. Съ одной стороны, меня охватила какая-то дурачливость, побуждавшая меня шутить и рѣзвиться, но съ другой—я чувствовалъ, какъ въ глубинѣ души меня гложетъ какой-то червь. Все вокругъ меня казалось мнѣ нелѣпымъ. Вся эта толпа людей въ мундирахъ, оружіе и желѣзо—люди и вещи сливались въ нашихъ глазахъ въ одно, изъ котораго особенно выдѣлялись металлическія части: мѣдные пуговицы, галуны, желѣзо перилъ и рѣшетокъ—все это казалось мнѣ нелѣпымъ. И прежде

Digitized by Google

всего казалось мнѣ нелѣпой та серьезность, съ которой окружающіе меня люди относились къ этому. Все это кореннымъ образомъ отличалось отъ того, чѣмъ былъ занятъ мой духъ. Міровыя проблемы, законы историческаго процесса, развитіе идеи! Вы, глупцы. вѣдь въ то время, когда вы вокругъ меня хлопочете, мой духъ поднимается высоко, высоко и насмѣхается надъ вами! А съ другой стороны, что представляетъ собой дѣятельность мозга, какъ не особую комбинацію молекулъ, которая возбуждаетъ меня, подобно тому какъ остріе меча колетъ меня? Глупости! Вѣрно и то и другое! Червь въ глубинѣ моей души гложетъ меня.

Я смѣялся, шутилъ съ надзирателемъ, весело озираясь кругомъ. Внизу я встрѣтилъ двухъ дамъ, выходившихъ изъ помѣщенія для администраціи. Онѣ были разряжены въ пухъ и прахъ. Я со смѣхомъ взглянулъ на нихъ. Какъ нелѣпо зашагали онѣ потомъ! Какія нелѣпыя мысли копошились въ ихъ маленькихъ черепахъ, подъ густыми волосами! Но какъ полны были онѣ сознанія своего достоинства и значенія пустяковъ, составляющихъ всю ихъ жизнь. Мнѣ пришла на память итальянская картина, которую я видѣлъ однажды на выставкѣ: работницы на рисовыхъ поляхъ. Нагнувшіяся дѣвушки въ разноцвѣтныхъ платьяхъ были

Digitized by Google

похожи издали на большихъ пестрыхъ птицъ. Какъ выглядѣли бы эти дамы, если бы ихъ поставить на мѣсто этихъ работницъ? Комическая картина, представившаяся мнѣ при этой мысли, вызвала во мнѣ смѣхъ.

Въ конторѣ я иронически-серьезно разговаривалъ съ чиновниками, которые вслѣдствіе отсутствія кассира не могли выдать мнѣ деньги, которыя считались за мной.

„Вы должны будете заплатить мнѣ до послѣдней копѣйки! Я вамъ не прощу ни гроша! Подождите, мы уже доберемся до этого! И мы не забудемъ ничего, рѣшительно ничего!“

„Что можемъ мы сдѣлать? Мы исполняемъ лишь приказаніе!“—заявили жандармы, наблюдавшіе за мной.

Это были два долговязыхъ парня.

Въ это время я замѣтилъ въ углу тов. Троцкаго, который стоялъ, нагнувшись надъ какимъ-то узломъ. Я поспѣшилъ къ нему и схватилъ его за руку. „Троцкій?“ Мы обнялись и поцѣловались.

Онъ замѣтно поправился въ тюрьмѣ. Послѣ столь прекрасныхъ, но и столь утомительныхъ ноябрьскихъ дней—днемъ въ редакціи, въ безчисленныхъ засѣданіяхъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, продолжавшихся до 3 часовъ ночи и позже; по воскресеньямъ—на агита-

Digitized by Google

ціонныхъ митингахъ на заводахъ и подъ открытымъ небомъ—послѣ всей этой кипучей дѣятельности, требовавшей страшнаго напряженія нервовъ, онъ въ тюрьмѣ отдохнулъ. На лицѣ снова появилась краска. Однако, этотъ синевато-красный оттѣнокъ мнѣ не совсѣмъ понравился. Въ немъ было что-то лихорадочное, свидѣтельствовавшее о слишкомъ возбужденныхъ нервахъ.

У насъ много было что разсказать другъ другу. Я разсказывалъ о декабрьской борьбѣ, онъ—о замѣчательномъ засѣданіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ 2 декабря. За оживленной бесѣдой—сначала въ тюремной конторѣ, а затѣмъ на пути въ крѣпость, куда насъ повезли въ одномъ экипажѣ—мы перестали обращать вниманіе на все, что происходило вокругъ насъ. Мы обозрѣвали нашу дѣятельность въ „Началѣ“ и въ „Русской Газетѣ“, вспоминали политическіе планы, которые мы вмѣстѣ продумали, и подводили итогъ имъ. Неужели это былъ конецъ? Нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ. Революція находилась еще въ полномъ ходу. Конституціоналистамъ-демократамъ не удастся остановить ее—въ этомъ были мы увѣрены. Если они вздумаютъ предаться правительству, что неминуемо связано съ измѣной демократіи, то они потеряютъ поддержку народа, настро-

Digitized by Google

еніе котораго достаточно опредѣленно выразилось на выборахъ. Они, такимъ образомъ, поработали бы для насъ и, въ концѣ концовъ, должны были бы уступить народному возмущенію. Если же они вступятъ въ рѣзкую оппозицію къ правительству, то они такимъ образомъ превратятъ Государственную Думу въ центръ революціонной агитаціи—за этимъ неминуемо послѣдуетъ разрывъ съ правительствомъ и какъ дальнѣйшее слѣдствіе—революціонное народное возстаніе.

Троцкій полагалъ, что первая Государственная Дума просуществуетъ лишь очень короткое время; быть можетъ, ее разгонятъ въ первый же день, какъ она соберется, или же не дадутъ ей собраться совсѣмъ. Мнѣ казалось болѣе вѣроятнымъ, что правительство сдѣлаетъ сначала попытку сойтись съ Государственной Думой. Намъ предстояло бы, такимъ образомъ, пережить еще одну либеральную эру, во время которой революціонныя народныя массы должны будутъ пройти извѣстную политическую школу и сорганизоваться. И въ этомъ случаѣ неминуемо долженъ будетъ наступить разрывъ съ правительствомъ и, въ конечномъ результатѣ, также революціонное народное возстаніе. Однако, я допускалъ также возможность немедленнаго разгона Государственной Думы.

Digitized by Google

Ни правительство, ни Государственная Дума не были въ состояніи разрѣшить тѣ великія соціальныя проблемы, которыя поставила на очередь революція. Въ этомъ заключалась главная сторона вопроса при всѣхъ случаяхъ. Революція повелительно шла своимъ чередомъ, и ничто не могло больше задержать ее. Она могла бы кончиться лишь тѣмъ, что изъ силъ, которыя она привела въ движеніе, выработалась бы одна господствующая, которая опредѣлила бы дальнѣйшее направленіе историческаго процесса. Но для этого требовалось еще много времени.

Если насъ не освободитъ политическая амнистія, то это сдѣлаетъ революціонный народъ. Чѣмъ позже мы выйдемъ изъ крѣпости, тѣмъ больше будетъ тріумфъ, съ которымъ это совершится.

„Троцкій, когда мы выйдемъ на свободу, мы должны встрѣтиться въ тотъ же вечеръ, и на слѣдующій день должна уже выйти рабочая газета. Мы останемся работать вмѣстѣ".

„Ничего другого я такъ сильно не желаю"

Мы приближались къ крѣпости. Уже видны стали большія ворота, ведущія въ нее. Съ своей стороны, справа, я прочелъ большими буквами число 47.

Digitized by Google

„Троцкій, здѣсь 47, что вы видите съ своей стороны?

„Семнадцать".

Итакъ 1747. Это былъ годъ постройки крѣпостныхъ стѣнъ. Крѣпости, слѣдовательно, уже болѣе полутораста лѣтъ. Сколько подавленныхъ страданій скрыла она въ своихъ стѣнахъ?

Мы проѣхали вторыя ворота. Послѣ этого путь нашъ довольно долго шелъ по широкому шоссе, окруженному съ обѣихъ сторонъ тѣнистыми аллеями изъ деревьевъ. Затѣмъ мы проѣхали по боковымъ путямъ мимо казармъ, сараевъ и другихъ строеній. Крѣпость раскрывалась передъ нами въ такихъ размѣрахъ и такомъ разнообразіи, что она показалась намъ цѣлымъ городкомъ. Наконецъ, экипажъ нашъ остановился передъ желѣзными рѣшетчатыми воротами. За воротами виднѣлось низкое двухэтажное зданіе. Передъ нимъ на скамейкѣ сидѣло нѣсколько жандармовъ. Это была наша тюрьма.

Первымъ отвели Троцкаго. Мы нѣжно попрощались и крѣпко пожали другъ другу руки. „До свиданія!" Сердце у меня сжалось. Мнѣ казалось, что съ этимъ прощаніемъ обрывается послѣдняя нить, связывавшая каждаго изъ насъ съ внѣшнимъ міромъ. Нѣчто подобное

Digitized by Google

долженъ испытывать человѣкъ, начинающій долгое морское путешествіе. Послѣднее пожатіе руки... еще чувствуешь его въ своей рукѣ, а огромное чудовище уже задвигалось, водная громада все больше и больше отдѣляетъ тебя отъ родныхъ и друзей, они у тебя еще передъ глазами, но они уже для тебя недостижимы, ихъ голоса замираютъ, и вскорѣ морская ширь оторветъ тебя отъ міра, которому ты принадлежишь всѣмъ своимъ существомъ.

Одинъ! Я почувствовалъ себя оторваннымъ отъ всего міра!

Прошло нѣсколько минутъ, пока вернулись жандармы и отвели меня. Сначала мнѣ пришлось пройти черезъ помѣщеніе, въ которомъ помѣщалась караульная стража. Нѣсколько десятковъ гвардейскихъ солдатъ проводили меня злобными взглядами. Затѣмъ поднялись вверхъ по лѣстницѣ. Одна дверь была открыта. Мы находились въ широкомъ корридорѣ, на одной сторонѣ котораго была стѣна съ окнами, а на другой—широкія двери съ номеромъ надъ каждой. Это были знаменитые казематы. Меня отвели въ номеръ 48.

Тяжелая дубовая дверь, обитая желѣзомъ, открылась передо мной. Я вошелъ, а за мной—два жандарма со старшимъ. На меня повѣяло прохладнымъ воздухомъ. Я очутился въ обширномъ полутемномъ сводѣ.

Digitized by Google

Камера напоминала темную могилу. Не хватало только мраморнаго гроба, который великолѣпно подходилъ бы ко всей этой обстановкѣ. Для мертвеца это было бы превосходнымъ помѣщеніемъ, но для живого я находилъ его положительно слишкомъ мрачнымъ.

Это было мое первое впечатлѣніе. Долго разбираться въ немъ у меня не было времени.

„Не угодно ли раздѣться?“—обратился ко мнѣ старшій.

На желѣзной кровати, посреди комнаты, лежала заранѣе приготовленная арестантская одежда: кальсоны и рубаха и широкій синій китель изъ грубаго сукна, у кровати—тяжелыя туфли изъ желтой воловьей кожи—это составляло всю мою обмундировку. Штановъ, кафтана и шапки не полагалось. Это былъ костюмъ, въ которомъ нельзя было показаться на улицѣ—впрочемъ этого правительство и желало.

Всѣ мои вещи были, конечно, у меня отобраны. Все, что я снималъ съ себя, жандармы немедленно откладывали въ сторону. Наконецъ, меня заставили поднять руки и изслѣдовали мои подмышки, не спряталъ ли я тамъ чего-нибудь. Меня спросили, нѣтъ ли у меня пустыхъ зубовъ. Что можно спрятать въ пустомъ зубѣ? Только ядъ! Но яда, равно какъ и всего, что можетъ служить для самоубійства, здѣсь

Digitized by Google

искали очень ревностно. Столѣтній опытъ показалъ, какъ это необходимо.

Наконецъ, меня оставили одного. Я стоялъ въ своемъ синемъ кителѣ и началъ осматриваться.

Узкое окно наверху, у самаго потолка. Желѣзныя двойныя рамы, раздѣленныя на множество маленькихъ квадратиковъ, въ которые были вставлены тонкія, темныя отъ грязи и пыли стекла. Снаружи тяжелая желѣзная рѣшетка. Стѣна оконнаго карниза была скошена кверху, а самъ карнизъ былъ такъ высокъ, что стоя съ поднятыми руками я далеко не могъ достать его.

Полъ былъ сдѣланъ изъ какой-то земляной массы, цемента или чего-либо похожаго на послѣдній. Это усиливало еще сходство камеры съ пещерой, хотя она находилась въ второмъ этажѣ. Полъ былъ покрытъкрасновато-желтой масляной краской, покрывавшей даже дополовины и стѣны. Верхняя половина стѣнъ, а также сводчатый потолокъ былъ выкрашенъ въ бѣлый цвѣтъ.

Кровать изъ толстаго (въ одинъ дюймъ) желѣза. Она была крѣпко привинчена къ полу и стѣнѣ. Вообще здѣсь все было массивно, тяжеловѣсно и неуютно. Столъ замѣняла тяжелая жестяная пластинка, которая покоилась на тол-

Digitized by Google

стой желѣзной рамѣ, привинченной къ стѣнѣ. Поддерживалась она также толстыми, привинченными къ стѣнѣ, поперечными стержнями. Стула не полагалось. Столъ былъ такъ расположенъ, что для сидѣнья передъ нимъ можно было пользоваться кроватью. Нельзя сказать, чтобы это было удобно для чтенія и письма.

Въ одномъ углу камеры находился клозетъ, возлѣ него—водопроводный кранъ съ эмалированной раковиной. Здѣсь же находился электрическій звонокъ. Я нажалъ кнопку.

Нельзя ли мнѣ добиться прогулки сегодня? —подумалъ я. Было еще довольно рано, и я сегодня не гулялъ еще послѣ обѣда. Мнѣ хотѣлось оставить эту мрачную, холодную камеру хоть на нѣсколько минутъ.

Электрическій звонокъ затрещалъ. Послышались шаги. Кто-то подошелъ, затѣмъ вернулся. Потомъ шаги приблизились къ моей двери. Открылась форточка, и я увидѣлъ передъ ней двухъ жандармовъ.

— „Какъ обстоитъ здѣсь дѣло съ прогулками? Пойду я еще сегодня гулять?“

— „Гуляютъ разъ въ день. Сегодня прогулки уже кончились“.

— „Только одинъ разъ? А сколько продолжается прогулка?“

„Двадцать минутъ“.

Digitized by Google

„Но вѣдь это страшно мало".

Молчаніе. Форточка подымается: очевидно, ее хотятъ запереть.

„Подождите. Какъ здѣсь съ книгами? Не могу ли я получить нѣсколько книгъ изъ тюремной библіотеки?" (Мои собственныя книги были всѣ у меня отобраны).

„Сегодня книгъ нельзя получить. Книги выдаются по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ".

Снова попытка закрыть форточку.

„Но евангеліе? Вѣдь въ каждой тюрьмѣ евангеліе можно получить!"

„Евангеліе вы можете получить".

Форточка запирается, и шаги удаляются медленно и тихо.

Что же дальше? Приходилось оставаться въ этой крѣпости. Взобраться на окно я не могъ, какъ и въ „Крестахъ". Мысль объ этомъ приходилось оставить разъ навсегда. Непосредственно передъ окномъ поднималась высокая крѣпостная стѣна, скрывавшая все, что находилось позади ея. Только высоко наверху виднѣлся клочекъ неба.

Я зналъ, что за крѣпостной стѣной катитъ свои волны широкая Нева, а за Невой лежитъ городъ съ его шумными улицами. Такимъ образомъ крѣпостная стѣна и рѣка от-

Digitized by Google

дѣляли меня отъ жизни и живыхъ людей. Все это лежало сзади меня,—такъ близко и въ то же время такъ далеко! А я здѣсь замуравленъ! Ни одинъ звукъ моего голоса не можетъ проникнуть туда наружу!

Замуравленъ! какъ насѣкомое въ окаменелостяхъ.

И не я одинъ, а и другіе. И каждый въ своей камерѣ. Мы находились рядомъ, но герметически отдѣлены другъ отъ друга.

Одинъ, оторванный отъ всего міра! Какимъ ничтожно малымъ кажется тогда человѣкъ!

Вы, бѣдные духомъ, восхваляющіе своего Ницше и подражающіе его глубокой тоскѣ! Если бы вы дѣйствительно испытали когда-нибудь, что значитъ великое одиночество, тогда бы вы поняли, что отдѣляетъ васъ отъ него. Онъ бѣжалъ не отъ людей, а отъ ничтожества человѣческаго существованія, которое измельчало—самъ Ницше этого не понималъ—благодаря буржуазной культурѣ,—васъ же гонитъ отъ людей—ваше собственное ничтожество! Его тоска по сильной индивидуальности могла бы быть утолена лишь при измѣненіи соціальнаго строя, который создаетъ такихъ людей, какъ вы,—людей безъ содержанія, которые никогда не вели борьбы ни съ собой ни съ міромъ и которые знаютъ лишь

Digitized by Google

одни слова. Вы драпируетесь въ черный плащъ, становитесь въ трагическую позу и отворачиваетесь отъ „черни"—а ваше самосознаніе является лишь сознаніемъ того, что на вашей сторонѣ всѣ бездѣльники. Если бы вы могли хоть разъ посмотрѣть на себя безъ драпировки и не при свѣтѣ рампы, какія жалкія ничтожныя существа представились бы вашему взору!

Мы, люди, рождены для того, чтобы работать съ людьми и среди людей. Внѣ человѣчества для насъ не существуетъ ни душевной мощи, ни красоты, ни счастья. Внѣ людей жизнь теряетъ для насъ смыслъ.

Голодъ, холодъ, болѣзни—все это скверныя вещи, но все же самое страшное страданіе для человѣка—это *одиночество*.

VI.

Я получилъ евангеліе. Какъ и всегда, когда мнѣ приходилось читать эту книгу, я увлекся ею. Особенно интересовали меня отношенія между Христомъ и Іоанномъ Крестителемъ. Въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ Христосъ кажется человѣкомъ компромисса. Іоаннъ суровъ и твердъ, его рѣчь пропитана горечью, онъ безпощаденъ, онъ заодно съ обездоленными, онъ самъ изъ ихъ среды, питается акридами и

Digitized by Google

дикимъ медомъ, — онъ *олицетворенный* протестъ бѣдныхъ. Христосъ, напротивъ, рѣдко бываетъ твердъ, онъ постоянно старается найти средній выходъ. Онъ не является вождемъ бѣдныхъ, онъ ихъ *защитникъ*, онъ стоитъ выше партій. Не въ этомъ ли заключается тайна успѣха ученія Христа, но въ то же время и трагизма его: оно завоевало міръ, но при этомъ само...

Я внимательно занялся чтеніемъ, но все же не могъ успокоиться. Отъ времени до времени я поднимался и начиналъ шагать по комнатѣ.

Къ вечеру ко мнѣ явился старый офицеръ, представившійся мнѣ въ качествѣ старшаго смотрителя. Это былъ худой, болѣзненный человѣкъ, ходившій со слуховой трубкой. Онъ спросилъ меня, не нуждаюсь ли я въ чемъ. „Конечно“ — отвѣтилъ я — „прежде всего мнѣ хотѣлось бы имѣть письменныя принадлежности“. — „Будьте добры обратиться по этому поводу съ прошеніемъ къ коменданту“.—„Я бы желалъ также имѣть книги для чтенія и научныхъ занятій“. — „Вы получите одну книгу изъ тюремной библіотеки, а со временемъ и больше: до пяти книгъ“. — „Зачѣмъ это ограниченіе? Для моихъ литературныхъ занятій мнѣ необходимо имѣть одновременно гораздо больше книгъ; я могу пріобрѣсти ихъ на собственныя

Digitized by Google

средства, если мнѣ это будетъ разрѣшено".— „Подайте письменное заявленіе объ этомъ коменданту. „Хорошо" — продолжалъ я — „я это сдѣлаю. Впрочемъ я надѣюсь, что мнѣ скоро можно будетъ говорить съ комендантомъ и со всѣми вами при другихъ условіяхъ. Долго я здѣсь не останусь. Дѣла принимаютъ другой оборотъ".

Итакъ, все зависѣло отъ коменданта. Но сношенія съ нимъ — комендантомъ былъ въ то время генералъ-лейтенантъ Эллисъ — не были такъ просты: они могли вестись только письменно, да и то только дважды въ недѣлю въ опредѣленные дни, по понедѣльникамъ и четвергамъ.

На слѣдующій же день — это былъ какъ разъ четвергъ — я написалъ соотвѣтствующее заявленіе коменданту. Я указалъ на то, что вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я занимаюсь научной дѣятельностью, и что отсутствіе возможности продолжать свои занятія, которое вызывается неимѣніемъ письменныхъ принадлежностей и ограниченіемъ въ количествѣ разрѣшаемыхъ имѣть при себѣ книгъ, является для меня болѣе тяжелымъ лишеніемъ, чѣмъ ограниченіе пищи хлѣбомъ и водой. Далѣе я обращалъ его вниманіе на то, что я вѣдь не отбываю наказаніе, а являюсь лишь подслѣд-

Digitized by Google

ственнымъ арестантомъ и что по отношенію ко мнѣ въ крайнемъ случаѣ могутъ быть лишь приняты мѣры, чтобы помѣшать моему бѣгству и изолировать меня отъ внѣшняго міра; подвергать же меня всякимъ лишеніямъ нельзя, такъ какъ это было бы равносильно выпытыванью отъ меня показаній. Наконецъ, я указывалъ еще и на то, что во время своего заключенія въ крѣпости я хочу продолжать свои изслѣдованія по вопросамъ земельной ренты и хлѣбнаго рынка, по которымъ мои прежніе труды извѣстны также и въ Россіи, и что вопросы эти имѣютъ значеніе для общаго блага.

Въ то же время я подалъ властямъ заявленіе, въ которомъ писалъ, что „я хочу сообщить о себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя будутъ способствовать упрощенію и ускоренію судебнаго слѣдствія". Я рѣшилъ открыть свое настоящее имя, но не хотѣлъ этого сдѣлать при помощи письменнаго заявленія, а рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы еще разъ проѣхаться по городу.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ коменданта отвѣтъ, что мое прошеніе о разрѣшеніи мнѣ заниматься литературной дѣятельностью препровождено въ Департаментъ полиціи. Прошла еще недѣля. Отъ Департамента Полиціи получился отвѣтъ, что это зависитъ

Digitized by Google

не отъ него. Еще за нѣсколько дней до того я подалъ заявленіе, что хочу лично видѣть коменданта. Но вмѣсто него снова явился смотритель. „Что это за комедія—обратился я къ нему—почему меня отсылаютъ отъ Понтія къ Пилату? Я хочу, наконецъ, знать, отъ кого я завишу и къ кому я долженъ обращаться“.— „Обратитесь снова къ коменданту!“—отвѣтилъ смотритель. „Но напишите вкратцѣ, что вы просите разрѣшенія имѣть письменныя принадлежности, а то онъ совсѣмъ не будетъ читать вашего прошенія!“

Послѣ этого я написалъ коменданту слѣдующее заявленіе: „Такъ какъ Департаментъ Полиціи ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я занимался письменной дѣятельностью то теперь этотъ вопросъ зависитъ, очевидно, исключительно отъ Васъ. Поэтому я повторяю свою просьбу дать мнѣ соотвѣтствующее разрѣшеніе“.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней меня повезли на допросъ. Два жандарма и одинъ жандармскій офицеръ сѣли со мной въ экипажъ.

Что произошло на волѣ за то время, что я былъ отдѣленъ отъ всего міра? Повидимому, въ политической жизни все осталось по прежнему, а, быть можетъ, произошли великія событія,

Digitized by Google

совершились значительныя измѣненія? Какъ бы это узнать? Я жилъ въ мірѣ нѣмыхъ.

Кто живетъ изо дня въ день, тотъ привыкаетъ къ медленному ходу времени. Для него одинъ день похожъ на другой, и великія событія поражаютъ его. Но если быть выхваченнымъ, какъ я, изъ вихря революціи и посаженнымъ на пустынный островъ, то только тогда можно замѣтить, какъ сильно измѣнился міръ въ короткое время. Какой видъ имѣлъ Петербургъ до и послѣ 9 января 1905 года? Развѣ этотъ день не былъ откровеніемъ для Россіи и для всего цивилизованнаго міра? А что было извѣстно объ этомъ днѣ въ Петропавловской крѣпости? Ничего! Въ чемъ проявилось здѣсь великое октябрьское возстаніе? Почти ни въ чемъ.

Какъ сильно измѣнилась въ нѣсколько дней политическая картина на моихъ собственныхъ глазахъ! Въ серединѣ декабря—объявленіе революціонныхъ правительствъ, въ концѣ декабря—карательныя экспедиціи.

Многое могло произойти! Быть можетъ, Государственная Дума была уничтожена прежде, чѣмъ она успѣла собраться? И въ отвѣтъ на это не явилось ли, гдѣ было возможно, народное возстаніе? Не царитъ ли въ Петербургѣ военная диктатура? Это послѣднее было возможно даже и безъ народнаго возстанія, такъ

Digitized by Google

какъ правительство могло объявить военную диктатуру съ цѣлью предупредить народное движеніе. Если правительство дѣйствительно не дало собраться Государственной Думѣ, то оно должно было предпринять цѣлый рядъ необычайныхъ мѣръ, чтобы помѣшать революціоннымъ выступленіямъ массъ. Но что еще могло оно предпринять въ этой области? Развѣ и сейчасъ не разстрѣливается масса людей безъ судебнаго приговора, безъ всякой видимости даже судебнаго слѣдствія? А карательныя экспедиціи не везли развѣ съ собой висѣлицъ даже въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ? Развѣ не организовывались банды грабителей и убійцъ для поджоговъ и истребленія „крамольниковъ?“ Развѣ не вводятъ въ тюрьмы солдатъ для избіеній политическихъ арестантовъ? И если въ настоящее время власть находится въ рукахъ кучки реакціонеровъ, которые хотятъ превзойти еще всѣ эти ужасы,—то кто знаетъ, не рѣшило ли правительство въ порывѣ отчаянія освободиться отъ непріятныхъ для него элементовъ кратчайшимъ путемъ, то есть вывести всѣхъ насъ куда-нибудь за городъ и тамъ разстрѣлять насъ?

Нѣтъ, это трудно допустить; однако, слѣдуетъ пріучить себя и къ этой мысли и подготовить себя и къ такому исходу. Пустить себѣ

Digitized by Google

пулю въ лобъ было бы порядочно глупо, однако, я свыкся съ этой мыслью, и я не сомнѣвался, что если бы меня привязали къ стѣнѣ передъ фронтомъ солдатъ съ направленными противъ меня ружьями, то это не было бы для меня неожиданностью.

И когда я долго спустя разсказывалъ Троцкому, какъ я приготовился попасть подъ огонь малокалиберныхъ ружей, онъ сообщилъ мнѣ, что то же самое испыталъ и онъ, когда его везли изъ крѣпости въ Домъ Предварительнаго Заключенія.

Наконецъ, мы подъѣхали къ знакомому мнѣ зданію жандармскаго управленія. Допросъ продолжался короткое время. Я открылъ свое настоящее имя и прибавилъ къ протоколу, что я поселился подъ чужимъ именемъ, потому что не довѣрялъ обѣщаніямъ октябрьскаго манифеста. Я спросилъ кстати, почему меня перевели въ Петропавловскую крѣпость. „По распоряженію Департамента Полиціи". „А по какой причинѣ?" — „Это намъ неизвѣстно".

Поѣздка на допросъ явилась пріятнымъ развлеченіемъ въ моей однообразной жизни въ крѣпости. Снова замкнулся заколдованный кругъ, изъ котораго я не могъ выбраться. Въ то время для меня существовала одна дата, съ

Digitized by Google

которой я связывалъ возможныя перемѣны въ своей судьбѣ. Эта дата была 27 апрѣля, день открытія Государственной Думы. Въ этотъ день или нѣсколько позже долженъ былъ рѣшиться вопросъ, будетъ амнистія или нѣтъ.

Со второй недѣли своего пребыванія въ крѣпости я могъ имѣть при себѣ двѣ книги (собственная или изъ тюремной библіотеки), съ третьей — три и т. д. до пяти. Больше пяти книгъ мнѣ нельзя было имѣть, а больше двухъ мнѣ одновременно не мѣняли. Такъ какъ мнѣ запретили имѣть письменныя принадлежности, то я не могъ сдѣлать себѣ никакихъ выписокъ или замѣтокъ изъ прочитанныхъ книгъ. При такихъ условіяхъ заниматься научной или литературной дѣятельностью было почти невозможно, даже при сильнѣйшемъ напряженіи памяти.

Я сталъ искать, не найду ли я чего-нибудь, при помощи чего я могъ бы нацарапать буквы на стѣнѣ. Но ничего нельзя было найти. Все было гладко, прочно и закруглено. Нигдѣ нельзя было замѣтить никакихъ знаковъ—ни на стѣнахъ, ни на полу, ни на столѣ, ни на кровати—рѣшительно нигдѣ, хотя я искалъ очень старательно, не оставилъ ли кто изъ моихъ предшественниковъ какую-либо память о себѣ.

Я напалъ на мысль самому приготовлять себѣ мѣлъ. Я смѣшивалъ для этой цѣли зуб-

Digitized by Google

ной порошокъ съ яичнымъ бѣлкомъ. Но твердые стержни, которые я получалъ такимъ путемъ, лишь скользили по поверхности, не оставляя никакого слѣда. Во время одного изъ тщательныхъ обысковъ, которые ежедневно совершались въ моей камерѣ во время прогулки, у меня отобрали и эти ненужныя вещи.

Когда мнѣ однажды дали письменныя принадлежности, чтобы написать что-то коменданту, я отлилъ немного чернилъ въ чашку и спряталъ ее, какъ я это дѣлалъ обыкновенно. Вернувшись, однако, съ прогулки, я нашелъ свою чашку чисто вымытой.

Попытки достать краску со стѣны и съ пола также кончились неудачей.

Литературная дѣятельность была для меня жизненной привычкой. Это составляло мою работу. И я былъ обреченъ на бездѣятельность лишенъ возможности работать.

Мысли, картины, настроенія непрерывно рождались въ моемъ мозгу; но не находя себѣ выхода въ литературномъ творчествѣ, онѣ оставались незаконченными, неоформленными, разлетались какъ искры, которыя сыплются изъ раскаленнаго желѣза подъ ударами молота, разсѣевались какъ тучки на небѣ.

Жизнь даетъ намъ безконечныя впечатлѣнія. Наше вниманіе прикрѣпляется людьми и

Digitized by Google

вещами, и въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ окружающей средой протекаетъ для насъ время. Но если мы не сосредоточиваемъ своей дѣятельности на одной опредѣленной цѣли, то жизнь становится для насъ непріятной.

Можетъ ли трудъ быть проклятіемъ? Нѣтъ, проклятіе—это праздность.

Посмотрите на этихъ жалкихъ бѣдняковъ, которые не находятъ себѣ покоя, потому что не знаютъ труда! Они блуждаютъ по горамъ и морямъ, путешествуютъ по всѣмъ частямъ свѣта въ поискахъ за новыми впечатлѣніями. Подобно вѣчному жиду они бѣгутъ отъ самихъ себя. Они бѣгутъ отъ собственной внутренней пустоты. Въ нихъ не горитъ огонь. Душа ихъ разбита. Ихъ духъ подобенъ стоячей водѣ, въ которой все гніетъ. Они могутъ только желать, но стремиться, добиваться—это они не въ силахъ. Ничто не можетъ увлечь ихъ, но малѣйшій капризъ можетъ отравить имъ существованіе. Ихъ мысли и чувства не сосредоточены на какой-нибудь жизненной цѣли, для которой они должны были бы бороться и работать, но находятъ себѣ выходъ въ скоропреходящихъ безсильныхъ и безполезныхъ настроеніяхъ.

Но какъ же быть здѣсь, гдѣ нѣтъ внѣшняго міра, гдѣ всѣ внѣшнія впечатлѣнія ограничиваются воркованіемъ голубей, сигнальными

Digitized by Google

свистками пароходовъ на Невѣ да игрой курантовъ Петропавловской крѣпости, которые ежечасно играютъ „Коль славенъ“.

Чтеніе книгъ само по себѣ можетъ такъ же мало считаться работой, какъ и гимнастика. Наша дѣятельность, по человѣческой логикѣ, непремѣнно должна имѣть какой-нибудь осязательный результатъ; въ противномъ случаѣ мы чувствуемъ себя неудовлетворенными, и силы нашей собственной природы обращаются противъ насъ. Это возмущеніе внутреннихъ силъ въ человѣкѣ можетъ быть до того значительно, что для подавленія его люди ищутъ одурманивающихъ средствъ. Для этой цѣли служитъ куреніе, хотя потребность въ куреніи можетъ быть вызвано и другими причинами, какъ напримѣръ, чрезмѣрнымъ возбужденіемъ, утомленіемъ и т. д.

Нерѣдко чувствовалъ я потребность забыться, уйти отъ наплыва мыслей и игры фантазіи, которая вызывала въ моей головѣ образы и картины, мѣняя ихъ какъ въ калейдоскопѣ. Для этого я обходилъ, напримѣръ, свою камеру тысячу разъ, то есть совершалъ 14.000 шаговъ и достигалъ этимъ благодѣтельной усталости. Я растягивался на кровати, и въ теченіе нѣкотораго времени во мнѣ не существовало никакого желанія, никакой мысли, кромѣ

Digitized by Google

чисто физической потребности отдохнуть. Такое состояніе было для меня блаженствомъ.

Но у меня, по крайней мѣрѣ, были книги. Каково же должно быть тѣмъ, которые лишены возможности читать или для которыхъ вообще недоступна сокровищница литературы и науки,—этотъ второй міръ, который создалъ себѣ человѣкъ? Теперь я понялъ, почему обыкновенные преступники такъ страшатся одиночнаго заключенія.

Еще одно стало мнѣ особенно ясно тутъ, а именно нелѣпость мысли, что люди превратились бы въ лѣнтяевъ, если бы ихъ не вынуждали къ работѣ голодъ или сила. Ничто не можетъ болѣе безсмысленнымъ, болѣе безразсуднымъ, ни въ чемъ не можетъ быть большаго искаженія истинной природы человѣка, чѣмъ въ этомъ утвержденіи!

Безконечной цѣпью проходили въ моемъ мозгу всѣ эти мысли, пока я шагалъ широкими шагами по своей похожей на могилу камерѣ.

Бездѣлье—это наказаніе, которое становится мученіемъ даже для самыхъ тупыхъ преступниковъ.

Представьте себѣ человѣка съ связанными руками и ногами и съ повязкой на глазахъ. Развѣ этотъ человѣкъ не испытывалъ бы величайшихъ мукъ, хотя бы у него и были хорошій

Digitized by Google

столъ и прекрасная постель? И самымъ худшимъ во всемъ этомъ была бы вынужденная бездѣятельность!

Всѣ наши органы чувствъ, кровообращеніе нашего тѣла, молекулярныя движенія нашего мозга—все побуждаетъ насъ къ дѣятельности, создаетъ дѣятельность. И несмотря на это, можетъ еще существовать мнѣніе, что эта человѣческая машина не производила бы никакой работы, если бы ее не подгоняли бичемъ?!

„Нѣтъ, наоборотъ, только нужда и насиліе сдѣлали трудъ мученіемъ".

„Трудъ создалъ всѣ наши богатства, всю нашу культуру; въ трудѣ человѣкъ черпаетъ силу для своего полнаго развитія; трудъ — корень нашего счастья, и безъ него мы не можемъ процвѣтать. Тысячью живыхъ нитей связываетъ трудъ семью, націю, человѣчество. И несмотря на все это, мы умудрились устроить такъ, что трудъ вызываетъ не единеніе, а раздоръ, а благодѣянія труда превращаются въ проклятія!

„Общество разбито на различные классы, нагроможденные другъ на друга. Съ тѣхъ поръ культурное развитіе можно сравнить съ ледоходомъ на морѣ, во время котораго ледяныя горы нагромождаются одна на другую, сталки-

Digitized by Google

ваются между собой, раскалываются и снова нагромождаются; и въ то время какъ верхній слой сіяетъ на солнцѣ, массы остаются глубоко внизу, въ царствѣ ночи и холода".

„При помощи труда закабалили работниковъ, и такимъ образомъ трудъ сдѣлался источникомъ эксплуатаціи".

„Эксплуатація превратила всѣ благодѣянія труда въ ихъ противоположности. Эксплуатація является причиной того, что трудъ, который долженъ былъ бы возвышать и украшать жизнь, не оставляетъ работнику времени для жизни. Эксплуатація является причиной того, что трудъ отрываетъ работника отъ его семьи. Эксплуатація создаетъ борьбу за существованіе между мужемъ и женой, отцомъ и дѣтьми. Эксплуатація является причиной того, что трудъ превращаетъ работника въ калѣку, подрываетъ его здоровье сокращаетъ его жизнь. Эксплуатація является причиной того, что отъ труда работникъ тупѣетъ вмѣсто того, чтобы усовершенствовать свои чувства и духъ. Эксплуатація создаетъ ненависть, зависть, трусливую покорность иллюзіи отчаянія и грубость".

„Эксплуатація обезчестила трудъ".

„Какъ одѣтая въ лохмотья изнуренная женщина съ худыми мозолистыми руками, согбенной спиной, съ распущенными рѣдкими воло-

Digitized by Google

сами, ходитъ трудъ по улицамъ—а жизнь, нарядная и веселая, катитъ мимо него на резиновыхъ шинахъ и съ презрѣніемъ смотритъ на него. Въ дворцахъ его травятъ собаками; въ буржуазныхъ домахъ передъ нимъ закрываютъ двери; его гонятъ вонъ, отталкиваютъ къ бѣднякамъ, въ грязныя предмѣстья, гдѣ царятъ холодъ и сырость".

„Эксплуатація, дѣленіе на классы и господство отдѣльныхъ классовъ возстановили насъ противъ самихъ себя, раздвоили, спутали и изуродовали наши соціальныя понятія и представленія. Подобно безумнымъ блуждаемъ мы по этому міру. Мы не узнаемъ другъ друга. Мы лѣземъ другъ другу на головы. Взгляните вотъ на этого: онъ влѣзъ на печь, разукрасилъ свой сюртукъ пестрыми лохмотьями, надѣлъ на себя султанъ и велитъ привѣтствовать себя по военному! Мы кидаемся другъ на друга съ ножами, пускаемъ другъ въ друга пули, изобрѣтаемъ орудія, которыя стрѣляютъ на двадцать километровъ, чтобы мы могли наносить другъ другу раны и съ такого разстоянія. Мы выбрасываемъ изъ окна свое добро, кидаемъ его въ пучину океана. Мы создаемъ безконечныя богатства; а все, что мы создали, мы сносимъ въ одно мѣсто, накопляемъ цѣлыя изъ нихъ горы, достигающія высоты облаковъ,

Digitized by Google

а на самомъ верху кладемъ мы камни изъ золота, а сами стоимъ внизу, терпя голодъ и холодъ, и образуемъ военный кордонъ, чтобы не допускать ни себя самихъ, ни весь остальной міръ ко всѣмъ этимъ богатствамъ, созданнымъ нашими же собственными руками. А на вопросъ: »зачѣмъ мы это дѣлаемъ?“ — мы отвѣчаемъ: „потому что мы терпимъ голодъ и холодъ!“ И мы уговорили себя, что люди перестали бы работать, если бы ихъ перестали эксплуатировать“.

„Надо уничтожить эксплуатацію на землѣ. и тогда прекратится нужда работниковъ, трудъ перестанетъ быть позоромъ, а нашъ міръ — сумасшедшимъ домомъ“.

„Освобожденіе рабочихъ разобьетъ оковы культуры. И тогда возникнетъ и будетъ радостно процвѣтать человѣческое *царство труда*“.

Таковы были мои мысли. И еще множество другихъ логическихъ разсужденій, сравненій и выводовъ приходили мнѣ въ голову. Подобно рыбкамъ въ водѣ, скользили они другъ мимо друга, быстро ныряли въ глубину и стрѣлой вздымались въ высь. А то еще они выстраивались подобно стаѣ птицъ, возвращающихся вечеромъ подъ соломенныя крыши деревни. И вокругъ меня становилось темно. Наступали сумерки. Онѣ наступали у меня всегда на нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ.

Digitized by Google

Здѣсь въ крѣпости онѣ собирались, чтобы отсюда раскинуть свою темную тѣнь на весь остальной городъ. Издалека, изъ-за Невы, которая неслышно—хотя я чувствовалъ ее—протекала мимо крѣпостныхъ стѣнъ, доходили до меня сигнальные свистки фабрикъ. Канунъ праздника—или только новая смѣна! О, если бы я могъ пустить въ ходъ мои руки — поработать при какихъ бы то ни было условіяхъ!

Каждый понедѣльникъ и четвергъ меня самымъ аккуратнымъ образомъ спрашивали, не желаю ли я писать прошенія или письма. Само собою разумѣется, что на эти вопросы я всегда отвѣчалъ утвердительно, чтобы не упустить драгоцѣннаго случая внести нѣкоторую перемѣну въ свои обычныя занятія. Съ письмами дѣло обстояло просто: я имѣлъ право писать въ краткихъ словахъ лишь о своемъ здоровьѣ, своихъ семейныхъ и частныхъ дѣлахъ. Кромѣ того я не зналъ, доходятъ ли они по назначенію; и дѣйствительно, какъ я впослѣдствіи узналъ, это происходило лишь очень рѣдко. Въ прошеніяхъ же къ коменданту я могъ писать нѣсколько свободнѣе.

Послѣ того, какъ я раскрылъ его ложную игру въ вопросѣ о разрѣшеніи мнѣ заниматься литературной дѣятельностью, онъ скинулъ съ

Digitized by Google

себя маску и заявилъ: „никакія отступленія отъ дѣйствующихъ правилъ не могутъ быть допущены". Съ тѣхъ поръ я получалъ этотъ стереотипный отвѣтъ на всѣ мои представленія.

Но я не хотѣлъ допускать, чтобы со мной обращались, какъ съ мертвой вещью, и оборонялся по мѣрѣ силъ, хотя защита моя при этихъ обстоятельствахъ была очень слабая. Я продолжалъ, не смущаясь, критику общихъ условій и поведенія самого коменданта. Многое происходило просто отъ господствовавшей въ крѣпости неурядицы и абсолютнаго равнодушія коменданта къ нашей судьбѣ. Такъ, напримѣръ, доступу свѣта въ безъ того полутемную камеру мѣшала грязь оконныхъ стеколъ, которую легко можно было смыть. Когда я обратилъ вниманіе коменданта на это обстоятельство, а также и на то, что при помощи наружныхъ рефлекторовъ можно было бы легко усилить свѣтъ въ камерѣ—какъ это дѣлается обыкновенно въ подвальныхъ помѣщеніяхъ,—онъ отвѣтилъ своей обычной резолюціей: „Никакія отступленія не могутъ быть допущены".

Я писалъ ему, что, конечно, на его сторонѣ физическая сила надъ нами, заключенными, но это только до тѣхъ поръ, пока мы здѣсь, на нашей же сторонѣ—общественное мнѣніе Россіи и всего политическаго міра. Позже я при-

Digitized by Google

шелъ къ убѣжденію, что комендантъ вообще злоупотреблялъ своей властью надъ нами, я указалъ ему на это и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ его вниманіе на соотвѣтствующую статью Уголовнаго Уложенія.

Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль подать петицію въ Государственную Думу, которая должна была собраться 27 апрѣля. Двадцать седьмое апрѣля пришлось какъ разъ на четвергъ. Я попросилъ два листа бумаги и густо исписалъ ихъ цѣликомъ.

О режимѣ русской Бастиліи уже многіе писали очень подробно. Поэтому я не стану останавливаться здѣсь подробно на этомъ. Я укажу лишь важнѣйшіе моменты. Вообще эти строки являются лишь изложеніемъ личныхъ впечатлѣній человѣка, попавшаго изъ водоворота революціи подъ жернова политической полиціи и быстро попадавшаго изъ одного положенія въ другое: сначала обыкновенная тюрьма, потомъ—Петропавловка, далѣе—Сибирь и, наконецъ, бѣгство.

Въ режимѣ Петропавловской крѣпости соединилось все необходимое для того, чтобы подорвать здоровье заключеннаго и свести его съ ума. Съ этой точки зрѣнія русская Бастилія устроена чрезвычайно цѣлесообразно.

Во-первыхъ, недостатокъ *свѣта*. Даже лѣ-

Digitized by Google

томъ необходимо было зажигать лампу за два-три часа до захода солнца. Въ сумрачную же погоду и зимой лампа должна была горѣть весь день. Къ этому надо прибавить искусственное освѣщеніе, противорѣчащее всѣмъ законамъ гигіены глаза. Электрическія лампочки были вмуравлены въ стѣну, что давало боковой свѣтъ, отъ котораго болѣли глаза. Кромѣ того, лампочка горѣла всю ночь. Слѣдовательно, ни дневного свѣта, ни ночной темноты не было никогда: постоянно царилъ полумракъ. Можно себѣ представить, какъ это должно было дѣйствовать на нервы и отражаться на снѣ. Во-вторыхъ, недостатокъ *воздуха*. Наверху въ окнѣ были постоянно открыты двѣ крошечныя форточки. Но такъ какъ дверь открывалась очень рѣдко, то токъ воздуха былъ очень слабый. Кромѣ того, доступу воздуха мѣшала еще наружная крѣпостная стѣна. За стѣнами крѣпости могла быть сильнѣйшая буря, а здѣсь, въ камерѣ, несмотря на открытыя форточки, не чувствовалось ничего. Въ третьихъ, недостатокъ *движенія*. Какое могла имѣть значеніе прогулка въ двадцать минутъ? А раньше еще прогулка продолжалась всего только 12 минутъ! И это все при указанныхъ уже недостаткахъ свѣта и воздуха въ камерѣ!

Насъ перевели въ крѣпость, чтобъ помѣ-

Digitized by Google

шать нашему бѣгству. Для этой цѣли служили многочисленныя ограды и большое число жандармовъ и солдатъ. Но и кромѣ того существовало здѣсь много правилъ, имѣвшихъ цѣлью отдѣлить насъ отъ всего міра. Имѣли ли власти право на это? Очевидно, нѣтъ. Ибо это было бы уже тяжелымъ наказаніемъ, а большинство заключенныхъ въ крѣпости — въ томъ числѣ всѣ сидѣвшіе по дѣлу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ — были лишь подслѣдственными. Изоляція является здѣсь искусствомъ самодовлѣющимъ, она здѣсь самоцѣль. Все, что могло бы помѣшать строгому одиночеству заключеннаго, тщательно устранялось. Почему мнѣ, напримѣръ, не разрѣшали дѣлового свиданія съ моимъ издателемъ, который могъ доказать при помощи писменнаго контракта, что мы приняли на себя взаимныя обязательства по отношенію другъ къ другу, а такъ какъ эти обязательства вслѣдствіе моего ареста не могли быть выполнены въ условленные сроки, то намъ необходимо было имѣть свиданія, чтобы обо всемъ переговорить? Почему мнѣ не разрѣшили свиданія съ моимъ полуторагодовалымъ ребенкомъ, который лишь наканунѣ моего ареста перенесъ тяжелую операцію? Съ какимъ-то саркастическимъ упрямствомъ въ насъ преслѣдовали малѣйшую попытку завязать сношенія

Digitized by Google

между собой или съ внѣшнимъ міромъ. Здѣсь особенно рѣзко проявлялась система двойного шпіонства, при которой жандармы, находившіеся при насъ постоянно вдвоемъ, слѣдили другъ за другомъ. Но и кромѣ изоляціи существовали еще тяжелыя правила, которыхъ ничѣмъ нельзя оправдать и которыя можно объяснить только явнымъ желаніемъ подвергнуть насъ душевной пыткѣ. Почему письма, которыя иногда намъ доставлялись, отнимались у насъ въ тотъ же вечеръ? Вообще здѣсь практиковалась манера внезапно переносить насъ изъ одного впечатлѣнія въ противоположное -- дѣйствіемъ такихъ контрастовъ на наши нервы имѣлось въ виду потрясти нашъ духъ. Съ пятой недѣли намъ можно было имѣть пять книгъ. Почему не съ первой? Какое это имѣетъ отношеніе къ опасности бѣгства или изоляціи? Очевидно, никакого; такая мѣра являлась исключительно наказаніемъ. Зачѣмъ существовалъ — какъ мнѣ сообщили жандармы — „обычай“ разрѣшать письменныя принадлежности со второго мѣсяца? Слѣдовательно, въ теченіе перваго мѣсяца заключенные подвергаются усиленому аресту, своего рода темному карцеру. Но за что и по какому праву насъ наказываютъ, когда еще не рѣшенъ вопросъ о нашей виновности?! Фактически судебныя власти прекратили бы тогда процессъ противъ меня и Дейча.

Digitized by Google

Почему, когда намъ уже разрѣшили имѣть письменныя принадлежности, намъ строжайше воспрещена была всякая самостоятельная духовная дѣятельность, всякое изложеніе „собственныхъ мыслей“, а разрѣшалось лишь дѣлать выписки изъ книгъ и заниматься переводами, да и то лишь съ условіемъ, что при оставленіи крѣпости все это будетъ сожжено? Очевидно, только для того, чтобы окончательно отравить намъ существованіе. Весь этотъ крѣпостной режимъ находилъ себѣ достойное завершеніе въ цѣломъ рядѣ правилъ, имѣвшихъ цѣлью препятствовать попыткамъ къ самоубійству. Эти правила были часто очень нелѣпы и смѣшны. Такъ, напримѣръ, каждый вечеръ у насъ отнимали полотенца. Это дѣлалось, вѣроятно, потому, что изъ полотенца можно было бы устроить петлю. Но вѣдь для этой же цѣли могла служить и простыня. Тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы въ камеру не попала какая-либо стеклянная посуда — вѣроятно, изъ опасенія, чтобы заключенный не перерѣзалъ себѣ артеріи осколкомъ. Если надо было принимать лекарство, то оно не выдавалось на руки заключенному, но жандармы сами отмѣряли каждый разъ необходимое количество его. Мнѣ не разрѣшили постричь ногти даже въ присутствіи жандармовъ. Но такъ какъ въ

Digitized by Google

концѣ концовъ онѣ до того у меня выросли, что стали загибаться и мѣшать работѣ, то я долженъ былъ, наконецъ, согласиться на то, чтобы жандармскій вахмистръ постригъ мнѣ ихъ.

Но надъ всѣмъ этимъ стояло тяжелое чувство зависимости отъ воли одного человѣка. Заключенный чувствовалъ себя безправнымъ и беззащитнымъ, какъ каторжникъ!

За нѣсколько дней до 27 апрѣля мнѣ передали къ величайшему моему удивленію два письма отъ моей жены. Это были первыя письма, которыя я получилъ въ крѣпости. Изъ нихъ я убѣдился, что она писала мнѣ часто и подробно—но эти письма задерживались Департаментомъ Полиціи.

Эти вѣсти изъ живого міра вызвали во мнѣ сильное возбужденіе. Отъ писемъ вѣяло радостнымъ духомъ борьбы. Она много работаетъ—писала жена—настроеніе снова радостное, какъ раньше, и скоро, черезъ нѣсколько днеймы увидимся! Это извѣстіе и то обстоятельство, что какъ разъ эти письма мнѣ передали, привело меня къ убѣжденію, что „на волѣ“ — теперь я проводилъ различіе между собой и остальнымъ міромъ—должны скоро наступить важныя событія.

27 апрѣля и въ ближайшіе дни долженъ

Digitized by Google

будетъ рѣшиться вопросъ о направленіи политики правительства. Или—или! Или правительство уступитъ—тогда амнистія неизбѣжна. Или же правительство дерзнетъ на разрывъ съ Государственной Думой — тогда, если дѣйствительно волны революціи поднимаются вверхъ, вспыхнетъ народное возстаніе.

Утромъ историческаго дня я написалъ,—какъ уже было упомянуто выше,—петицію въ Государственную Думу. Вотъ прошла и прогулка. Наступило долгое послѣобѣденное время.

Въ этотъ день я не могъ работать. Я хочу этимъ сказать, что я ни на чемъ не могъ сосредоточить надолго свое вниманіе. Мысли мои были заняты только одной думой! Читалъ ли я или обсуждалъ какую-либо научную проблему, мысли мои съ неопреодолимой силой все возвращались къ одному пункту—что происходитъ теперь въ Петербургѣ? Когда будетъ первое засѣданіе? Быть можетъ, оно происходитъ какъ разъ въ этотъ часъ. Рабочіе, вѣроятно, бастуютъ въ этотъ день, фабрики и магазины закрыты—въ видѣ политической демонстраціи.

Но чу! что это доносится? Мое ухо улавливаетъ необычайный шумъ, напоминавшій шумъ деревьевъ въ лѣсу или морского прибоя въ тихую погоду. Не отдаленный ли это шумъ народный? Затѣмъ опять наступаетъ тишина. Но

Digitized by Google

вотъ снова доносится шумъ, въ которомъ я узнаю людской шумъ. Это были человѣческіе голоса. Или это мнѣ только казалось? Или это былъ обманъ чувствъ? Я бросился къ двери и позвонилъ.

Жандармы немедленно показались у форточки.

„Что происходитъ въ городѣ? Слышите ли вы эти крики?“

„Ничего не происходитъ. Это кричатъ ура“.

Форточка захлопывается. Я успѣваю крикнуть: „Всеобщая забастовка. На Невскомъ происходятъ демонстраціи!“ Но отвѣта не послѣдовало, и форточка запирается.

Итакъ, это не обманъ чувствъ, не миражъ моей возбужденной фантазіи! Жандармы слышали этотъ шумъ и подтвердили мнѣ это! Не подлежитъ сомнѣнію, что на Невскомъ происходитъ грандіозная народная демонстрація.

Но ура? По какому поводу кричать имъ ура?

Или, быть можетъ, это совсѣмъ другое? Говорили, что государь самъ хочетъ открыть засѣданіе Думы. Быть можетъ, онъ дѣйствительно рѣшился это сдѣлать. А теперь онъ ѣдетъ по улицамъ столицы и народъ привѣтствуетъ его.

Digitized by Google

Но не ошиблись ли жандармы? Какъ могутъ они разобрать отсюда, кричатъ ли ура или что-нибудь другое? Для жандармовъ все вѣдь ура.

Если происходитъ антиправительственная политическая демонстрація, то каковъ можетъ быть ея исходъ? Если дѣло дойдетъ до столкновенія съ войсками, то будутъ залпы изъ ружей, а можетъ быть и орудійные выстрѣлы. Надо внимательно прислушиваться!

Я стараюсь занять наиболѣе благопріятную въ слуховомъ отношеніи позицію. Я нахожу пунктъ, съ котораго, какъ мнѣ кажется, будетъ слышно яснѣе всего. Я становлюсь на это мѣсто и начинаю внимательно прислушиваться, напрягая всѣ свои чувства.

Снова и снова поднимается волна человѣческихъ звуковъ. Если бы это привѣтствовали царя, то это не могло бы такъ долго продолжаться: шумъ долженъ былъ бы давно кончиться. Очевидно, это проявленія революціоннаго настроенія народа. Шумъ доходилъ до меня, какъ звуки органа, достигалъ извѣстной силы, затѣмъ переставалъ усиливаться, ослабѣвалъ и распадался на тысячи звуковъ. Но чу!— не отдаленный ли это барабанный бой? Я явственно слышу тупые, твердые удары, напоминающіе звукъ быстро катящихся пуль. Затѣмъ

Digitized by Google

тѣ же звуки доходятъ до меня съ другой стороны, тоже—съ третьей. Откуда-то звуки доходятъ очень слабо, такъ что ихъ едва-едва можно различить. Солдаты разгоняютъ народъ. Но они теряются въ массахъ. Вдругъ шумъ раскатывается, какъ лавина, и заглушаетъ въ своемъ—какъ казалось мнѣ — гнѣвномъ и дикомъ ропотѣ всѣ отдѣльные звуки. Мой духовный взоръ видитъ теперь, какъ съ высоты птичьяго полета, весь городъ. Улицы запружены народомъ. То тутъ, то тамъ—во многихъ мѣстахъ—видны небольшіе сѣрые четыреугольники: это солдаты. Толпа волнуется хаотически, какъ туманъ; въ центрѣ она сгущается, привлекая къ себѣ людей изъ расходящихся отъ центра по всѣмъ направленіямъ улицъ. Ее можно сравнить съ колоссальнымъ моллюскомъ, выпустившимъ свои щупальцы по всѣмъ направленіямъ. Сѣрые четыреугольники солдатъ протискиваются сквозь людскія массы, какъ снѣжный плугъ по снѣжной пустынѣ; вездѣ, гдѣ они показывались, освобождалось небольшое пространство, которое тотчасъ же замыкалось за ними. Солдаты исчезли въ массахъ, массы поглотили ихъ. Но вотъ вѣтеръ доноситъ до меня какъ будто отрывки музыки. Черезъ нѣкоторое время звуки повторяются. Мелодичные звуки медленно расплылись въ воздухѣ и исчезли.

Digitized by Google

Былъ ли это военный маршъ? Или революціонная пѣсня? Могло случиться, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ войска перешли на сторону народа, — теперь они маршируютъ вмѣстѣ подъ звуки военной музыки, играющей рабочую марсельезу. Снова гулъ голосовъ, напоминающій мнѣ шумъ нѣсколькихъ большихъ водопадовъ. Народныя массы, думается мнѣ, раздѣлились на части и собираются въ различныхъ пунктахъ. Или скорѣе, онѣ сдерживаются войсками въ различныхъ пунктахъ, и въ этихъ мѣстахъ онѣ скопляются.

Но вотъ раздался звукъ, напоминающій отдаленный громъ или подземный гулъ. Это орудійный выстрѣлъ! Еще и еще! Очевидно, стрѣляютъ изъ большихъ орудій. Въ толпу стрѣляютъ тяжелыми ядрами, а можетъ быть и картечью. Ужасно! Я вижу кровь и куски человѣческаго мяса!

...Но что это можетъ означать? Не бомбардируется ли городъ? Не находится ли городъ во власти народа и перешедшаго на сторону послѣдняго войска, а правительство съ остатками арміи должно снова завладѣть имъ? Но почему дѣло сразу дошло до орудійной пальбы, ибо я не слыхалъ совсѣмъ ружейныхъ выстрѣловъ? А вѣдь сначала должны были бы быть слышны именно эти послѣдніе. Или я ихъ про-

Digitized by Google

пустилъ? Или ихъ отсюда совсѣмъ нельзя разслышать? Надо еще больше напрячь свой слухъ. Прежде всего, какъ будетъ держать себя теперь толпа?

Наступила тишина. Тяжелая, полная ожиданія тишина. Я слышалъ движеніе крови въ своихъ жилахъ. Но вдругъ тишина нарушена шумомъ—дикимъ, хаотическимъ, но яснымъ, такъ что мнѣ казалось, что я различаю отдѣльные звуки. Итакъ, народъ не далъ себя запугать, массы идутъ впередъ! И—быстро какъ молнія, такъ что я едва могъ уловить его, послышался своеобразный трескъ: стрѣльба взводами! Затѣмъ я услыхалъ звукъ, напоминающій звукъ „разрываемаго шелка", пулеметовъ! Снова наступила тишина, а затѣмъ опять раздался гулъ голосовъ, послышались орудійные выстрѣлы, ружейные залпы и барабанный бой. Это стало повторяться непрерывно, это стрѣляютъ. Городъ возсталъ. Мнѣ стало казаться вскорѣ, что я различаю части города, въ которыхъ происходятъ отдѣльныя столкновенія.

Такъ прошли часы. Чувства покидали меня. Я едва стоялъ на ногахъ. Усталый, съ покрытымъ потомъ лбомъ я присѣлъ на кровать. Но не успѣлъ я сѣсть, какъ я снова вскочилъ. Я долженъ былъ снова занять свое прежнее

Digitized by Google

мѣсто, откуда, казалось мнѣ, я „все“ слышалъ. Я боялся, какъ бы что-нибудь не ускользнуло отъ меня, хотя, съ другой стороны, куда мнѣ было торопиться? Что я могъ сдѣлать, сидя здѣсь?

Вѣдь для той жизни, для жизни тамъ, на волѣ, меня въ данный моментъ какъ бы не существовало. И все-таки я прислушивался. И воображеніе рисовало мнѣ картины борьбы. Я уже больше не слышалъ, я *видѣлъ* борьбу. Но тутъ я увидѣлъ, что мнѣ необходимо взять себя въ руки и отдѣлаться отъ этихъ галлюцинацій, не то я съ ума сойду.

Я сталъ расхаживать по комнатѣ и считать свои шаги. Но такъ какъ я былъ одинъ на одинъ со своими мыслями, то я не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Я сталъ думать о томъ, что произошло бы, если бы возставшій народъ прибылъ въ крѣпость. Комендантъ, конечно, оказалъ бы сопротивленіе до послѣдней возможности, но гарнизонъ, какъ онъ держался бы? Я не имѣлъ никакихъ сношеній съ гарнизономъ крѣпости; я былъ совершенно изолированъ и находился подъ присмотромъ жандармовъ. Раньше у насъ были связи съ гарнизономъ; какъ обстояло дѣло теперь, я не зналъ, вѣроятно, не хуже, чѣмъ прежде. Если крѣпость сдастся, необходимо избѣжать слиш-

Digitized by Google

комъ большой торопливости и быть готовыми къ важнымъ событіямъ. Крѣпость сама важнѣе для возставшихъ, чѣмъ заключенные, которые томятся въ ея стѣнахъ. Она господствуетъ надъ городомъ, и въ ней находятся большіе склады оружія и военныхъ припасовъ. Прежде всего, конечно, было бы необходимо захватить коменданта и офицеровъ. Это было бы важно уже потому, что у кого-нибудь изъ этихъ послѣднихъ могла бы появиться безумная мысль взорвать крѣпость на воздухъ. Но прежде всего этотъ шагъ было бы необходимо предпринять для того, чтобы изъять солдатъ изъ-подъ вліянія ихъ командировъ. Что касается заключенныхъ, то прежде всего было бы необходимо тщательно изслѣдовать, нѣтъ ли тутъ потайныхъ камеръ. Всѣ двери должны были бы быть открыты, всѣ помѣщенія — тщательно обысканы.

Въ такомъ направленіи безконечной цѣпью шли мои мысли. Отъ времени до времени я останавливался и прислушивался. И каждый разъ казалось мнѣ, что я снова слышу бушующую борьбу на улицахъ города.

И тогда я сталъ думать о томъ, какъ заключенные выйдутъ изъ своихъ камеръ, и какъ красное знамя будетъ развѣваться надъ нами, и какъ встрѣтятъ насъ яркій солнечный свѣтъ

Digitized by Google

и народный восторгъ. Хотя наступила уже ночь, и о яркомъ солнечномъ свѣтѣ нельзя было думать, но я потерялъ уже мѣру времени и мѣста, и яркій солнечный свѣтъ и народное ликованіе соединились въ моемъ воображеніи въ одно цѣлое. И я почувствовалъ, какъ будто могучія крылья подняли меня и внезапно перенесли меня въ ярко освѣщенный залъ, гдѣ тысячи глазъ многочисленной толпы вперились въ меня, и эти глаза сіяли воодушевленіемъ, бодростью и готовностью къ борьбѣ. Я долженъ былъ говорить, иначе чувства оставили бы меня, и сердце мое разорвалось бы. И я сказалъ:

Мы побѣдили, но это не конецъ, а только начало нашей борьбы.

Петербургскіе рабочіе! Вы одержали большую побѣду, но вамъ некогда праздновать ее. Будьте насторожѣ! Примите мѣры, чтобы у васъ не отняли плодовъ вашей побѣды.

Подумайте о томъ, кто вы и что вы. Посмотрите на эти города и фабрики! Не вашими ли руками созданы они? А кому они принадлежатъ? — Не вамъ!

Вотъ и теперь вы строите зданіе и скрѣпляете его своей кровью. Но кто будетъ въ немъ господствовать? Не вы!

Нѣтъ, не вы, не создавайте себѣ иллюзій

Digitized by Google

на этотъ счетъ; вы строите для буржуазіи. Но вызвавъ къ жизни новый строй, вы разрываете цѣпи, сковывавшія ваше движеніе. Теперь у васъ будутъ развязаны руки.

Итакъ, что же мы пріобрѣли? Власть?— Нѣтъ! Мы завоевали *поле для борьбы,* и теперь мы можемъ начать борьбу за завоеваніе политической власти. Мы пріобрѣли возможность борьбы, которой были раньше лишены. Такъ будемъ же бороться! И начнемъ борьбу сейчасъ же! Не будемъ медлить!

Какъ разъ теперь, когда классъ капиталистовъ еще не успѣлъ взять въ свои руки политическое господство, которое мы для него подготовляемъ, представляется благопріятнѣйшій моментъ для борьбы. Какъ только классъ капиталистовъ обезпечитъ себѣ окончательно политическую власть въ государствѣ, онъ сдѣлается совершенно глухимъ къ нашимъ требованіямъ.

Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ буржуазія вынуждена была мириться съ политическимъ выступленіемъ пролетаріата. Она помогала намъ свергнуть старый строй. Теперь, когда старая власть низвергнута, а новая еще не успѣла сорганизоваться, господствующей политической силой въ государствѣ являются рабочіе, составляющіе главную силу революціонной арміи.

Digitized by Google

Въ данный моментъ ничто еще не можетъ произойти противъ вашей воли. Давайте же, используемъ въ свою пользу политическую власть, пока она въ нашихъ рукахъ.

Для какой же цѣли используемъ мы политическую власть? Прежде всего—для укрѣпленія нашего политическаго положенія. Позицій, которыми мы овладѣли, мы не уступимъ. Мы укрѣпимся на нихъ и постараемся захватить новыя.

Капиталистическая буржуазія говоритъ намъ:

„Браво, рабочіе, вы хорошо выполнили свое дѣло! Но теперь, будьте добры посторониться и дайте намъ выступить впередъ—ибо господство подобаетъ намъ".

На это мы возражаемъ.

„Если это дѣйствительно путь къ вашему господству, то вѣдь онъ идетъ черезъ боевыя позиціи революціи. А эти послѣднія въ нашихъ рукахъ. Мы не пропустимъ васъ черезъ нихъ. Мы будемъ васъ прижимать и вынуждать. И пока вамъ удастся преодолѣть всѣ препятствія, вы будете вынуждены сдѣлать намъ много уступокъ. Мы ничего не получили даромъ и даромъ ничего не отдадимъ. Хотите стать господами? Завоюйте себѣ раньше власть!..."

Тутъ я пришелъ въ себя. Я стоялъ посреди камеры и глядѣлъ предъ собой. Голова у меня кружилась.

Digitized by Google

Я легъ на кровать, но заснуть не могъ. Я снова поднялся и сталъ прислушиваться. Я горѣлъ какъ въ лихорадкѣ, я потерялъ представленіе о времени и пространствѣ, мечты и дѣйствительность слились въ одно въ моемъ воображеніи. Мнѣ казалось, что я слышу движеніе народа по мосту черезъ Неву, слышу, какъ взорвались крѣпостныя ворота; я шелъ во главѣ народа по улицамъ Петербурга, произносилъ рѣчи, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ. Въ такомъ состояніи я находился въ теченіе всей ночи. Только на слѣдующій день къ обѣду мнѣ удалось овладѣть собой и привести въ нормальное состояніе свою душевную дѣятельность.

Снова потекли дни. Съ воли я не получалъ никакихъ извѣстій. Жандармы молчали какъ тѣни. Такъ какъ непосредственныхъ наблюденій, на которыхъ я могъ бы основывать свои сужденія, у меня не было, то въ моемъ воображеніи все казалось одинаково вѣроятнымъ. Поэтому я особенно старался представить себѣ по возможности проще положеніе дѣлъ.

Для меня стало ясно, что въ день 27 апрѣля я находился во власти галлюцинацій. (Въ дѣйствительности, какъ я узналъ теперь изъ газетъ, весь день послѣ полудня происходили демонстраціи въ

Digitized by Google

честь думскихъ делегатовъ). Я допускалъ, что Дума закономѣрно собралась. Слѣдовательно, въ политическомъ отношеніи положеніе дѣлъ еще не выяснилось окончательно. Но какъ же обстоялъ вопросъ съ амнистіей? Быть можетъ, амнистія и была, но не всеобщая. Правительство могло вступить въ компромиссъ съ конституціоналистами-демократами. Такой компромиссъ не трудно было устроить. Вѣдь конституціоналисты-демократы въ своей агитаціи въ пользу амнистіи слишкомъ сильно напирали на то, что аресты и политическія репрессіи имѣли мѣсто на основаніи „временныхъ постановленій", которыя съ открытіемъ Думы должны были уступить мѣсто правильной законодательной дѣятельности. Такимъ образомъ правительство могло бы освободить всѣхъ тѣхъ, кто былъ арестованъ на основаніи временныхъ постановленій; всѣ же тѣ, кто подлежалъ преслѣдованію на основаніи существующихъ законовъ, продолжали сидѣть въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ правительство формально становилось на правовую точку зрѣнія: вотъ законы и суды — пусть судятъ послѣдніе! А что суды находились въ полной власти правительства — это уже другое дѣло. Правительство могло прекратить процессъ по отношенію къ большинству арестованныхъ, противъ нѣкоторыхъ

Digitized by Google

же оно могло возбудить судебное преслѣдованіе именно потому, что не хотѣло ихъ освободить. Ужъ не въ этомъ ли заключалась цѣль нашего перевода въ Петропавловскую крѣпость? Правительство выдѣлило тѣхъ, кого оно хотѣло оставить въ заключеніи, и именно поэтому ихъ перевели въ наиболѣе вѣрную тюрьму, другіе же были освобождены. Итакъ, амнистія миновала насъ, заключенныхъ Петропавловской крѣпости.

Увѣренный тонъ упомянутыхъ уже выше писемъ моей пріятельницы покоился именно на томъ, что частичная амнистія будетъ дана. Далѣе полагали, что съ открытіемъ Государственной Думы можно будетъ вырвать изъ рукъ правительства и немногихъ оставшихся. Но это былъ ложный расчетъ. Государственная Дума во всякомъ случаѣ настаивала бы на полной амнистіи, но если масса арестованныхъ будетъ освобождена, то это обстоятельство фактически отниметъ главное содержаніе у движенія въ пользу амнистіи. Изъ-за нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, сидящихъ еще въ тюрьмахъ, нельзя поднять особенно большой шумъ. Вотъ почему Дума должна была перешагнуть черезъ насъ къ очереднымъ вопросамъ, ибо революція должна рѣшить гораздо болѣе важные вопросы, чѣмъ судьба нѣ-

Digitized by Google

сколькихъ отдѣльныхъ лицъ! Слѣдовательно, намъ придется оставаться во власти правительства до тѣхъ поръ, пока оно само будетъ находиться у власти.

Но къ формальному концу процессъ при такихъ условіяхъ долженъ будетъ притти. Посмотримъ, что говорятъ законы. Что собственно гласятъ статьи 101 и 126 уголовнаго кодекса? Я попросилъ изъ библіотеки Уголовное Уложеніе. Теперь я впервые заинтересовался не только обвиненіемъ, но и мѣрой наказанія.

Минимальное наказаніе, какое судьи могли мнѣ назначить, исходя изъ предъявленнаго мнѣ обвиненія, — было восемь лѣтъ каторжныхъ работъ въ Сибири. Когда все это стало мнѣ ясно, настроеніе мое сильно упало. Я успокаивалъ себя надеждой, что такъ долго правительство не продержится, но...

Представьте себѣ человѣка, который легъ между рельсами. Онъ можетъ высчитать съ математической точностью, что поѣздъ не убьетъ его, а только слегка затронетъ. Тѣмъ не менѣе, услышавъ шумъ приближающагося поѣзда, онъ не сможетъ не испытать тяжелаго чувства. Точно такъ же обстояло дѣло со мной. Быть осужденнымъ на восемь лѣтъ каторги не представляло пріятной перспективы.

Самое скверное было то, что правительство,

Digitized by Google

вѣроятно, и послѣ суда будетъ содержать меня въ Петропавловской крѣпости. Сколько же можетъ продолжаться мое заключеніе? Можно ли съ увѣренностью сказать, что оно не продержится у власти еще годъ или два? Два года заключенія въ Петропавловской крѣпости, въ полнѣйшей оторванности отъ всего внѣшняго міра представляло собой нѣчто очень мало пріятное. Я примирился съ мыслью о болѣе продолжительномъ пребываніи въ крѣпости и соотвѣтственно съ этимъ рѣшилъ устроиться.

Прежде всего — самое строгое наблюденіе за своимъ здоровьемъ. Комнатной гимнастикой я продолжалъ заниматься съ величайшей тщательностью, причемъ желѣзная кровать сослужила мнѣ хорошую службу. Далѣе я рѣшилъ продѣлывать ежедневно въ своей комнатѣ отъ 20 до 30 километровъ.

Свои умственныя занятія я распредѣлилъ по часамъ, и для каждаго періода дня у меня было особое занятіе. Для „мечтаній“ я пользовался большей частью сумерками. Но при этомъ я проводилъ различіе между фантастическими сказками, успокаивающими нервы и возбуждающими ихъ. Къ первымъ относились, напримѣръ, фантастическія путешествія, которыя я совершалъ въ своемъ воображеніи! Я говорилъ себѣ, напримѣръ: теперь отправляемся

Digitized by Google

въ море — и я чувствовалъ себя въ лодкѣ, на волнахъ океана, и видѣлъ кроваво-красный солнечный шаръ погружающимся въ водную поверхность. Успокаивающимъ образомъ дѣйствовало на меня также сочиненіе стиховъ. Въ этомъ занятіи я находилъ сходство съ математическими упражненіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я рѣшилъ устроить осенью попытку къ бѣгству, хотя бы это грозило мнѣ величайшей опасностью, если къ тому времени мое положеніе не выяснится.

Маленькій дворъ, въ которомъ я гулялъ, представлялъ собой идиллическій уголокъ. Посерединѣ находилось нѣсколько деревьевъ и кустовъ, и на всемъ лежалъ тотъ своеобразно тихій отпечатокъ старины, который можно видѣть во дворахъ старыхъ замковъ и который создается тысячью мелочей: почернѣвшей отъ старости стѣной, отвалившимся обломкомъ, травой въ стѣнѣ. Природа съ теченіемъ времени претворяетъ въ себя чуждое ей архитектурное произведеніе и создаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ одну гармоничную картину.

Въ это романтическое гнѣздышко начала уже проникать весна. Она показывалась сначала лишь мелькомъ, на короткое время, пробѣгала теплыми солнечными лучами по двору

Digitized by Google

и стѣнамъ, заглядывала на секундочку въ окно—точно осматривала опустошенія, произведенныя долгой зимой—превращала мимоходомъ часть снѣга въ лужи и торопливо убѣгала дальше. Но съ каждымъ днемъ она оставалась все дольше и дольше, и работа ея становилась все дѣятельнѣе. Лужи высыхали, небо прояснялось, изъ земли выглядывала травка, деревья—покрывались безчисленными почками. Всякій разъ, выходя на свою двадцатиминутную прогулку, я видѣлъ, что работа весны идетъ все полнѣе и полнѣе. У меня въ камерѣ все оставалось безъ измѣненія, тотъ же мракъ и темнота—здѣсь же рождался новый міръ.

Въ этихъ краяхъ, весна является лучшимъ временемъ года. Она здѣсь до того нѣжна и мягка, до того свѣтла и бодра, что даже случайные дожди не портятъ картины. Лучи солнца проглядываютъ сквозь дождь, отъ пробудившейся почвы вѣетъ ароматомъ. Но дождливые дни представляютъ рѣдкость во время русской весны. По большей части въ это время погода стоитъ ясная и воздухъ пропитанъ свѣтомъ. Все блеститъ ярко, глаза сверкаютъ, щеки покрываются румянцемъ. Всюду чувствуется пробивающаяся жизнь. Природа дышитъ жизнью. А вечеромъ, когда солнце заходитъ, появляется вѣтерокъ, нѣжный и мягкій, какой можетъ

Digitized by Google

создать только необъятная русская равнина. Онъ приноситъ съ собой ароматный запахъ потеплѣвшей земли на далекихъ поляхъ, запахъ почекъ и ростковъ, придаетъ мелодію каждому звуку и уноситъ его въ безконечную даль. И человѣческой душой также овладѣваютъ весенніе порывы — смѣсь тоски и потребности въ дѣятельности. Хочется бродить, хочется пѣть и бѣгать — словомъ хочется что-нибудь дѣлать отъ наплыва чувствъ, а прежде всего — хочется быть на волѣ.

Въ это время центральнымъ пунктомъ моего дня была прогулка. Я сталъ ожидать ее всякій разъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но мы заранѣе никогда не знали, когда мы будемъ гулять. Насъ могли позвать на прогулку и до и послѣ обѣда. Очевидно, администрація хотѣла устроить такъ, чтобы на долю каждаго изъ заключенныхъ приходились прогулки и до и послѣ обѣда. Но въ проведеніи этого добраго намѣренія недоставало системы. Такимъ образомъ насъ передали на произволъ жандармовъ, которымъ могло заблагоразсудиться сегодня назначить прогулку въ 8 ч. утра, а завтра въ 5 ч. пополудни. Такимъ образомъ между одной прогулкой и другой могло пройти не 24 часа, а цѣлыхъ 33 часа. Особенно это было непріятно для меня, такъ какъ день у меня былъ

Digitized by Google

точно распредѣленъ. Жандармы же не могли и представлять себѣ что-либо подобное, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, у заключенныхъ всегда есть время. Кромѣ того мнѣ было особенно мучительно сознаніе, что со мной обращаются, какъ съ неодушевленнымъ предметомъ, которымъ можно распоряжаться какъ угодно.

Въ тѣ 20 минутъ, которыя полагались на прогулку, входило уже время прохожденія по длинному корридору и возвращенія въ камеру. Такимъ образомъ заключенные никогда не могли встрѣчаться между собой. Никто не выпускался изъ камеры прежде, чѣмъ предыдущій заключенный не запирался. Въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ своего заключенія въ крѣпости я не видалъ никого, кромѣ жандармовъ. Я даже не видѣлъ ни разу своего собственнаго лица. Имѣть зеркало строго воспрещалось. Въ тюрьмѣ разрѣшалось имѣть небольшую головную щетку со вдѣланнымъ небольшимъ зеркальцемъ. Здѣсь запрещалось и это. Однажды я остановился надъ лужей во дворѣ, чтобы увидѣть свое лицо. Я увидѣлъ какое-то обросшее волосами лицо, которое показалось мнѣ совершенно чуждымъ. Что же должны испытать тѣ, кто, вступивъ сюда молодымъ и выйдя на волю состарившись и посѣдѣвши, посмотритъ на себя въ зеркало?

Всѣ мои попытки втянуть во время прогу-

Digitized by Google

локъ жандармовъ въ разговоръ оказались безуспѣшными. Ни критика, ни ласковое обращеніе не дѣйствовали на нихъ. Они всегда молчали. Все же одинъ разъ меня постигла удача, о чемъ я впрочемъ узналъ какъ слѣдуетъ лишь позже. Дѣло было такъ.

Еще до моего ареста былъ посаженъ въ крѣпость Левъ Дейчъ. Мнѣ было, слѣдовательно, извѣстно, что онъ здѣсь. Чтобы узнать что-нибудь о немъ, я рѣшился перехитрить жандармовъ. Я надѣялся, что, поставивъ вопросъ надлежащимъ образомъ, мнѣ удастся вызвать чисто рефлекторный отвѣтъ. Я воспользовался подходящимъ случаемъ и, не измѣняя тона, какъ будто бы продолжая раньше начатый разговоръ, я однажды спросилъ:

„Какъ теперь здоровье Дейча?“

„Въ послѣднее время врачъ его уже не посѣщаетъ“—послѣдовалъ отвѣтъ.

Второй жандармъ немедленно вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „здѣсь нѣтъ никакого Дейча“.

„Поклонитесь отъ меня Дейчу“—сказалъ я жандарму, изъ устъ котораго вырвался — сознательно или безсознательно— вышеуказанный отвѣтъ. „Поклонитесь ему отъ меня, скажите — Парвусъ кланяется, Парвусъ“.

Послѣ этого я обратился ко второму жан-

Digitized by Google

дарму и сталъ его убѣждать, что онъ не долженъ быть строже, чѣмъ этого требуютъ его обязанности. Само собой разумѣется, что теперь они уже оба молчали.

Впослѣдствіи, находясь въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, Дейчъ разсказалъ мнѣ что жандармъ дѣйствительно передалъ ему мой поклонъ. Когда оба эти жандарма были, однажды, въ его камерѣ онъ улучилъ минуту, когда товарищъ его уже вышелъ изъ камеры, и, быстро обернувшись, сказалъ: „вамъ кланяется Парвусъ“. Дейчъ не успѣлъ опомниться; онъ былъ такъ пораженъ, что не успѣлъ даже примѣтить въ лицо жандарма, чтобы заговорить съ нимъ при удобномъ случаѣ.

Постоянное присутствіе жандармовъ возлѣ меня страшно тяготило меня. Они непрестанно наблюдали за мной сквозь очко, на прогулкѣ шли рядомъ со мной и даже въ банѣ не оставляли меня одного. И всегда ихъ было двое. Но въ концѣ концовъ я свыкся съ этимъ. Я утѣшалъ себя слѣдующимъ довольно таки страннымъ предположеніемъ. Я вообразилъ себѣ,— что было бы, если бы у меня вдругъ выросъ обезьяній хвостъ. Какъ современный человѣкъ, я не нуждаюсь въ такомъ хвостѣ. Онъ былъ бы для меня совершенно безполезенъ. Даже для лазанія по лѣстницамъ онъ не могъ бы мнѣ

Digitized by Google

служить, такъ какъ хозяева стали бы протестовать противъ этого. Да и одежда наша совершенно не приспособлена къ такимъ хвостамъ. И все-таки, если бы такой хвостъ у меня выросъ, мнѣ ничего не оставалось бы, какъ тащить его съ собой. Точно въ такомъ же положеніи я очутился теперь, имѣя постоянно съ собой двухъ обезьянъ, одѣтыхъ въ форму.

Вообще обращеніе жандармовъ было спокойное и вѣжливое. Только одинъ разъ у насъ вышелъ конфликтъ. Это произошло по поводу прогулокъ. Я сталъ замѣчать, что прогулка сокращалась. Такъ какъ прогулки начинались ровно въ восемь часовъ то слѣдовательно въ 20—40—60 минутъ должны были происходить возвращеніе съ прогулки заключеннаго и выпускъ на прогулку новаго. Если жандармы, запирая заключеннаго и выпуская новаго, нѣсколько мѣшкали, то пунктуальность во времени нарушалась, и чтобы нагнать упущенное время, жандармы сокращали прогулку. Я убѣдился, что при несокращенной прогулкѣ я совершалъ тринадцать круговъ во дворѣ; слѣдовательно, я легко могъ замѣтить, когда прогулку сокращали. Нѣсколько разъ я уходилъ безъ возраженій. Когда меня однажды выпустили на прогулку тремя минутами позже положеннаго срока — въ корридорѣ висѣли

Digitized by Google

часы—я обратилъ на это вниманіе своихъ провожатыхъ. Не успѣлъ я еще кончить одиннадцатаго круга, какъ мнѣ крикнули: „прогулка кончена!“

— Какъ — вскликнулъ я — неужели кончена?

— Да!

Я смолчалъ, но проходя мимо часовъ въ корридорѣ, я указалъ жандармамъ на разницу во времени. Остановившись въ корридорѣ, я сталъ громко кричать:

„Зачѣмъ вы крадете у меня время? Всего то прогулка продолжается 20 минутъ, и изъ нихъ вы еще крадете три!“

Моментально со всѣхъ сторонъ сбѣжались жандармы въ страшномъ волненіи.

— „Вы можете жаловаться, но сейчасъ должны отправиться въ свою камеру“,—сказалъ старшій.

— „Стыдитесь, у васъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!“

Послѣ этого я отправился въ свою камеру, но съ тѣхъ поръ время моей прогулки не сокращалось ни на секунду.

Дни становились длиннѣе и теплѣе. Застоявшійся воздухъ въ моей камерѣ сдѣлался сырымъ. Каждый разъ, когда я возвращался

Digitized by Google

съ прогулки, у меня захватывало дыханіе. Я чувствовалъ, какъ кровь останавливается въ моихъ жилахъ, и какой-то туманъ облекалъ мнѣ лицо и глаза. Вѣроятно, я поблѣднѣлъ. Я понялъ тогда, откуда такія лица у обитателей подвальныхъ помѣщеній.

Какъ труслива своекорыстная логика людей и какъ она слѣпа въ своей трусливости! Какими окольными путями доходятъ люди до признанія вещей, которыя такъ ясны и просты — и только потому, что это противорѣчитъ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Только теперь открыли квартирную нужду рабочихъ и бѣднаго городского населенія. Темныя грязныя улицы съ сырыми, покрытыми плѣсенью жилищами лежали рядомъ съ кварталами богачей, о недостаткѣ воздуха и свѣта можно было такъ легко прочесть на восково-желтыхъ лицахъ женщинъ и дѣтей—и тѣмъ не менѣе, чтобы установить этотъ простой выводъ, пришлось снарядить цѣлыя экспедиціи, предпринять изслѣдованія при помощи большого научнаго аппарата. Точно такъ же надо было „открыть“ и вопросъ о недоѣданіи рабочихъ!

Буржуазія создала изъ нужды рабочихъ научную проблему. Она изслѣдовала ее во всѣхъ мелочахъ, во всѣхъ оттѣнкахъ. Она раздѣлила ее на классы и рубрики. Счи-

Digitized by Google

тали и высчитывали, предпринимали изслѣдованія и совершали эксперименты, наполняли числами толстыя книги и нагромождали послѣднія въ цѣлыя библіотеки. И такъ продолжается дѣло уже болѣе полустолѣтія. А жилища рабочихъ продолжаютъ оставаться жалкими и переполненными, а пища ихъ — крайне недостаточной.

Нищета сдѣлалась задачей для вычисленій, о которой можно спорить безъ особеннаго возбужденія. Люди превратились въ мертвыя цифры, которыя можно комбинировать какъ угодно. И съ какимъ азартомъ спорятъ о малѣйшей цифрѣ, о 0,01! Когда воздуху становится такъ мало, что можно задохнуться? Какая нужда въ пищѣ вызываетъ голодную смерть? При какихъ условіяхъ переполненія жилища мужчинами и женщинами теряется чувство стыдливости? Въ какомъ возрастѣ кости дѣтей отвердѣваютъ настолько, чтобы ихъ можно было уже подвергнуть механическому дѣйствію машины безъ риска искалѣчить ихъ? Въ какой моментъ и въ какой степени теряетъ рабочій способность дальше работать?

А когда мы подходимъ къ нимъ и говоримъ: „вы считаете и взвѣшиваете нищету массъ, — будьте же смѣлы и посмотрите ей прямо въ лицо!“ — то они называютъ наши

Digitized by Google

рѣчи ненаучными, агитаторскими, разрушительными. Ихъ же собственный припѣвъ остается постоянно все тѣмъ же: „рабочій живетъ и производитъ дѣтей!“...

Въ маѣ начинаются въ Петербургѣ „бѣлыя ночи“. На непривычнаго человѣка онѣ тяжело дѣйствуютъ на нервы. Здѣсь въ камерѣ эти свѣтлыя ночи были не особенно замѣтны, но все-таки полнаго мрака не наблюдалось и здѣсь. Были мутныя сумерки, дѣйствовавшія на нервы отнюдь не успокаивающимъ образомъ.

Днемъ появилась новая напасть — мухи. Чѣмъ теплѣе становилось, тѣмъ больше являлось ихъ. Очагами ихъ были сараи и дворъ, гдѣ находилось много голубинаго помета. Онѣ вскорѣ образовали у меня въ камерѣ огромныя черныя арміи, располагавшіяся гдѣ имъ было угодно. Но особенно любили онѣ, конечно, мой столъ и кровать, причемъ онѣ находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ между собой и при каждомъ полетѣ черезъ комнату считали своимъ долгомъ затронуть мое лицо. Многія изъ нихъ любили маршировать по моему голому черепу, такъ что я чувствовалъ каждое прикосновеніе ихъ лапокъ. Такъ какъ это было очень щекотно, то я прогонялъ ихъ. Но стоило мнѣ только прогнать

Digitized by Google

одну, какъ это пробуждало интересъ ко мнѣ у остальныхъ мухъ, и онѣ во множествѣ садились на мое лицо.

Это были мелочи. Но эти мелочи меня очень безпокоили, и я былъ безсиленъ по отношенію къ нимъ. Когда я просилъ разрѣшенія пріобрѣсти себѣ мухоловку или бумагу для мухъ, мнѣ его не дали, хотя я предлагалъ приклеить эту бумагу къ потолку, откуда я не могъ бы достать ее, если бы мнѣ пришло въ голову желаніе полакомиться ею. Въ концѣ концовъ мнѣ ничего не оставалось, какъ начать ловить ихъ по одиночкѣ. Я обрывалъ имъ крылья и опускалъ въ кружку, на половину наполненную водой. Вечеромъ я опускалъ содержимое кружки въ раковину. Ловля мухъ сдѣлалась моимъ ежедневнымъ занятіемъ. Не проходило дня, чтобы я поймалъ меньше сотни, а въ иные дни моя добыча доходила до двухсотъ и больше. Въ концѣ концовъ я достигъ такого искусства, что ловилъ мухъ по нѣсколько сразу и на лету.

Такимъ путемъ я отдѣлывался отъ мухъ. Гораздо больше непріятностей причиняли мнѣ голуби. Я никогда не предполагалъ, что эти веселыя и повидимому добродушныя птицы могутъ такъ надоѣсть человѣку — и, тѣмъ не менѣе, они доводили меня иногда до отчаянія и чуть ли не до сумасшествія.

Digitized by Google

Въ крѣпости находилось очень много голубей — сотни, а можетъ и тысячи. Такъ какъ здѣсь было тихо и спокойно, то они собирались сюда изъ всего города. Большими стаями спускались они на дворъ, гдѣ находили себѣ пищу. Но особенно любили они сидѣть на карнизахъ у оконъ, и изъ-за этихъ мѣстъ у нихъ нерѣдко происходили форменныя сраженія.

Сначала эти миловидныя птицы мнѣ очень понравились. Многія изъ нихъ влетали даже въ камеру. Онѣ входили черезъ одну открытую форточку и размѣреннымъ шагомъ доходили до второй и оттуда медленно улетали. Иногда одна останавливалась и серьезно смотрѣла внутрь комнаты, какъ бы готовясь предпринять что-то очень важное и опасное. Я старался пріучить птицъ къ себѣ и сманить ихъ съ окна, кидая имъ хлѣбныя крошки.

Эта птица, движенія которой медленны и вдумчивы, имѣетъ непріятную привычку вѣчно ворковать. Если ихъ двое, или если вторая находится гдѣ-нибудь вблизи—что при развитой семейной жизни этихъ птицъ всегда имѣетъ мѣсто—то воркованіе не прекращается.

Не молчатъ и другія птицы. Воробьи чирикаютъ. Когда соберется нѣсколько воробьевъ, получается цѣлый чирикающій хоръ. Но въ этомъ чириканьи столько веселья и жизнера-

Digitized by Google

достности, что отъ него становится веселѣй на душѣ. Совсѣмъ не то представляетъ собой воркованье голубей. Это полузадушенные звуки подобно разговору, притомъ произносятся они медленно и непрерывно. Въ воркованьи заключается множество негармоничныхъ тоновъ, непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ, подобно плесканью водянаго колеса. Этому трудно повѣрить, но я совѣтую внимательно прислушаться когда-нибудь къ ихъ воркованію,—а въ моемъ уединеніи я не могъ не прислушиваться къ нему. Если его подруга удалилась на нѣсколько шаговъ, голубь воркуетъ озабоченно и съ упрекомъ. Если онъ находится на оконномъ карнизѣ, а его подруга на стѣнѣ напротивъ, или наоборотъ, то воркованье раздается очень громко. Если же они вмѣстѣ, то они все-таки не перестаютъ ворковать, хотя бы и вполголоса.

Моя антипатія къ голубямъ возростала съ каждымъ днемъ. Они мѣшали мнѣ и стали для меня невыносимы. Какъ я ни старался сдерживать себя, но одинъ видъ этихъ птицъ уже раздражалъ меня, а звуки ихъ голоса дѣлали меня больнымъ. Напрасно старался я не обращать вниманія на ихъ воркованье. Но это мнѣ не удавалось.

Я прилагалъ всѣ усилія, чтобъ привыкнуть

Digitized by Google

къ воркованью голубей. Я пытался спокойно слушать его, но изъ моихъ стараній ничего не выходило. Я становился нервнымъ и доходилъ прямо до бѣшенства. Я готовъ былъ обрушиться на птицъ и задушить ихъ. Но онѣ были для меня недостижимы.

Чтобы прогнать ихъ съ оконнаго карниза, я кидалъ куски сахара въ стекло. Происходившій отъ этого шумъ пугалъ ихъ, и они улетали, но только на минуту. Черезъ минуту только что улетѣвшая птица или другая возвращалась на ея мѣсто.

Я затыкалъ уши ватой. Но и это не помогало. Я завязывалъ уши полотенцемъ. Но и это не помогало. Сквозь вату и полотенце доходило до меня это ужасное воркованье.

Я чувствовалъ, что становлюсь ненормальнымъ и больнымъ. Я спрашивалъ себя, какъ это другіе не только выносятъ это воркованье, но оно имъ даже пріятно. Для меня это было непостижимо.

Дѣло становилось все хуже и хуже. Я пересталъ спать по ночамъ. Даже когда птицы молчали, въ ушахъ моихъ раздавалось ихъ воркованье. Я былъ не въ состояніи выносить это дальше и пригласилъ тюремнаго врача.

Онъ внимательно выслушалъ меня и затѣмъ произнесъ очень серьезно:

Digitized by Google

„Да, у одного бываетъ одно, у другого—другое. Посмотримъ, что можно тутъ сдѣлать. Если перестать кормить голубей, то они выведутся".

Ничто не измѣнилось, но черезъ нѣсколько дней меня перевели изъ Петропавловской крѣпости въ Домъ Предварительнаго Заключенія. И здѣсь воркованье голубей тяжело отзывалось на моихъ нервахъ, но такъ какъ я находился среди людей и имѣлъ достаточно движенія на воздухѣ, то я переносилъ это гораздо легче.

Какъ я уже упоминалъ въ другомъ мѣстѣ, въ Петропавловской крѣпости, по словамъ жандармовъ, существовалъ обычай давать заключеннымъ письменныя принадлежности въ началѣ второго мѣсяца заключенія. Когда кончился первый мѣсяцъ моего сидѣнія въ крѣпости, и я все-таки не получалъ письменныхъ принадлежностей, то я снова обратился къ старшему надзирателю.

„Если Вы будете пользоваться письменными принадлежностями, заявилъ онъ мнѣ, обычнымъ здѣсь образомъ, то комендантъ выдастъ Вамъ ихъ".

— „А что это означаетъ?"—спросилъ я.

— „Вы не должны заниматься ни литера-

Digitized by Google

турнымъ ни научнымъ трудомъ и вообще не должны писать ничего собственнаго сочиненія. Разрѣшаются же Вамъ: переводы, выписки изъ книгъ, математическія упражненія. Кромѣ того: все, что Вы здѣсь напишете, будетъ у Васъ отобрано при выходѣ изъ крѣпости и сожжено".

— „Я не признаю за комендантомъ права, возразилъ я, подвергать подслѣдственнаго заключеннаго такимъ мучительнымъ правиламъ. Я настаиваю на томъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ проявляетъ превышеніе власти. Однако, при данныхъ обстоятельствахъ мнѣ ничего не остается, какъ подчиниться силѣ. Итакъ, я прошу дать мнѣ письменныя принадлежности для пользованія ими „обычнымъ здѣсь образомъ", но оставляю за собой право возбудить противъ коменданта судебное преслѣдованіе".

Черезъ нѣсколько дней я получилъ чернила и перо и тщательно разнумерованную тетрадь, на послѣдней страницѣ которой было выведено рукой жандарма: „въ этой тетради имѣется 147 нумерованныхъ страницъ".

Главное было имѣть на рукахъ письменныя принадлежности. Теперь я ужъ долженъ былъ самъ позаботиться о томъ, чтобы дѣло не ограничилось одними выписками изъ книгъ и переводами. Но и жандармы съ своей сто-

Digitized by Google

роны тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы я не излагалъ на какомъ-нибудь кускѣ бумаги собственныхъ мыслей. Изъ моего дневника можно отчасти видѣть, какія трудности мнѣ приходилось при такихъ обстоятельствахъ преодолѣвать во время своихъ литературныхъ занятій. О томъ, какъ я эти трудности обходилъ, еще не время разсказать.

Прежде всего я занялся выработкой своей защитительной рѣчи въ предстоящемъ процессѣ. Когда главные пункты рѣчи были намѣчены — изложеніе ихъ на бумагѣ потребовало очень много времени, такъ какъ приходилось писать украдкой и очень мелкими буквами—я началъ вести дневникъ. Свою рѣчь я продолжалъ, желая расширить ее въ книгу въ защиту соціализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ мое изученіе русской аграрной и финансовой литературы ушло настолько далеко, что я пожелалъ изложить кое-какіе выводы по этимъ вопросамъ. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль издавать газету.

Конечно, газета моя не могла разсчитывать на постороннихъ читателей кромѣ меня, но осуществленіе этой мысли меня очень занимало. Эта газетная работа вносила разнообразіе въ другія мои занятія, требовавшія сильнаго умственнаго напряженія. Газета должна была носить гордое названіе:

Digitized by Google

Муравьиная куча.

Органъ парламентской соціаль-революціи.

Передовица должна была носить названіе „Конецъ начала". Я придумалъ ее какъ антитезу своей написанной два года тому назадъ статьѣ подъ названіемъ: „Начало конца".

Фельетонъ — „Какъ Гансъ Каспаръ представлялъ себѣ міръ". Меня интересовала задача создать картину міра исключительно на основаніи моихъ тюремныхъ наблюденій.

Въ отдѣлѣ корреспонденцій я предполагалъ помѣстить письма изъ Германіи, Китая и т. д. Для „Смѣси" я написалъ слѣдующую замѣтку:

Своеобразное несчастіе произошло въ германскомъ рейхстагѣ. Одинъ изъ депутатовъ центра потерялъ во время рѣчи языкъ. Вслѣдствіе многочисленныхъ вывертовъ, которые онъ употреблялъ въ своей рѣчи, винтъ, которымъ языкъ былъ укрѣпленъ, вѣроятно, ослабъ, и когда онъ однажды сильно раскрылъ ротъ, языкъ выпалъ, ударился о пультъ и скатился на полъ. Послѣдовалъ очень мучительный моментъ. Но только моментъ! Ибо съ изумительной быстротой одинъ изъ національ-либеральныхъ депутатовъ отвинтилъ свой собственный языкъ и передалъ его съ граціознымъ покло-

Digitized by Google

номъ и нѣмой улыбкой своему ультрамонтанскому коллегѣ. Послѣдній столь же быстро ввинтилъ его къ себѣ ротъ и, не останавливаясь ни на секунду, продолжалъ свою рѣчь при помощи національ-либеральнаго языка. По содержанію обѣ части рѣчи ничѣмъ не отличаются между собой.

Выпавшій языкъ не могъ быть пущенъ въ дѣло немедленно, такъ какъ какой-то имперскій комиссаръ случайно наступилъ на него каблукомъ. Языкъ сдѣланъ изъ каучука въ никкелевой оправѣ и вѣситъ полный килограммъ.

Не былъ забытъ и отдѣлъ объявленій. Въ своихъ замѣткахъ я нашелъ слѣдующія объявленія для своей газеты.

ОБЕЗЬЯНЫ, человѣкоподобныя! Большой ввозъ. Прекрасно пріучены къ земледѣльческимъ работамъ. Не говорятъ, не думаютъ, только скрежещутъ зубами. Въ смѣси съ китайскими кули стоятъ выше всякой конкурренціи.

Главный складъ
при Союзѣ Сельскихъ Хозяевъ.

Digitized by Google

ЛУННЫЙ СВѢТЪ ДЛЯ ВСѢХЪ.

Всѣмъ извѣстно, что послѣ того, какъ Грюнвальдъ застроился виллами, тамъ уличныхъ фонарей стало больше, чѣмъ деревьевъ. Вслѣдствіе этого во всѣхъ окрестностяхъ Берлина нельзя больше видѣть луннаго свѣта. Желающіе наслаждаться луной должны ѣхать въ Италію или Норвегію. Желая сдѣлать доступнымъ лунный свѣтъ и для мѣнѣе состоятельнаго населенія Берлина, Общество M. f. a. W. купило въ центрѣ Берлина большой участокъ земли и построило зданіе, въ которомъ освѣщеніе при помощи лампъ и фонарей искусственно исключено и въ которое имѣетъ доступъ лунный свѣтъ. При помощи остроумно устроенныхъ рефлекторовъ удалось добиться того, что лунный свѣтъ можно хорошо видѣть со всѣхъ пунктовъ залы. Въ сумрачные дни искусственное лунное освѣщеніе!

Замѣчательнѣйшее зрѣлище!

Покорнѣйше просимъ пожаловать почтенную публику. На прекрасную кухню и первоклассное пиво обращено особое вниманіе.

Такимъ образомъ, получивъ письменныя принадлежности, я сталъ заниматься самой разнообразной духовной дѣятельностью. Мой духъ разорвалъ оковы, въ которыя меня заковали. По моимъ расчетамъ, у меня хватило бы матеріалу для литературной работы еще на два года, даже если бы отъ меня скрыли все, что произошло на свѣтѣ въ теченіе этого времени. У меня былъ запасъ.

Но надъ всѣмъ этимъ литературнымъ творчествомъ вѣяло опасеніе, что всѣ продукты

Digitized by Google

этого творчества будутъ похоронены здѣсь, быть можетъ, вмѣстѣ со мною. Я былъ арестованъ двадцать перваго марта—если бы мнѣ удалось скрыться отъ полиціи еще на одну недѣлю, то, быть можетъ, я остался бы на свободѣ, такъ какъ къ тому времени опредѣлились результаты выборовъ въ Государственную Думу, и снова началась либеральная эра. Десятаго іюня меня перевели изъ крѣпости въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Меня все еще держали въ тюрьмѣ, а затѣмъ сослали въ Сибирь, откуда мнѣ удалось бѣжать. Но если бы меня продержали въ крѣпости еще одинъ мѣсяцъ, до 10 іюля, когда была распущена Государственная Дума, то я бы и до сихъ поръ еще сидѣлъ въ ней! Теперь я знаю, какъ развивались событія, но тогда въ крѣпости я не могъ знать, что происходитъ. Вокругъ меня стояла мрачная тишина, въ которой воркованье голубей мучило мой слухъ и сводило меня съ ума. Даже воздухъ былъ здѣсь неподвиженъ.

Я знаю—было время, когда отдѣльные люди уходили изъ міра и искали одиночества, но посмотрите, какіе чудные уголки отшельники выискали себѣ. Ихъ окружали лѣсъ, горы, вода, небо и земля. Они дышали бурей, дождь омывалъ ихъ, солнце согрѣвало. Они копали коренья, срывали плоды, ловили рыбу, даже

Digitized by Google

разводили огороды и пахали и приручали животныхъ. И при всемъ томъ они не порывали сношеній съ людьми, которые относились къ нимъ очень дружелюбно. Нѣтъ, это не было одиночество. Что это не было одиночествомъ, доказываютъ тѣ огромныя хозяйства, которыя развились впослѣдствіи на этихъ мѣстахъ.

Я знаю—были мечтатели, которые добровольно замуровывали себя въ стѣны, но это было мученичествомъ и навсегда останется памятникомъ человѣческихъ заблужденій.

Мы тоже пріобрѣтали внѣшность религіозныхъ мечтателей. Впослѣдствіи, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія мы тотчасъ же узнавали всякаго, кто прибывалъ изъ крѣпости. У такого человѣка бывала замѣчательная легкая походка, какъ будто онъ не чувствовалъ почвы подъ ногами, землистаго цвѣта лицо носило признаки сильнѣйшаго напряженія, какъ будто онъ къ чему-то внимательно прислушивался. Ушедшіе глубоко въ орбиты глаза были обращены кверху и подернуты мечтательной дымкой...

Послѣ того, какъ меня перевели изъ крѣпости, я въ теченіе пяти ночей не могъ заснуть. Наконецъ, я вынужденъ былъ обратиться къ помощи врача. Хотя голоса птицъ я хорошо еще различалъ, но человѣческую рѣчь я сталъ

Digitized by Google

воспринимать плохо и самъ говорилъ то слишкомъ громко, то слишкомъ тихо. Зрѣніе мое сильно пострадало отъ мелкаго писанья въ полутемной камерѣ и поправилось оно лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Когда я теперь пишу эти строки, при столь отличныхъ отъ прежнихъ обстоятельствахъ, мнѣ жизнь въ крѣпости кажется сномъ. Но развѣ такъ легко провести въ жизни различіе между сномъ и дѣйствительностью? Развѣ не было у меня въ жизни такихъ радостныхъ сновъ, которые я потомъ переживалъ въ дѣйствительности!

Жизнь хороша, надо только брать отъ жизни все. Но для этого необходимо постоянно бороться, ибо жизнь это движеніе, а движеніе для насъ, людей, это борьба!

Digitized by Google

Digitized by Google

Страницы изъ дневника

Отъ 25 мая до 8 іюня 1906 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

Четвергъ 25 мая 1906 года.

13 мая я получилъ письменныя принадлежности—на 26 день моего пребыванія въ Петропавловской крѣпости. Но я не имѣю права излагать собственныя мысли, а могу дѣлать лишь выписки изъ книгъ и переводы. Иначе у меня отнимутъ письменныя принадлежности. Я получилъ тщательно разнумерованную тетрадь, которую у меня вмѣстѣ съ чернилами и перомъ — купленными, кстати сказать, на мой счетъ — отнимаютъ каждый вечеръ и возвращаютъ мнѣ каждое утро. Сквозь глазокъ въ двери за мной тщательно слѣдятъ. Каждый кусочекъ бумаги у меня отнимаютъ, кромѣ клозетной бумаги, которая, однако, пропускаетъ чернила. Однако, какъ вы видите, я писалъ. Гораздо болѣе трудной задачей было сохранять написанное. Но, посмотримъ!

Я хочу создать міръ изъ себя самаго. Мой духъ претворитъ все, что я видѣлъ и узналъ за всю свою жизнь.

Первое, что мнѣ нужно, это работа. За свое право на трудъ я веду борьбу. Этимъ

Digitized by Google

питается уже второе, что мнѣ недостаетъ—борьба, духовное состязаніе. Третье, что мнѣ нужно, это—поэзія. Не книжки стихотвореній, ихъ я могу получить—но поэзія дѣйствительности; поэзія, которая намъ открываетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ закрываетъ жизнь, чтобъ сдѣлать ее цѣннѣе для насъ; поэзія, рождающая тоску, очарованіе и самообманъ; поэзія, прикрывающая все романтическимъ покровомъ, какъ лунный свѣтъ предметы. Вѣдь сѣрыя стѣны моей полутемной камеры такъ трезвенны!

Когда я это писалъ, у двери моей раздался стукъ, и жандармы просунули сквозь форточку оловянную тарелку съ моимъ ужиномъ. Форточка снова захлопнулась, и я слышалъ еще звукъ запираемаго замка. Пища недурна. Сегодняшнее мое блюдо, которое я получаю довольно часто, представляетъ собой смѣсь жаренаго картофеля и трески, смѣшанная и поджаренная въ видѣ каши.

Пусть эти страницы представляютъ собой хронику моихъ настроеній. Въ нихъ я буду заносить свои случайныя впечатлѣнія, ибо главнымъ образомъ я буду заниматься научной и литературной дѣятельностью. Этимъ объясняется пестрота этихъ замѣтокъ. Я и ихъ назначаю для печати. Какъ журналистъ, я

Digitized by Google

иначе не могу поступить. Я пишу не для себя. но наблюдаю себя, какъ дѣйствующее лицо. Такъ поступаетъ каждый человѣкъ, но журналистъ наноситъ это еще на бумагу. Мы поступаемъ еще иначе. Дѣйствуя, мы копируемъ свои дѣйствія.

Суббота, 27 мая 1906 г.

Сегодня—баня. Баня полагается дважды въ мѣсяцъ. Конечно, русская баня. Это привело меня въ особое настроеніе.

Я часто предаюсь мечтамъ. Я при этомъ шагаю вдоль и поперекъ по своей камерѣ. А сегодня рано утромъ я мечталъ объ Италіи. Я спускался въ своихъ мечтахъ съ Санъ-Готтарда. Пѣняшаяся Тессина протекала мимо меня по своему узкому руслу. Острыя скалы, какъ бы подъ тяжестью огромныхъ горныхъ массъ, лежащихъ за ними, нависли надъ веселой рѣкой и, казалось, вотъ вотъ загромоздятъ ей путь. Но рѣка, пѣнясь и бурля, продолжаетъ свой путь и то исчезаетъ въ глубинѣ, то появляется вдали, блестя какъ серебряная чешуя. Я сижу на своемъ велосипедѣ и быстро качу по крутымъ извилинамъ горныхъ дорогъ. Склоны горъ зеленѣютъ, и ихъ зелень стано-

Digitized by Google

вится все душистѣе. Надъ долиной изливается масса свѣта. Я проѣзжаю мимо селъ и городковъ съ бѣлыми домами и узкими переулками.

Беллинцона! Торговый городъ. Ломовыя телѣги, изъѣзженныя улицы, запахъ масла и грязь... И снова раннее утро. Я проѣзжаю мимо садовъ и виллъ, а слѣва отъ меня лежитъ восхитительное Лагго Маджіоре. Зеленѣющія горы, зеленѣющіе острова, тутъ и тамъ бѣлые дома, остроугольныя церковныя башни и окна, блистающія въ золотѣ восходящаго солнца. А вокругъ острововъ, между горами лежитъ озеро, которое выглядитъ, какъ опрокинутое небо... Вечерняя тишь. Сдавленное горными массивами лежитъ озеро Комо. Темныя тѣни падаютъ на воду, которая тихо плещетъ и бурлитъ... Съ шумомъ открывается дверь, и два моихъ жандарма смотрятъ на меня съ вытаращенными глазами, такъ какъ я стою передъ ними съ видомъ, свидѣтельствующимъ, что мысли мои не здѣсь. Я беру свой узелокъ и слѣдую за ними, а мысли мои все еще не здѣсь. Я прохожу черезъ кладовую, въ которой лежатъ дрова, затѣмъ какую-то дыру, въ которой сидятъ нѣсколько жандармовъ, и оказываюсь въ раздѣвальной. Передо мной выростаютъ два жандарма, которые пожираютъ меня глазами въ то время, какъ я раздѣваюсь.

Digitized by Google

Ни одно мое движеніе не должно ускользнуть отъ нихъ. Я вхожу въ умывальную, гдѣ все сѣро отъ пара. И здѣсь два жандарма, но конечно уже не въ формѣ. Двѣ пары полицейскихъ глазъ слѣдуютъ за мной всюду. Сѣрый сырой воздухъ, мокрыя, грязныя, почти черныя отъ копоти стѣны и жандармы на полу—вызываютъ во мнѣ чуть ли не чувство физическаго отвращенія.

Что такое представляетъ собой паровая баня—это можно узнать въ настоящее время въ каждомъ большомъ городѣ Западной Европы, которая къ концу девятнадцатаго столѣтія начала смывать тщательно накоплявшуюся со временъ среднихъ вѣковъ грязь. Но, разумѣется, русская паровая баня представляетъ нѣчто особенное. Вся суть заключается въ способѣ полученія пара. Въ деревняхъ паръ получается слѣдующимъ образомъ: на раскаленный камень льютъ воду, которая быстро превращается въ паръ. Здѣсь въ Петропавловской крѣпости вмѣсто камня употребляется желѣзная рѣшетка, которая находится въ огромной печи. Человѣкъ ложится на скамью на разстояніи приблизительно одной трети отъ потолка. Въ печь вливается ушатъ воды. Моментально поднимается кверху огромный столбъ пара, который распространяется по потолку и

Digitized by Google

начинаетъ спускаться на скамью. Получается ощущеніе, какъ будто бы все тѣло колютъ иголками. Становится страшно жарко. Дышешь горячимъ воздухомъ... Когда все это продѣлаешь, можно понять, каково приходится франкфуртской сосискѣ, когда она попадаетъ въ кастрюлю.

Суббота, 27 мая 1906 года.

Я читаю похожденія благороднаго рыцаря Дон-Кихота Ламанчскаго. Эта книга также была написана въ тюрьмѣ. Какъ я завидую Сервантесу! Онъ имѣлъ достаточно бумаги, чтобъ написать толстую книгу, и не долженъ былъ ее прятать. А я долженъ дрожать надъ каждымъ лоскуткомъ бумаги и упражняться въ мелкомъ письмѣ до боли въ глазахъ.

Суббота, 3 іюня 1906 года.

Эврика! Я нашелъ средство доставать писчую бумагу. Я теперь могу ее имѣть въ какомъ угодно количествѣ и даже самыхъ различныхъ сортовъ, вплоть до самой тонкой заграничной почтовой бумаги. Къ тому же я могу различнымъ образомъ окрашивать свою бумагу, и сейчасъ, напримѣръ, я пишу на шелковой бумагѣ нѣжно-золотого цвѣта. Это поразительно

Digitized by Google

простая штука, но въ границахъ моего міра это открытіе явилось началомъ новой эпохи. Моей духовной производительности оно дало не меньшій толчекъ, чѣмъ дѣйствительное изобрѣтеніе бумаги—развитію культуры.

Но при всемъ томъ мнѣ приходится преодолѣвать еще величайшія трудности. Во-первыхъ: писать, не будучи замѣченнымъ. Во-вторыхъ: прятать и сохранять написанное. Въ-третьихъ: какъ устроить, чтобъ при оставленіи крѣпости у меня не отобрали моихъ рукописей? По правиламъ крѣпости, заключенному при его освобожденіи не выдаются даже принадлежащія ему книги. А такъ какъ я ношу тюремную одежду, то при оставленіи крѣпости мнѣ придется переодѣваться въ моей камерѣ въ присутствіи двухъ жандармовъ, какъ и при поступленіи сюда. Во всякомъ случаѣ я заранѣе рѣшилъ преодолѣть всѣ препятствія, и я думаю, что это мнѣ удастся. Ну, а если нѣтъ? Что тогда? Въ теченіе мѣсяцевъ я излагалъ на бумагѣ свои интимнѣйшія чувства и ощущенія, прошелъ черезъ цѣлый рядъ хитростей и спасъ свою рукопись отъ тысячи случайностей, а тутъ, въ послѣдній моментъ, когда черезъ минуту исчезнетъ всякая опасность, какая-нибудь волосатая лапа ляжетъ на мои плечи и со словами: „позвольте, я Васъ обышу“ заберетъ съ усмѣшкой мою рукопись...

Digitized by Google

Нѣтъ, я скорѣе пойду на смерть, чѣмъ отдамъ имъ свою рукопись.

Въ то же время я буду продолжать свою борьбу за признаніе моихъ правъ на литературную дѣятельность. Если мнѣ ее разрѣшатъ, я не боюсь за судьбу своихъ рукописей. Ибо все это чистѣйшій произволъ, противорѣчащій праву и законности.

* * *

Идетъ дождь. У меня созерцательное настроеніе, но я отнюдь не веселъ. Я долженъ думать о томъ, что на волѣ кипитъ дѣятельность. Навѣрное опять выходитъ рабочая газета. Въ какія формы вылилась дѣятельность соціалистовъ въ Государственной Думѣ? Удалось ли создать единую фракцію? Каково поведеніе правительства и что произошло въ области аграрнаго вопроса? Борьба кипитъ во-всю, борьба внутри партіи и борьба съ внѣшними врагами, а я лежу тутъ, какъ отрѣзанный ломоть. Да, не весело мнѣ.

Если бы я только зналъ, когда это кончится! Все равно, какъ бы это долго ни продолжалось, лишь бы имѣло опредѣленный конецъ, опредѣленную цѣль. Но, увы, этого то я и не знаю.

Digitized by Google

4 іюня 1906 г.

Каждое утро, послѣ того какъ я позвоню, я получаю свое полотенце. Ровно въ восемь часовъ мнѣ подаютъ завтракъ. Вмѣсто одного фунта чернаго хлѣба, который полагается къ завтраку, я получаю двѣ булочки. Правда, это мнѣ стоитъ ежедневно три копейки, зато много выигрываетъ отъ этого мой желудокъ. Сегодня въ семь часовъ утра, когда я попросилъ свое полотенце, жандармъ подалъ мнѣ два куска чернаго хлѣба. Я подумалъ, что это ошибка, и заявилъ: „я получаю булки". Жандармъ хотѣлъ, повидимому, что-то отвѣтить, однако, взялъ молча хлѣбъ обратно. Пробило восемь, четверть девятаго—я все еще не получилъ булокъ. Это меня очень удивило, такъ какъ въ крѣпости царила поразительная аккуратность. Часы на башнѣ пробили три четверти девятаго, когда форточка моя открылась, и мнѣ подали чай, но опять таки безъ булокъ. Булокъ еще нѣтъ— сказали мнѣ. Это небольшое нарушеніе обычнаго порядка навело меня на странныя мысли. Я сталъ разсуждать слѣдующимъ образомъ. Въ крѣпости навѣрное имѣется своя большая пекарня. Но такъ какъ гарнизонъ употребляетъ только черный хлѣбъ, то булки покупаются, вѣроятно, въ какой-нибудь частной булочной.

Digitized by Google

Конечно, это такъ, ибо вѣдь мы получаемъ булки рано утромъ, а изъ-за нѣсколькихъ дюжинъ булокъ было бы нелѣпо работать ночью въ пекарнѣ. Частная же булочная не оставила бы своихъ кліентовъ безъ булокъ, она нашла бы уже какой-нибудь исходъ. Единственное, что остается предположить—это, то, что въ булочныхъ *спачка*. Но сначала я долженъ убѣдиться въ томъ, что я дѣйствительно не получу булокъ. Въ половинѣ десятаго мнѣ подали булки и о радость!—онѣ оказались вчерашними.

Итакъ, ночью въ пекарняхъ и булочныхъ не работали! Поэтому уже въ семь часовъ было извѣстно, что сегодня не будетъ свѣжихъ булокъ, и мнѣ дали черный хлѣбъ...

Въ то время, какъ я это записывалъ, раздался вдругъ рѣзкій крикъ. Сначала я не могъ разобраться въ немъ. Казалось, что онъ пришелъ извнѣ. Это былъ ясный всхлипывающій женскій голосъ. Тогда мнѣ пришла въ голову мысль: это кто-нибудь изъ нашихъ товарищей. Я подбѣжалъ къ двери и позвонилъ. Въ то же время стали звонить со всѣхъ сторонъ. Мы изо всѣхъ силъ стали стучать въ двери. Тогда открылась форточка въ моей двери. Я увидѣлъ разстроенныя лица жандармовъ. „Что тутъ происходитъ?“—спросилъ я.—„Она плачетъ“,—получилъ я въ отвѣтъ.—„Кто?“ — „Здѣсь, че-

Digitized by Google

резъ три камеры отъ Васъ".—„Почему она плачетъ?"—„Повидимому, затосковала". Чтобы вывѣдать, кто это, я спросилъ еще: „Молода она?"—„Не совсѣмъ". Послѣ этого форточка захлопнулась. Я приложилъ свое ухо къ глазку въ двери, черезъ которое за нами обыкновенно наблюдали, и сталъ напряженно прислушиваться. Это было истерическое всхлипываніе. Одинъ разъ мнѣ какъ будто послышались слова: „Я не пойду гулять". Тутъ я вспомнилъ, что дѣйствительно № 52—это былъ номеръ черезъ три отъ моего—никогда не гуляетъ. Я все прислушивался. Чѣмъ бы ни былъ вызванъ этотъ истерическій припадокъ—вопросъ заключался теперь въ томъ, дадутъ ли успокоиться или же ее еще накажутъ и посадятъ въ карцеръ или подвергнутъ какимъ-нибудь другимъ репрессіямъ. Еще долго слышалъ я ея всхлипыванія. То она нѣсколько затихала, то снова принималась плакать; наконецъ, плачъ сталъ дѣлаться все тише и тише, и, казалось, что она постепенно успокаивается. Долго еще казалось мнѣ, что я слышу ея голосъ, но я не увѣренъ было ли это въ дѣйствительности, ибо я убѣдился потомъ, что чувства меня обманывали, и что каждый свистокъ наружи, воркованіе голубей казались мнѣ голосомъ плачущей женщины.

Итакъ, среди заключенныхъ въ крѣпости

Digitized by Google

имѣются и женщины. Кто ты, больной товарищъ? Какъ давно сидишь ты тутъ? Теплится ли еще надежда для тебя вдали? Или для тебя все уже кончено, и сердце твое сжимается отъ тоски при мысли о долгихъ сѣрыхъ годахъ, которые предстоитъ тебѣ провести тутъ? Но, быть можетъ, и не это причина твоихъ слезъ, быть можетъ, это просто тебя охватила тоска по людямъ и дѣятельности, и ты не могла удержать крика наболѣвшаго сердца?—Но нѣтъ отвѣта. Опять все тихо.....

Вернемся снова къ моимъ прежнимъ соображеніямъ, другими словами, къ тѣмъ мыльнымъ пузырямъ субъективной логики, которые я тщательно создавалъ, чтобы добраться на нихъ къ небу моихъ надеждъ. Итакъ, крѣпостная администрація знала, что въ булочной, которая обыкновенно поставляетъ ей булки, ей не достать сегодня булокъ. Она постаралась поэтому достать ихъ въ другомъ мѣстѣ, но при всѣхъ своихъ стараніяхъ могла достать только вчерашнія. Это можетъ свидѣтельствовать о томъ, что стачка булочниковъ болѣе или менѣе всеобщая. Но въ такомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что при нынѣшнихъ русскихъ условіяхъ это не простая стачка булочниковъ, а всеобщая политическая стачка, начавшаяся забастовкой пекарей и булочниковъ. Теперь пой-

Digitized by Google

демъ дальше. Вчера была суббота, то есть расчетный день и притомъ первый расчетный день по окончаніи мѣсяца. Все это представляетъ удачный моментъ для того, чтобы начать массовую стачку. Такъ говоритъ моя логика. Теперь посмотримъ, что будетъ завтра. Прежде всего—въ шесть и въ семь часовъ утра—я слышу фабричные гудки. Итакъ, посмотримъ, раздадутся ли завтра гудки. А затѣмъ я посмотрю, получу ли я завтра свѣжія булки.

Я снова спросилъ жандармовъ о больной. „Слава Богу, она успокоилась",—отвѣтили они. Я спросилъ, давно ли она тутъ. „Этого мы не имѣемъ права сказать",—отвѣтилъ одинъ; другой же сказалъ „давно". Я спросилъ „сколько мѣсяцевъ?"—но на этотъ вопросъ я не получилъ никакого отвѣта. „Будьте же человѣчными"—сказалъ я—„вѣдь это, быть можетъ, моя знакомая". Я узналъ только еще, что у нея былъ врачъ и что она дѣйствительно успокоилась.

5 іюня 1906 г.

Я услыхалъ фабричные гудки—въ пять, въ шесть, въ семь часовъ,—казалось, имъ не будетъ конца. Но свой завтракъ я получилъ только въ половину девятаго, и булки были очень черствы—было ясно, что онѣ отъ треть-

Digitized by Google

яго дня. Есть стачка или нѣтъ? То обстоятельство, что фабричные гудки раздавались въ обычное время, ни о чемъ еще не свидѣтельствуетъ. Конечно, если бы этихъ гудковъ не раздавалось, то было бы ясно, что забастовка началась. Но и во время стачки на фабрикѣ остаются обыкновенно конторскіе служащіе и мастера. Паръ навѣрное не былъ выпущенъ изъ котловъ, такъ какъ иначе нельзя было бы сейчасъ же приступить къ работамъ по окончаніи стачки. Такимъ образомъ оставшіеся на фабрикѣ подаютъ свистки, потому что такъ уже принято и въ надеждѣ, что, быть можетъ, рабочіе все же приступятъ къ работамъ.

Вотъ снова раздались свистки и гудки, хотя сейчасъ не время для нихъ. Протяжные звуки, теряющіеся въ безконечности. Это фабрика вздыхаетъ по своимъ рабочимъ. Желѣзныя машины требуютъ человѣческаго матеріала, такъ какъ онѣ перерабатываютъ человѣческіе нервы въ матерію или какое-нибудь другое вещество.

Я спросилъ своихъ церберовъ — впрочемъ со вчерашняго дня они нѣсколько доступнѣе: состраданіе облагораживаетъ,—почему мнѣ уже второй день не даютъ свѣжихъ булокъ. „Неужели?“—отвѣтили они, какъ будто ничего не знали. „Вѣдь булки не пекутъ здѣсь, ихъ до-

Digitized by Google

ставляютъ изъ города?"—продолжалъ я спрашивать.—„Да, каждое утро ихъ приносятъ". „Значитъ, пекаря бастуютъ?"—„Мы ничего не знаемъ"...

Фабрики гудятъ сегодня весь день. Это приводитъ меня въ смущеніе. Вѣдь по воскресеньямъ, когда работы дѣйствительно не производятся, фабрики безмолвствуютъ. Завтрашній день покажетъ мнѣ все. Если я и завтра не получу свѣжихъ булокъ, то ясно, что пекаря бастуютъ.

Сегодня я снова услышалъ нашу больную. Она снова плакала, но этотъ разъ припадокъ быстро кончился. Она сидитъ не въ номерѣ 52, а 54. У нея черные волосы. Я полагаю, что это секретарша Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, которая была арестована вмѣстѣ съ другими депутатами 3 декабря. Она была очень аккуратна и внимательна, и лицо у нея было веселое и жизнерадостное. Надо было самому присутствовать на этихъ переполненныхъ возбужденныхъ собраніяхъ, которыя часто продолжались до 3 часовъ утра, чтобы понять, какая духовная эластичность и самообладаніе требовались для того, чтобы слѣдить за ними и заносить въ протоколъ все происходившее на нихъ. Неужели это дѣйствительно она?

Сегодня я получилъ бумагу изъ Департамента Полиціи. Въ ней говорилось, что моя

Digitized by Google

просьба о разрѣшеніи мнѣ совѣщанія съ моимъ издателемъ признана не подлежащей удовлетворенію, такъ какъ я имѣю возможность вести переговоры съ издателемъ письменнымъ путемъ. Заслуживаетъ вниманія, что отвѣтъ не былъ направленъ лично ко мнѣ, но на имя его высокопревосходительства коменданта крѣпости, который могъ бы передать его мнѣ. Итакъ я не больше какъ плѣнникъ коменданта. Не надо забывать, что я былъ только подслѣдственный заключенный, а не присужденный къ каторгѣ преступникъ.

Что касается отвѣта изъ Департамента Полиціи, то онъ заключаетъ въ себѣ гораздо больше, чѣмъ можно предположить по его простому содержанію. Мое прошеніе было подано въ первыхъ числахъ мая. Согласно контракту я долженъ былъ передать издателю рукопись 15 мая. Слѣдовательно, моя просьба была спѣшной. Кромѣ того, такъ какъ рѣчь шла объ изданіи полнаго собранія моихъ сочиненій, то договоръ налагалъ весьма важныя и разнообразныя обязанности на обѣ стороны. Все это съ изложеніемъ всѣхъ подробностей я сообщилъ Департаменту Полиціи. Но послѣдній нисколько не торопился. Теперь я знаю навѣрное, что изъ всѣхъ моихъ многочисленныхъ писемъ —дѣловыхъ и частныхъ—Департаментъ Поли-

Digitized by Google

ціи не отправилъ по назначенію *ни одного*. И на всѣ мои прошенія онъ не отвѣчалъ въ теченіе полутора мѣсяца. У меня получалось впечатлѣніе, что голосъ мой является голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Теперь же вдругъ получилъ отвѣтъ, который кромѣ отказа въ свиданіяхъ заключалъ еще въ себѣ согласіе передавать мои письма издателю. Что это должно означать? Наблюденія мнѣ уже показали, что Департаментъ Полиціи начинаетъ шевелиться только тогда, когда настроеніе извнѣ становится болѣе благопріятнымъ для насъ. Первое письмо моей пріятельницы мнѣ было доставлено 25-го апрѣля, 27-го же было открытіе Государственной Думы, и всѣ ожидали тогда амнистіи. Затѣмъ, когда я уже потерялъ всякую надежду на сношенія съ внѣшнимъ міромъ, мнѣ 14 мая снова доставили письмо, изъ котораго я узналъ, что мнѣ было отправлено множество писемъ и что 14 мая ожидаютъ нашего освобожденія. Конечно, изъ послѣдняго опять ничего не вышло. А теперь Департаментъ Полиціи опять отозвался. Что происходитъ на волѣ? Пусть бы они мнѣ выдали хоть бы одно письмо моей пріятельницы—это одно уже было бы пріятнымъ сюрпризомъ.

Digitized by Google

6 іюня 1906 года.

Въ Петербургѣ забастовка! Булки были сегодня какъ изъ жженной извести. Но если здѣсь не хватаетъ булокъ, то въ городѣ нѣтъ хлѣба. Итакъ это политическая массовая забастовка. Но почему же не стихаютъ фабрики? Или должно пройти еще время, чтобы забастовка распространилась?..

7 іюня 1906 года.

Сегодня булки были такія же какъ вчера. Но фабрики все еще не хотятъ умолкнуть. Не знаю, что и думать.

8 іюня 1906 года.

Въ Петербургѣ забастовка! Сегодня утромъ —нѣтъ булокъ. Я сталъ требовать объясненія, почему ихъ нѣтъ. Булочникъ—заявили мнѣ— не принесъ ихъ. „Значитъ, пекаря бастуютъ?“ Въ отвѣтъ на это—пожиманіе плечами и слова: „ничего особеннаго не происходитъ“. Въ десять часовъ меня спросили, не желаю ли я получить бѣлый хлѣбъ, ибо булокъ не будетъ. Я отвѣтилъ утвердительно и получилъ бѣлый хлѣбъ еще теплый. „Этотъ хлѣбъ пекутъ здѣсь?“ —высказалъ я предположеніе. „Нѣтъ

Digitized by Google

здѣсь пекутъ только черный хлѣбъ; бѣлый же приноситъ булочникъ". Отсюда слѣдуетъ: чтобы удовлетворить насущную нужду крѣпости, булочникъ, вѣроятно, самъ или же съ помощью нѣсколькихъ штрейкбрехеровъ испекъ немного бѣлаго хлѣба; булки же онъ не могъ приготовить, такъ какъ рабочіе его бастуютъ. Я попросилъ къ себѣ смотрителя. Я уже давно составилъ себѣ списокъ желаній. Въ разговорѣ съ смотрителемъ я, между прочимъ, спросилъ, почему мнѣ не даютъ больше булокъ. „Булочникъ не доставляетъ ихъ"—былъ отвѣтъ.— „Значитъ—пекаря бастуютъ?"—Въ отвѣтъ—краснорѣчивое молчаніе.

Если бы это было не такъ, почему бы ему не отвѣтить мнѣ? Значитъ—есть забастовка. Но въ то же время фабричные гудки раздаются ежечасно. Очевидно, происходятъ колебанія: то работаютъ, то работу бросаютъ.

Сегодня я отправилъ въ Департаментъ Полиціи слѣдующее заявленіе: „Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько отклоненіе моей просьбы о разрѣшеніи мнѣ дѣлового свиданія съ моимъ издателемъ Г. вызывалось интересами возбужденнаго противъ меня судебнаго дѣла, и пользуясь указаннымъ мнѣ Департаментомъ Полиціи путемъ, я обращаюсь къ нему письменно. При этомъ заявленіи препровождаю

Digitized by Google

письмо къ Г. Но такъ какъ Департаментъ Полиціи не передалъ по назначенію ни одного изъ моихъ писемъ, которыя согласно статьи 232 Положенія о лицахъ, находящихся подъ стражей, касались исключительно меня и моего имущества, то я обращаю вниманіе Департамента Полиціи на это обстоятельство. Кромѣ того я напоминаю свою просьбу о выдачѣ издателю Г. принадлежащихъ ему переводовъ моихъ брошюръ".

Дѣло въ томъ, что переводы эти были мнѣ доставлены издателемъ для просмотра какъ разъ наканунѣ моего ареста. При обыскѣ полиція забрала ихъ, а прокуроръ оставилъ ихъ при дѣлѣ, хотя они не имѣли никакого отношенія къ моему процессу, были переведены не мною и составляли собственность непричастнаго къ дѣлу третьяго лица, а именно издателя. И кромѣ того они не заключали въ себѣ ничего противозаконнаго.

8 іюля была сдѣлана мной послѣдняя запись въ дневникѣ. Но изъ крѣпости меня перевели только 10 іюля. День девятаго іюля я провелъ въ скверномъ настроеніи. Что происходитъ забастовка—это не подлежало сомнѣнію, и все-таки фабричные гудки раздавались по прежнему. Была ли это частичная забастовка, или же забастовка не удалась? Я заставлялъ себя

Digitized by Google

не прислушиваться къ звукамъ, какъ я это дѣлалъ 27 апрѣля, чтобы не довести себя до галлюцинаціи. Соотвѣтственно моему настроенію были печальны и мои мысли. Ищущій истины думалъ я—подобенъ рыбаку или охотнику: онъ долженъ закидывать сѣти, чтобы поймать ее, долженъ подстерегать ее въ кустахъ съ ружьемъ въ рукѣ, долженъ слѣдовать за ней черезъ лѣса и горы, и какъ только она покажется, долженъ схватить ее, иначе она убѣжитъ".

Писать не было у меня никакой охоты. Не привлекали меня также и книги. Большую часть дня я провелъ въ томъ, что медленно шагалъ кругомъ своей камеры.

10-го іюля—такое же настроеніе. Отъ больной ко мнѣ не доносилось ничего. Все было тихо и спокойно.

Но когда я послѣ обѣда сидѣлъ за своимъ столомъ и весь ушелъ въ какое то занятіе, захватившее все мое вниманіе, дверь открылась незамѣтно для меня, и въ моей камерѣ появился офицеръ, который сталъ смотрѣть на меня съ большимъ удивленіемъ.

„Вотъ—сказалъ я возможно безпечнѣе—я приготовляю для себя линейку".

„Этого нельзя"—сказалъ офицеръ, но быстро перемѣнилъ тонъ и заявилъ: „впрочемъ я

Digitized by Google

пришелъ объявить Вамъ, что Вы переводитесь въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Ваши вещи Вы сейчасъ получите".

Что это означало? Это не была свобода, но это была большая перемѣна къ лучшему. Что произошло? Произошла ли политическая забастовка? Что ожидаетъ меня на улицѣ? Что мнѣ предстоитъ? Не встрѣчусь ли я сейчасъ же съ Троцкимъ и другими? Всѣ эти мысли быстро промелькнули у меня въ головѣ. Но прежде всего я долженъ спрятать свои рукописи—теперь наступилъ рѣшительный моментъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ принесли мой чемоданъ и платье. Я переодѣлся и сдѣлался „частнымъ лицомъ", какъ и всѣ на улицѣ. Я уложилъ свои вещи. При этомъ мнѣ удалось спрятать свои рукописи согласно заранѣе выработанному плану. Мнѣ удалось вынести болѣе 100.000 буквъ.

Во время всей этой процедуры жандармы стояли возлѣ и зѣвали. Старшій жандармъ, лишь только вошелъ въ камеру, сейчасъ же бросился къ моей тетради, чтобы забрать ее. Многаго въ ней не было, но все же тамъ были: выписки изъ книгъ, указатели литературы и еще кое-что. Но прежде всего я изъ принципа не хотѣлъ допускать, чтобы тетрадь погибла.

Digitized by Google

„Обратите вниманіе—объяснилъ я жандарму,—что тетрадь вмѣстѣ со всѣмъ въ ней написаннымъ составляетъ мою частную собственность. Я знаю, вы получили приказъ отъ коменданта забрать у меня тетрадь и должны этотъ приказъ выполнить. Но я обращаю ваше вниманіе, что возбуждаю противъ коменданта судебное дѣло. Смотрите же, чтобы тетрадь моя не пропала. Запомните это хорошенько и передайте коменданту, чтобы онъ не уничтожилъ тетради, прежде чѣмъ судъ не постановитъ своего рѣшенія по этому дѣлу".

Замѣчу здѣсь, что позже, когда я находился въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, я обратился къ коменданту съ требованіемъ вернуть мнѣ мою тетрадь, угрожая при этомъ судомъ. Отъ коменданта я получилъ отвѣтъ, что „тетрадь мнѣ будетъ скоро возвращена". И дѣйствительно черезъ нѣсколько дней я получилъ ее.

Снова шелъ я по знакомымъ мнѣ корридорамъ. Внизу я снова засталъ группу солдатъ. Но они показались мнѣ меньше, а лица—добродушнѣе. Они посмотрѣли на меня съ удивленіемъ и состраданіемъ. Это уже не были гвардейцы, но простые пѣхотинцы.

Изъ друзей своихъ я не встрѣтилъ никого. Троцкій былъ переведенъ въ Домъ Предвари-

Digitized by Google

тельнаго Заключенія за нѣсколько дней до этого, а Дейчъ—наканунѣ. Точно такъ же былъ переведенъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія и Хрусталевъ, знаменитый предсѣдатель перваго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Это происходило такъ тихо и молчаливо, что никто ничего не зналъ о другомъ, и я тоже никогда бы объ этомъ не узналъ, если бы остался въ крѣпости.

Я сѣлъ въ знакомую уже мнѣ карету и поѣхалъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Сопровождалъ меня жандармскій офицеръ и два простыхъ жандарма.

День былъ солнечный. Кругомъ кипѣла жизнь. Когда я послѣдній разъ видѣлъ Неву, она была еще окутана ледянымъ покровомъ, по которому длинными рядами тянулись телѣги. А теперь она величественно катила свои волны, по которымъ съ шумомъ и свистомъ бѣгали пароходики по всѣмъ направленіямъ. Я вглядывался въ лица прохожихъ, но не находилъ въ нихъ выраженія того приподнятаго духа, какое они носили въ октябрѣ. Это были обыкновенные дѣловые люди, чиновники, гуляющіе. Видъ улицы ясно свидѣтельствовалъ, что въ данный моментъ, по крайней мѣрѣ, жизнь идетъ обыкновеннымъ темпомъ.

Позже я узналъ, что въ тѣ дни не происходило никакой политической забастовки, но

Digitized by Google

была всеобщая стачка булочниковъ и пекарей, которая продолжалась еще, когда я оставилъ крѣпость, и которая кончилась большой побѣдой рабочихъ.

Жизнь ошеломила меня и все еще оставалась мнѣ чуждой. Я думаю, что если бы какой-нибудь житель Марса спустился на нашу планету, то онъ приблизительно такъ же оглядывалъ бы жизнь вокругъ себя.

На слѣдующее утро, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, я взобрался на окно и посмотрѣлъ внизъ на дворъ. Въ толпѣ „политическихъ"—на дворѣ совершалась общая прогулка—я тотчасъ же узналъ своего пріятеля Дейча.

А, старый бунтовщикъ Дейчъ!—изо всѣхъ силъ крикнулъ я изъ окна.

Онъ повернулъ кверху свою голову съ очками на носу и могучей бородой, увидалъ меня и поздоровался со мной.

Такъ кончилось мое великое одиночество!

Digitized by Google

Digitized by Google

Мой побѣгъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Мысль о бѣгствѣ зародилась у меня съ перваго же момента моего ареста и не оставляла меня во все время заключенія. Но пока у меня были основанія думать—или, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что у меня есть такія основанія,—что я и такъ буду скоро свободенъ, я, само собою разумѣется, считалъ нелѣпымъ подвергать себя опасностямъ бѣгства. Находясь въ „Крестахъ", я создавалъ себѣ разные планы бѣгства, не продумывая ихъ основательно. Петропавловская крѣпость со своими многочисленными оградами изъ толстыхъ стѣнъ, своимъ толстымъ желѣзомъ и вооруженными людьми, положила на нѣкоторое время конецъ моимъ мечтамъ.

Бѣжать изъ крѣпости казалось немыслимымъ. И все же по мѣрѣ того, какъ я привыкалъ къ обстановкѣ, осматривался кругомъ и знакомился съ условіями, фантазія моя и здѣсь начала свою игру, и невозможное облекалось въ осуществимыя формы. По крайней мѣрѣ, при моемъ тогдашнемъ состояніи духа

Digitized by Google

мнѣ казалось, что плоды моего воображенія могутъ превратиться въ дѣйствительность. Но я еще сохранилъ настолько благоразуміе, чтобы понять, что пока процессъ еще не начался—послѣдній былъ для меня важенъ не только съ точки зрѣнія возможнаго приговора, но и потому, что онъ вывелъ бы меня изъ моего герметическаго заключенія и далъ бы мнѣ возможность познакомиться съ политическимъ положеніемъ,—было бы нецѣлесообразно подвергать себя такому риску. Но можно было ожидать, что процесса совсѣмъ не будетъ, а между тѣмъ меня будутъ держать въ крѣпости. Вотъ почему я твердо рѣшилъ сдѣлать осенью попытку къ бѣгству.

Однажды мнѣ даже стоило большихъ усилій, чтобы удержаться отъ такой попытки. Это было въ дождливый день, я находился на прогулкѣ. Чтобы не потерять 20 минутъ движенія на свѣжемъ воздухѣ, я охотно отдавалъ себя подъ дѣйствіе дождя. Какъ и всегда, для наблюденія за мной находились два жандарма: одинъ стоялъ у двери, ведущей во дворъ, а другой—посреди двора. На этотъ разъ одинъ изъ жандармовъ—произошло ли это отъ дѣйствія дождливой погоды или это было слѣдствіемъ слишкомъ обильной выпивки — задремалъ. Дождь пошелъ сильнѣе. Вслѣдствіе этого

Digitized by Google

второй жандармъ сталъ подъ навѣсъ, находившійся на другомъ концѣ двора, за баней. Съ этого пункта онъ могъ видѣть весь дворъ, кромѣ одного мѣста, пройти которое можно было въ нѣсколько секундъ. Слѣдовательно, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ я находился внѣ надзора. Какъ молнія промелькнула у меня мысль: можно было бы рискнуть! Но какъ? По стѣнамъ спускались въ различныхъ мѣстахъ сточныя трубы; такая же труба находилась и въ томъ мѣстѣ, которое оставалось скрытымъ отъ глазъ жандарма. Какъ и все въ крѣпости, эти трубы были сдѣланы изъ прочной жести и были прикрѣплены къ стѣнѣ солидными желѣзными клещами. Такимъ образомъ, взобраться на стѣну не стоило никакого труда. Я могъ бы взобраться на крышу, не будучи пойманнымъ жандармомъ, если только онъ не прибѣгнетъ сразу къ помощи револьвера. Но этого я не допускалъ и полагалъ, что, подъ вліяніемъ безсознательнаго импульса, онъ прежде всего бросится за мной, чтобы поймать меня. Ну, а дальше? Если даже допустить, что меня не стащутъ съ крыши, и что я благополучно спущусь внизъ, то вѣдь и тамъ за стѣной— опять крѣпость съ ея казармами, солдатами, жандармами и большой крѣпостной стѣной. При такихъ условіяхъ бѣгство явно немыслимо.

Digitized by Google

Однако, мысль о бѣгствѣ такъ дѣйствовала на меня, что я долженъ былъ собрать всю силу своей воли, чтобы отказаться отъ попытки бѣжать. Я знаю, что то же самое испытывали и другіе товарищи, находившіеся въ такомъ же положеніи. Изъ этого можно заключить, какъ горячо стремленіе къ волѣ у лицъ, долго находящихся подъ арестомъ. Но въ то же время это сильное стремленіе къ свободѣ является первымъ условіемъ успѣха.

Впослѣдствіи, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, группа товарищей составила общій планъ бѣгства. Этотъ планъ былъ уже почти совсѣмъ осуществленъ. Мы пріобрѣли уже инструменты, ключи отъ тюремныхъ воротъ и множество другихъ вещей, какъ вдругъ, благодаря неосторожности одного изъ участниковъ, о подготовленіяхъ къ бѣгству узнала тюремная администрація. Однако, администраціи удалось узнать только, что было намѣреніе устроить побѣгъ, такъ какъ намъ удалось своевременно уничтожить всѣ инструменты и другія доставленныя контрабандой вещи; точно такъ же не узнала администрація и о томъ, кто принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ бѣгству. Такимъ образомъ, я познакомился и со вторымъ условіемъ, необходимымъ для удачнаго исхода. Это — случай, благопріятное стеченіе обстоятельствъ.

Digitized by Google

Какъ въ великихъ міровыхъ дѣлахъ, такъ и въ личной жизни рѣчь идетъ не о томъ, чтобы создать благопріятныя обстоятельства, а о томъ, чтобы использовать какъ слѣдуетъ стеченіе обстоятельствъ, а для этого прежде всего необходима быстрая сообразительность.

Когда намъ стало извѣстно, что насъ ссылаютъ въ Сибирь, мы почти всѣ безъ исключенія рѣшили бѣжать, какъ только представится первый удобный случай. Приготовленія къ этому мы начали уже дѣлать въ Петербургѣ. Когда ворота пересыльной тюрьмы закрылись за нами, и мы вышли на пыльную улицу вмѣстѣ съ 150 уголовно-ссыльными—мужчинами и женщинами — окруженные со всѣхъ сторонъ конвоемъ, я имѣлъ при себѣ, несмотря на многочисленные и тщательные обыски при вступленіи въ тюрьму и оставленіи ея, слѣдующія вещи: 1. пилочки для перепиливанія желѣзныхъ рѣшетокъ, 2. алмазъ для рѣзанія стекла, 3. паспортъ, безъ котораго въ Россіи нельзя провести и двадцати четырехъ часовъ—иначе рискуешь быть арестованнымъ; само собою разумѣется, паспортъ былъ на чужое имя и 4. деньги. Величайшее затрудненіе заключалось въ томъ, чтобы благополучно протащить всѣ эти вещи черезъ многочисленныя другія тюрьмы на пути нашего этапа. Но это удалось!

Digitized by Google

Прошло нѣсколько недѣль. Мы находились въ пути. Ѣхали то сушей, то водой. Иногда мы ночевали или проводили даже нѣсколько дней въ этапныхъ тюрьмахъ. Вездѣ и всюду въ теченіе всего пути мы постоянно находились настороже, поджидая удобнаго случая для бѣгства. Я не стану останавливаться здѣсь на тѣхъ смѣнахъ настроеній, которымъ мы были подвержены, на противорѣчіяхъ между мечтами, казавшимися намъ дѣйствительностью, и дѣйствительностью, разрушавшей эти мечты. Я разскажу здѣсь только объ одномъ случаѣ, при которомъ я чуть-чуть не оказался на волѣ.

Это было въ Красноярскѣ. Мы оставили тюрьму и должны были сѣсть на пароходъ, чтобы оттуда отправиться дальше по Енисею. Съ обычнымъ военнымъ конвоемъ прибыли мы на пароходъ. Солдаты стали шпалерами и предоставили намъ раньше вступить на пароходъ. На пароходѣ мы сначала пришли на заднюю часть его, гдѣ для ссыльныхъ было отдѣлено нѣсколько мѣстъ. Придя на отведенное для ссыльныхъ мѣсто, я замѣтилъ, что дверь, ведущая къ килю парохода, была открыта. Не отдавая себѣ яснаго отчета, зачѣмъ я это дѣлаю, я тотчасъ же вышелъ въ эту дверь. За мной послѣдовали два товарища. Они заго-

Digitized by Google

ворили со мною и спросили, не заварить ли намъ чай. Но въ моей головѣ возникли уже новыя мысли. Стражи не было никакой. Я прошелъ съ киля парохода на бортъ. Такимъ образомъ, я оказался уже въ наружной части парохода. По узкому краю, идущему вдоль парохода, мимо оконъ каютъ, двигался я дальше, прижимаясь къ стѣнѣ, и добрался уже до пароходнаго колеса. Товарищи на пароходѣ, равно какъ и уголовные, были убѣждены, что я убѣгаю. Слѣдовать за мной не могъ никто, такъ какъ у вышеупомянутой двери была уже поставлена стража. Въ общей суматохѣ отъѣзда мое отсутствіе еще не было замѣчено. Я уже самъ думалъ, что дѣло сдѣлано. Мнѣ оставалось только выбраться на берегъ. Между пароходомъ и берегомъ находилась большая барка, служившая для перехода. Чтобы добраться до суши, мнѣ было необходимо перейти на эту барку. Я уже собирался перелѣзть на нее, когда я замѣтилъ, что какъ сама барка, такъ и сходни, которыя вели отъ нея къ берегу, охранялись нѣсколькими военными постами. Пробраться незамѣченнымъ мимо нихъ было невозможно. Не было также никакой возможности забраться на барку незамѣтно для нихъ. Точно также нельзя было оставаться на наружной части парохода на

Digitized by Google

виду у всѣхъ. Вмѣсто того, чтобы ждать пока меня поймаютъ, я предпочелъ вернуться самому. Велико было удивленіе конвойныхъ солдатъ, когда они увидѣли меня снова входящимъ.

— „Какъ попали Вы туда?“ Но я былъ снова тутъ. Товарищи, которые уже радовавались моему побѣгу, снова приняли меня въ свою среду, и мы стали заваривать себѣ чай.

Дорога отъ Красноярска до Енисейска—по Енисею—продолжалась четыре дня. На нашемъ пути по Сибири мы встрѣчали уже раньше политическихъ ссыльныхъ, которые были сосланы въ менѣе отдаленныя мѣста. Здѣсь же мы встрѣчали на каждой остановкѣ парохода партійныхъ товарищей, выходившихъ намъ навстрѣчу и выражавшихъ намъ свое сочувствіе. Сопровождавшій насъ конвой старался всѣми силами помѣшать этимъ встрѣчамъ, но не могъ ничего подѣлать съ нами. Однажды дѣло чуть не дошло до драки. Солдаты схватились уже за оружіе, но въ послѣдній моментъ уступили, въ виду той рѣшительности, которую мы проявили по отношенію къ нимъ. Благодаря встрѣчамъ съ товарищами мы знакомились съ существовавшими тамъ условіями и получали цѣнныя указанія, какъ намъ держаться дальше. Еще когда мы находились въ тюрьмахъ, мы

Digitized by Google

получили адреса, по которымъ можно было заявиться въ случаѣ бѣгства.

Енисейскъ былъ послѣднимъ пунктомъ нашего этапа, на которомъ мы могли пріобрѣсти европейскіе товары. Поэтому пребываніемъ въ Енисейскѣ всѣ партіи ссыльныхъ пользуются для того, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ для проживанія на лишенномъ всякихъ хозяйственныхъ удобствъ сѣверѣ, среди полудикаго населенія. Правительство вынуждено предоставить эту возможность ссыльнымъ, такъ какъ то, чѣмъ снабжаетъ ссыльныхъ само правительство, совершенно недостаточно для того, чтобы можно было встрѣтить полугодовую полярную ночь, погребенные въ снѣгу и отрѣзанные отъ всего цивилизованнаго міра. Изъ казны мы получали слѣдующіе предметы: брюки и рубахи изъ чего-то вродѣ... арестантскую шапку, пару портянокъ, короткій грубый полушубокъ изъ овечьей шерсти и мѣшокъ для упаковки всѣхъ этихъ вещей. Кромѣ теплаго бѣлья намъ приходилось прежде всего покупать кухонную посуду и инструменты: котелъ, тарелки и тому подобныя вещи. Вѣдь намъ предстояла настоящая полярная экспедиція.

Мы должны были сдѣлать покупки, и власти были вынуждены разрѣшить намъ отпра-

Digitized by Google

вить для этой цѣли въ городъ двухъ товарищей изъ нашей среды—конечно съ обычнымъ конвоемъ. Мы поручили это Льву Дейчу и еще одному товарищу. Въ теченіе долгихъ часовъ блуждали они по лавкамъ города въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, все закупили, нагрузили покупками цѣлый возъ, и когда пришло время возвращаться въ тюрьму, оказалось, что Дейча нѣтъ. Онъ исчезъ. Какъ это ему удалось устроить, Дейчъ разсказываетъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Для насъ было достаточно того, что полицейскіе безуспѣшно его искали. Это первое удачное бѣгство изъ нашей среды всѣхъ насъ наполнило бодростью и сильно подняло нашъ духъ.

Вечеромъ того дня, когда такъ удачно бѣжалъ Дейчъ, намъ надо было отправиться въ дальнѣйшій путь. Такъ какъ въ то время года пароходы уже не шли къ сѣверу отъ Енисейска, то дальнѣйшій путь до мѣста нашего назначенія—Туруханска—мы должны были сдѣлать въ лодкахъ. Наша партія политическихъ ссыльныхъ состояла изъ шести человѣкъ—въ томъ числѣ одна женщина. Сопровождать насъ должны были трое конвойныхъ солдатъ и нѣсколько крестьянъ изъ окрестныхъ деревень. Крестьяне должны были служить одновременно и рулевыми. Солдаты были снабжены обыч-

Digitized by Google

нымъ оружіемъ и револьверами, у крестьянъ же были только большія палки. У насъ же не было никакого оружія. Чтобы затруднить соглашеніе между нами и окрестными жителями и вообще помѣшать выработкѣ плана бѣгства, къ намъ присоединили двухъ уголовно-ссыльныхъ, которые также ссылались въ Туруханскъ.

Нашъ планъ бѣгства былъ уже готовъ, когда мы пустились въ путь. Чтобы выполнить этотъ планъ, намъ надо было прежде всего отдѣлаться отъ уголовно-ссыльныхъ. Какъ это сдѣлать—мы не знали. Поэтому пришлось разсчитывать на случай.

И вотъ, когда мы шли еще по городу, мы слышали, какъ крестьяне въ разговорѣ между собой высказывали сомнѣніе, достаточно ли будетъ двухъ лодокъ для столькихъ людей и вещей. Мы тотчасъ же сообразили, что къ этому пункту мы можемъ придраться.

Мы пришли къ рѣкѣ. Передъ нами была гигантская сибирская рѣка, грозно катившая свои волны. Отдѣленныя отъ берега плавучимъ мостикомъ, качались на волнахъ двѣ безпомощныя рыбачьи лодки. Въ эти лодки намъ надо было сѣсть. Мы стали возражать. Мы стали требовать или, по крайней мѣрѣ, одной лодки, или уменьшенія числа пассажировъ. Сопровождавшіе насъ крестьяне поддерживали

Digitized by Google

насъ въ этомъ требованіи, да и конвойнымъ оно было по душѣ. Ибо переполненіе лодокъ грозило опасностью одинаково всѣмъ намъ. Чѣмъ болѣе нагружались лодки, тѣмъ очевиднѣе становилось это. Еще до того, какъ мы вошли въ нихъ, лодки сидѣли въ водѣ почти до краевъ. Пока рѣка была спокойна, быть можетъ, можно было бы еще рискнуть на такое переполненіе лодки, но при малѣйшей бурѣ лодки должны были бы погибнуть со всѣмъ содержимымъ и людьми. А этимъ сибирскимъ рѣкамъ знакомы бури, не многимъ уступающія морскимъ! Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ исправника. Одинъ изъ конвойныхъ солдатъ отправился къ нему, чтобы доложить, что „политическіе“ отказываются ѣхать дальше, такъ какъ лодки переполнены. Пока онъ пошелъ туда, да вернулся обратно, прошло очень много времени. Между тѣмъ мы оставались на берегу. Между рѣкой и городомъ лежала обширная пустынная мѣстность, открытая со всѣхъ сторонъ. Если бы кто-нибудь вздумалъ бѣжать отсюда, то его навѣрное настигла бы пуля, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы добраться до города. Это то и дѣлаетъ Сибирь естественной тюрьмой: бѣжавшій попадаетъ вслѣдствіе дикости мѣстности въ положеніе затравленнаго звѣря, котораго очень

Digitized by Google

легко можетъ настигнуть пуля охотника. И все таки эта то дикость впослѣдствіи спасла насъ!

Отъ исправника пришло рѣшеніе, чтобы насъ все таки отправили. Но мы снова заявили, что мы добровольно не сядемъ въ лодки и уступимъ только силѣ. Опять солдатъ отправился за новыми инструкціями. На этотъ разъ исправникъ приказалъ намъ вернуться обратно въ тюрьму и завтра намъ дадутъ лодки большихъ размѣровъ.

Но это опять-таки не входило въ наши разсчеты, такъ какъ по выработанному нами плану бѣгства мы должны были еще въ тотъ же вечеръ достигнуть опредѣленнаго пункта. Поэтому мы заявили, что согласны ѣхать. Если намъ и дадутъ завтра большія лодки, то зато прибавятся еще двое ссыльныхъ съ ихъ багажемъ,—такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ получится то же самое. Мы желаемъ, наконецъ, оставить это мѣсто. Такъ мы и поступили. Мы сѣли въ лодки, которыя при этомъ почти зачерпнули воды. Въ эту минуту прибылъ самъ исправникъ. „Чего мы мѣшкаемъ, — сталъ онъ кричать, — болѣе двухъ часовъ стоимъ мы на берегу и не двигаемся впередъ"?!—„Для насъ безразлично —крикнулъ ему одинъ изъ насъ,—выѣдемъ ли

Digitized by Google

мы часомъ раньше или позже для того, чтобы здѣсь погибнуть!"

Исправникъ, познакомившись самъ съ положеніемъ дѣла, убѣдился, что здѣсь есть опасность. Если мы погибнемъ, онъ все таки долженъ будетъ въ нѣкоторой степени отвѣчать за насъ, за крестьянъ и за сопровождавшій насъ конвой. Мы уже раньше предложили ему отправиться пѣшкомъ вдоль берега до ближайшаго этапнаго пункта. Но это предложеніе ему не понравилось, такъ какъ это облегчило бы возможность бѣгства.

— „Стопъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ,— пусть уголовные и одинъ солдатъ выйдутъ изъ лодокъ; они поѣдутъ на телѣгѣ; остальные же пусть отправляются на лодкахъ". Такъ и сдѣлали.

Такимъ образомъ, получилось даже больше, чѣмъ мы ожидали; мы не только освободились отъ уголовныхъ, но даже у насъ стало однимъ полицейскимъ меньше.

Облегченныя лодки тихо скользили по водѣ. Солнце клонилось уже къ закату. На блѣдноголубомъ небѣ показалась слабая вечерняя заря. Откуда-то издалека доносился колокольный звонъ. Отъ лѣса, который безконечно тянулся по обоимъ берегамъ рѣки, вѣяло какой-то своеобразной тишиной. По временамъ слышался

Digitized by Google

крикъ рѣчной птицы. Мы плыли впередъ, навстрѣчу неизвѣстности!

Мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы втянуть въ разговоръ нашъ конвой и по возможности расположить его къ намъ. Въ качествѣ связующаго звена намъ служила водка, которой мы воспользовались для этой цѣли по совѣту нашихъ мѣстныхъ товарищей. Мы взяли съ собой 14 бутылокъ спирта въ 95 градусовъ.

Первая бутылка была вскорѣ раскупорена, и спиртъ, смѣшанный съ рѣчной водой, сталъ переходить изъ рукъ въ руки или вѣрнѣе изо рта въ ротъ. Настроеніе стало оживленнѣе. Полицейскіе, которые сначала ограничивались односложными отвѣтами, стали разговорчивѣе. Они особенно стали хвастать своимъ умѣньемъ стрѣлять, такъ что они, молъ, легко попадали съ большого разстоянія въ птицъ на лету. Такъ какъ сибиряки природные охотники, то эти утвержденія не представляли ничего невѣроятнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ стало яснымъ, что на своей мѣткости въ стрѣльбѣ покоилась ихъ увѣренность въ томъ, что мы не убѣжимъ. Они представляли себѣ наше бѣгство въ очень примитивной формѣ, а именно, что мы станемъ просто убѣгать, какъ звѣрь отъ охотника. А въ такомъ случаѣ они могли быть спокойны, такъ какъ не сомнѣвались, что пуля ихъ всегда

Digitized by Google

насъ настигнетъ. Мы же свои планы строили на ловкости.

Съ необычнымъ упорствомъ нашъ конвой сталъ сопротивляться нашему желанію сдѣлать привалъ въ намѣченномъ нами мѣстѣ. Это имъ категорически воспрещено—говорили солдаты. Очевидно, власти имѣли подозрѣнія на этотъ счетъ и издали соотвѣтственныя распоряженія.

Раскупорили вторую и третью бутылки. Это оказало чудеса. Вся солдатская выучка, внѣшняя дисциплина, слѣпое повиновеніе—все это исчезло, и передъ нами оказались добродушные крестьянскіе парни. Въ концѣ концовъ мы уговорили ихъ высадиться на минутку, чтобы мы могли пріобрѣсти себѣ кой-какіе съѣстные припасы.

Лишь только мы очутились на берегу, намъ вышли навстрѣчу нѣсколько крестьянъ и съ ними одинъ товарищъ, съ которымъ мы еще раньше сговорились. Солдаты кричали, чтобы мы остались въ лодкахъ, и чтобы только одинъ изъ насъ высадился на берегъ и сдѣлалъ покупки. Но мы вышли всѣ изъ лодокъ, смѣшались со вновь прибывшими, и солдаты, равно какъ и крестьяне, наполовину уже пьяные, не зная, что дѣлать, въ концѣ концовъ тоже пошли съ нами.

Такъ пришли мы всѣ вмѣстѣ въ ближай-

Digitized by Google

шій крестьянскій дворъ, гдѣ мы предложили заварить чай.

Лодки остались подъ присмотромъ нѣсколькихъ крестьянъ. Чтобы скоротать время, я далъ еще нѣсколько бутылокъ спирта. Въ домѣ, гдѣ мы находились, спирту также, конечно, не жалѣли. Напоить солдатъ,—при чемъ къ концу они уже пили чистый спиртъ—было нелегкой работой.

Въ тотъ моментъ когда сутолока достигла своего апогея, я исчезъ первымъ. Я къ сожалѣнію не могу разсказать здѣсь подробно о томъ, какъ это произошло, ибо это могло бы возбудить нѣкоторый интересъ не только у моихъ читателей. Какъ бы то ни было, но я исчезъ.

Меня больше не было здѣсь, но я слышалъ все. Я слышалъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ меня начали искать, какъ крестьянка водила солдатъ изъ комнаты въ комнату и какъ эти послѣдніе суровымъ голосомъ констатировали всякій разъ, что меня нѣтъ. Затѣмъ наступила тишина.

Но я не могъ оставить своего мѣста, въ которомъ я былъ спрятанъ, такъ какъ я зналъ, что и другіе товарищи должны еще попытаться бѣжать. Приблизительно часъ спустя я снова услышалъ бѣготню и гулъ голосовъ. „Снова

Digitized by Google

двое исчезли—крикнулъ кто-то—они выбѣжали изъ окна!" Произнесшіе эти слова бѣжали мимо меня. Въ этотъ моментъ у меня явился позывъ къ кашлю. Я былъ простуженъ. Я быстро проглотилъ нѣсколько пилюль, которыя мнѣ прописалъ врачъ, и изъ которыхъ я долженъ былъ принимать самое большое двѣ въ день. Этотъ разъ я, кажется, проглотилъ ихъ сразу четыре или пять. Позывъ къ кашлю прошелъ, хотя не совсѣмъ. Поэтому, я въ критическій моментъ затаилъ дыханіе. Шумъ вскорѣ сталъ еще больше. „Двое послѣднихъ тоже исчезли"— услыхалъ я крики.

Трудно представить себѣ, до какой степени были огорчены наши пьяные конвойные. Имъ ничего больше, однако, не оставалось, какъ ругаться обычными русскими ругательствами, которыхъ нельзя передать на культурномъ языкѣ. Это было ихъ единственнымъ утѣшеніемъ, такъ какъ они никого изъ насъ не открыли.

Чтобы понять наше бѣгство, надо составить себѣ представленіе о томъ, что такое *тайга*. Тайгой, какъ извѣстно, называется первобытный сибирскій лѣсъ. Этотъ лѣсъ тянется на безконечное пространство. Мы уже проѣхали около двухъ тысячъ километровъ по тайгѣ съ запада на востокъ и около четырехсотъ километровъ въ сѣверномъ направленіи; во всѣ

Digitized by Google

стороны отъ насъ простиралась тайга—къ востоку на много тысячъ километровъ, къ югу—на много сотенъ километровъ; на сѣверѣ тайга постепенно переходитъ въ тундру, которая тянется вплоть до Ледовитаго Океана. На этомъ необозримомъ пространствѣ, превосходящемъ во много разъ площадь западно-европейскихъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ, расположены вдоль рѣки отдѣльныя деревушки. Все остальное—дикая мѣстность. Лѣсъ начинается сейчасъ же за каждой деревней, за каждой крестьянской избой. Достаточно отойти на нѣсколько шаговъ отъ избы, чтобы очутиться въ тайгѣ. Но найти человѣка, спрятавшагося въ тайгѣ, почти невозможно. Улицы въ городѣ можно загородить, небольшую рощу можно оцѣпить—но какъ окружить тайгу? Гдѣ поставить посты? Бѣглецъ можетъ быть совсѣмъ вблизи, но онъ могъ и удалиться на много миль. Онъ можетъ пройти мимо самого поста и все же остаться незамѣченнымъ. Большинство изъ насъ спрятались въ лѣсу, и тѣ самые люди, которые помогли имъ при этомъ, не могли ихъ потомъ найти, пока они сами не показывались изъ своего убѣжища.

Съ другой стороны, насколько было легко спрятаться, настолько же было трудно выбраться изъ нея. Только для того, чтобы до-

Digitized by Google

браться до желѣзной дороги, намъ надо было пройти около 400 километровъ. Для этой цѣли мы могли использовать только два пути: трактъ и рѣку. Стоитъ намъ только оставить одинъ изъ этихъ путей—и мы безнадежно погибли. На этомъ нашъ конвой строилъ свой планъ нашей поимки. Трактъ лежалъ сейчасъ же за деревней и прерывался значительной рѣчкой, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ. Если бы мы захотѣли пойти трактомъ, то намъ необходимо было перейти этотъ мостъ. Нашимъ преслѣдователямъ это было хорошо извѣстно, и они поставили поэтому на мосту патруль. Другой постъ они поставили у рѣки, чтобы отрѣзать намъ и этотъ путь. Такимъ образомъ, солдаты были увѣрены въ успѣхѣ и не сомнѣвались, что раньше или позже мы снова попадемъ къ нимъ въ руки.

Была уже поздняя ночь, когда я вышелъ изъ своего убѣжища. Мы всѣ сошлись на отдаленномъ крестьянскомъ дворѣ. Пришли мѣстные товарищи, которые уже раньше помогли намъ скрыться, и мы выработали дальнѣйшій планъ.

Сначала надо было выбраться изъ деревни. Намъ дали въ проводники крестьянина, который, какъ охотникъ, прекрасно зналъ тайгу и брался проводить насъ лѣсомъ до Енисейска. Съ вели-

Digitized by Google

чайшей осторожностью, тихо, стараясь, чтобы ни одна вѣтка не шелохнулась, ни одинъ камешекъ не скатился съ мѣста, проскользнули мы со двора, обошли деревню и вышли къ рѣкѣ далеко за деревней. Здѣсь у мужика была спрятана лодка, въ которую мы всѣ сѣли, чтобы переправиться на тотъ берегъ. Все это продѣлывалось съ величайшей осторожностью, дабы не вызвать ни малѣйшаго звука, который могъ бы выдать наше присутствіе.

Была свѣтлая лунная ночь. Какъ привидѣніе, неслась лодка со своими молчаливыми сѣдоками по водѣ, облитой серебрянымъ свѣтомъ луны. То здѣсь, то тамъ выростали какъ бы изъ рѣчной глубины острова съ верхушками деревьевъ на нихъ. Вдали мелькалъ свѣтъ патруля. Если бы патруль насъ замѣтилъ, то первымъ дѣломъ раздался бы сигнальный выстрѣлъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались мы, не раздастся ли этотъ роковой выстрѣлъ.

Наконецъ, мы пристали къ берегу. Сговорились шепотомъ и пошли впередъ съ нашимъ проводникомъ во главѣ.

Когда мы раньше встрѣтились впервые на волѣ, то мы испытывали сильное чувство радости. Но это чувство омрачалось неизвѣстностью, которая тяготѣла надъ нами. Теперь

Digitized by Google

же мы испытывали сильное облегченіе. Между нами и нашимъ конвоемъ лежала широкая рѣка!

Мы шли быстро, какъ только могли, то по берегу рѣки, то опушкой лѣса, то лѣсомъ. Дорога у рѣки была песчаная и мѣстами болотистая. Луна ярко освѣщала рѣку и лѣсъ. Мы шли торопливо, часто спотыкаясь. Когда мы приближались къ какому-нибудь селенію, то старались обойти его какъ можно тише.

Рано утромъ мы сдѣлали привалъ. Мы находились на большомъ лугу внутри лѣса, на которомъ стояли еще огромные стога скошеннаго крестьянами сѣна. Здѣсь мы устроили себѣ ночлегъ въ сѣнѣ, которое уже достаточно просохло.

Мы сильно проголодались. Всѣ наши запасы остались въ лодкахъ. Какъ мы узнали впослѣдствіи, всѣ наши вещи сдѣлались добычей крестьянъ, которые въ ту ночь устроили настоящую оргію. Спиртъ былъ весь выпитъ, а вещи были отданы тому, кто далъ больше всего за нихъ. А мы между тѣмъ сидѣли въ сѣнѣ, радовались нашему существованію и мечтали о ѣдѣ, такъ какъ ѣсть намъ было почти нечего. Нашъ проводникъ имѣлъ съ собой хлѣбъ, а я захватилъ съ собою при бѣгствѣ большую колбасу. Это было все, что

Digitized by Google

мы имѣли для шести человѣкъ, которымъ предстояло провести въ тайгѣ по меньшей мѣрѣ еще одинъ день. А голодъ давалъ себя уже сильно чувствовать, такъ что отъ хлѣба и колбасы не осталось моментально и слѣда. Но это все были пустяки—главное, мы были на свободѣ и дышали вольнымъ воздухомъ!

Впервые послѣ долгаго заключенія на свободѣ безъ стражи! Отъ теплой лѣтней ночи, душистаго сѣна, шумящей рѣки вѣяло такой идилліей, что все недавно прожитое нами—тюрьмы, солдаты, этапы—казалось мнѣ чѣмъ-то очень далекимъ. Мы спокойно бесѣдовали между собой, и если бы насъ увидалъ кто-либо посторонній, то онъ гораздо скорѣе принялъ бы насъ за туристовъ, чѣмъ за бѣглецовъ, которые могли ежеминутно попасть въ руки гнавшихся за ними солдатъ.

Съ восходомъ солнца поднялись и мы. Мы продолжали нашъ путь по лѣсу вдоль рѣки. Въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ на мокромъ песку широкіе тарелкообразные слѣды съ острыми концами. Это были слѣды копытъ. „Мнѣ кажется, что это медвѣжьи слѣды“—обратился я къ проводнику. „Такъ оно и есть“—отвѣтилъ онъ. „Когда, предполагаете вы, проходилъ здѣсь звѣрь?“ Старый охотникъ внимательно осмотрѣлъ слѣды и замѣтилъ: „самое большое три дня

Digitized by Google

тому назадъ". Нельзя сказать, чтобы перспектива встрѣчи съ Мишкой была особенно заманчивой для насъ, не имѣвшихъ рѣшительно никакого оружія.

Черезъ нѣкоторое время увидали мы вдали, на другомъ берегу рѣки, бѣлые дома Енисейска. Мы снова сдѣлали привалъ.

Само собой разумѣется, что нельзя было и думать о томъ, чтобы вступить средь бѣла дня въ Енисейскъ, гдѣ навѣрное уже получено было извѣстіе о нашемъ бѣгствѣ. Поэтому было заранѣе обусловлено, что мы останемся въ тайгѣ до наступленія темноты, и что къ вечеру намъ доставятъ лодку для переправы въ городъ.

Мы развели костеръ и сѣли вокругъ него. Огонь весело потрескивалъ по вѣтвямъ. Рѣка лежала передъ нашими глазами, и мы могли видѣть все, что на ней происходило. Было какъ разъ воскресенье. Въ городѣ звонили колокола. Часто раздавался плескъ воды: то лодки привозили въ городъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, или наоборотъ. Иногда раздавался выстрѣлъ охотника въ лѣсу или на водѣ. Время протекало очень медленно. Постепенно нами стало овладѣвать какое-то безпокойство. Мѣсто, на которомъ мы находились, было совершенно открытое; случайно проѣзжавшіе въ лодкахъ крестьяне легко могли замѣтить насъ. Но что

Digitized by Google

намъ было дѣлать? Это было мѣсто, куда по условію должна была быть доставлена лодка. Если мы оставимъ это мѣсто, то намъ придется отказаться отъ лодки и искать другихъ средствъ для переправы въ городъ. Итакъ, мы рѣшили ждать. Все это время то одинъ, то другой заводилъ рѣчь о томъ, что было бы лучше уйти немного вглубь лѣса и тамъ ждать. Кромѣ того мы не совсѣмъ довѣряли нашему проводнику, такъ какъ бывали случаи, когда крестьяне выдавали бѣглецовъ властямъ. Не подлежало сомнѣнію, что для нашего проводника было бы очень выгодно выдать насъ. Мы втянули старика въ разговоръ и увидѣли, что передъ нами добродушный хохолъ, который попалъ въ эти края лѣтъ сорокъ тому назадъ и все это время влачилъ жалкое существованіе, занимаясь охотой и нанимаясь въ батраки. Мы убѣдились также, что это былъ честный мужикъ, и что съ его стороны намъ нечего ожидать ничего непріятнаго.

Наступилъ полдень. При помощи захваченныхъ съ собой ножницъ мы остригли другъ друга, чтобы измѣнить нашу наружность. Кончили и это дѣло, и намъ все еще оставалось ждать цѣлый день. Наше нетерпѣніе росло. Тутъ мы замѣтили лодку, которая шла изъ Енисейска прямо къ намъ. Нашъ проводникъ

Digitized by Google

внимательно всмотрѣлся въ нее и заявилъ безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія: „это наша лодка". Мы съ нетерпѣніемъ стали ждать ее. Когда лодка почти уже приблизилась къ берегу, проводникъ крикнулъ: „это погоня, бѣгите!" Быстро разбросали мы огонь ногами и побѣжали изо всѣхъ силъ.

Мы едва отбѣжали на сто шаговъ, когда услыхали, какъ взбѣжали на маленькій холмикъ прибывшіе въ лодкѣ. Вдругъ раздался грубый голосъ: „чортъ возьми, только что они были тутъ, а теперь они исчезли!"

Мы бѣжали, какъ только могли. Бѣжали черезъ лѣсъ, черезъ кусты, такъ что вѣтви разрывали намъ платье, спотыкались, поднимались и снова бѣжали, и все еще слышали голоса за собой. Нашъ проводникъ, знавшій здѣсь, очевидно, каждый уголокъ и каждый кустикъ, указывалъ намъ путь. Мы бѣжали зигзагами, иногда даже въ противоположномъ направленіи, чтобы замести наши слѣды. Прошло больше часу; нѣкоторые изъ насъ едва дышали. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ нашъ проводникъ, шедшій впереди, раздвинувъ руками кустъ, чтобы проложить дорогу дальше, отпрянулъ назадъ съ поднятыми руками и съ искаженнымъ ужасомъ блѣднымъ лицомъ. Онъ не въ состояніи былъ произнести ни слова, но выра-

Digitized by Google

женіе его лица и все его поведеніе было красноръчивѣе словъ. „Насъ выдали“—эта мысль сразу промелькнула у всѣхъ насъ. Или наши преслѣдователи отрѣзали намъ путь или мы натолкнулись на одинъ изъ патрулей, которые были разставлены здѣсь въ предположеніи, что мы попытаемся приблизиться къ Енисейску. Ни шагу дальше! Спасеніе было для насъ возможно только въ томъ случаѣ, если мы успѣемъ спрятаться. Въ одинъ моментъ мы разсыпались во всѣ стороны, какъ стая воробьевъ.

Я очутился подъ кустомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, возлѣ котораго насъ остановилъ проводникъ. Я плотно прижался къ землѣ, чтобы меня нельзя было замѣтить. Черезъ нѣсколько минутъ я услыхалъ ружейный выстрѣлъ.

— Влопались — подумалъ я — всѣхъ уже поймали, сейчасъ найдутъ и меня. Я услышалъ быстрые шаги и шумъ голосовъ. Я чувствовалъ, какъ во мнѣ подымается и растетъ злоба къ моимъ преслѣдователямъ. Минута шла за минутой, и каждая изъ нихъ казалась мнѣ вѣчностью. Я хотѣлъ, чтобы это положеніе такъ или иначе уже кончилось. Въ то же время у меня явилась мысль и о томъ, что меня, пожалуй, не откроютъ. Я предполагалъ, что если меня не найдутъ въ теченіе получаса, то можно

Digitized by Google

допустить, что меня не замѣтили, и что мои преслѣдователи прошли мимо. Черезъ полчаса положеніе опредѣлится! Но какъ же узнать, сколько ушло времени?

Ждать безконечно въ такомъ положеніи было для меня невыносимо. У меня, правда, были часы при себѣ, но я не могъ ихъ достать, такъ какъ въ низкомъ кустѣ, который едва ли былъ выше стола, всякое движеніе могло меня выдать. Поэтому, я рѣшилъ считать до 3000, полагая, что на это навѣрное уйдетъ полчаса. Когда я кончилъ считать, я облегченно вздохнулъ. Меня не открыли.

Однако, я все еще слышалъ голоса. Не было крика и громкихъ призывовъ, но были голоса и шумъ, свидѣтельствовавшіе о присутствіи людей. Я слышалъ, какъ кто-то совсѣмъ близко отъ меня кашлялъ, какъ кто-то рубилъ дерево топоромъ. „Это они дѣлаютъ палки“— подумалъ я—„теперь они разведутъ огонь и начнутъ варить себѣ что-нибудь“. Я вывелъ отсюда заключеніе, что здѣсь оставленъ патруль. „Очевидно не всѣ пойманы“—подумалъ я—„и вотъ теперь они будутъ тутъ сторожить, пока остальные бѣглецы не выйдутъ изъ своего убѣжища“.

Что было дѣлать? Если бы день былъ дождливый или туманный, можно было бы еще

Digitized by Google

рискнуть на то, чтобы незамѣтно проскользнуть мимо поста. Но какъ на зло день былъ ясный, солнечный. Такимъ образомъ, ничего не оставалось, какъ лежать спокойно на своемъ мѣстѣ и терпѣливо дожидаться ночи. Въ темнотѣ ночи я долженъ былъ попытаться выбраться къ рѣкѣ, такъ какъ только рѣка давала возможность придерживаться опредѣленнаго направленія.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Солнце все еще стояло высоко на небѣ. Я лежалъ скорчившись въ позѣ, которая была очень неудобна. Меня все болѣе и болѣе охватывала отчаянная скука.

Я сталъ обсуждать положеніе вещей и съ другой стороны. Быть можетъ, это вовсе не военный постъ. Это могли быть просто крестьяне, у которыхъ есть въ лѣсу работа. Возможно, что преслѣдователи давно уже прошли мимо, а эти люди, которые до того близко были отъ меня, что я, казалось, слышу ихъ дыханіе, ничего общаго съ нашимъ преслѣдованіемъ не имѣютъ. Возможно было также, что вся тревога была ложной, и что испугъ нашего проводника былъ вызванъ ложнымъ предположеніемъ. Выстрѣлъ, который я слышалъ, могъ быть сдѣланъ какимъ-нибудь охотникомъ. Какъ мнѣ провѣрить всѣ эти предположенія? Выйти

Digitized by Google

изъ-подъ куста? Но такимъ образомъ я самъ себя выдалъ бы. Очевидно, самое безопасное было опять-таки оставаться лежать здѣсь до наступленія ночи.

Но скука дѣйствовала на меня ужасно. Я готовъ былъ рискнуть на все, лишь бы выйти изъ этого состоянія бездѣятельности. Въ этотъ моментъ я услыхалъ шаги и сквозь кусты увидѣлъ на какой-то фигурѣ кусокъ полушубка, который показался мнѣ знакомымъ. Я нѣсколько приподнялся и узналъ полушубокъ сопровождавшаго насъ крестьянина. Онъ шелъ совершенно свободно; слѣдовательно, опасность миновала. Я поднялся и подошелъ къ нему. „Слава богу"—воскликнулъ онъ—„я ищу васъ уже два часа; я обошелъ этотъ кустъ безчисленное количество разъ и все не могъ васъ найти".

Оказалось, что нашъ проводникъ принялъ за патруль крестьянъ, которые работали въ лѣсу; вотъ почему онъ испугался и приказалъ намъ спрятаться. Двое спрятались вмѣстѣ съ проводникомъ, я тоже оказался тутъ, но двухъ товарищей еще не хватало. Одинъ за другимъ отправлялись мы на поиски спрятавшихся товарищей, и только по прошествіи двухъ часовъ намъ удалось выманить ихъ изъ ихъ убѣжища своими призывами.

Digitized by Google

Теперь мы снова были всѣ въ сборѣ и сидѣли хорошо скрытые въ кустахъ. Послѣ всѣхъ этихъ треволненій и бѣготни мы испытывали отчаянный голодъ. Но увы — чѣмъ утолить этотъ голодъ, мы не знали. Скудные остатки ѣды отъ вчерашняго дня были истреблены рано утромъ. Когда мы такъ сидѣли и съ голоднымъ взоромъ глядѣли другъ на друга, одинъ изъ насъ сталъ рисовать передъ нами картину лукулловскаго пира. Онъ началъ съ закуски икрой, перешелъ затѣмъ къ раковому супу и въ томъ же духѣ продолжалъ дальше. На него кричали, грозили побить его, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и спокойно методически продолжалъ рисовать передъ нами картину обѣда, пока не перебралъ всѣхъ знакомыхъ ему изъ опыта и литературы блюдъ.

Такъ убивали мы время. Отъ времени до времени мы выходили смотрѣть, не пришла ли лодка за нами. Мы теперь находились значительно выше по рѣкѣ, уже за городомъ Енисейскомъ. Этотъ разъ случай намъ помогъ, и товарищи, пріѣхавшіе къ вечеру съ лодкой, нашли насъ безъ труда. Еще не было достаточно темно для того, чтобы можно было рѣшиться на переѣздъ въ городъ. Поэтому, узнавъ, что мы такъ голодны и не имѣемъ никакихъ припасовъ, они снова поѣхали въ городъ и

Digitized by Google

привезли намъ ѣду. Въ лодкѣ, на рѣкѣ, при заходящемъ солнцѣ, которое придавало водѣ огненно-красный цвѣтъ, мы устроили пиршество, при чемъ основательно прикладывались къ бутылкѣ съ водкой, которую наши товарищи привезли съ собой. Мы узнали теперь, что въ деревнѣ, откуда мы бѣжали, были произведены многочисленные обыски, а въ самомъ городѣ Енисейскѣ расхаживаютъ военные патрули, чтобы поймать насъ, такъ какъ начальство предположило—какъ это и было въ дѣйствительности, — что мы вернемся въ Енисейскъ.

Мы высадились далеко за городомъ. Ночь была очень темная. Мы разбились на маленькія группы и различными дорогами отправились въ городъ.

Черезъ нѣкоторое время я вмѣстѣ съ товарищемъ П. находились въ квартирѣ одного очень виднаго енисейскаго обывателя, который предложилъ намъ убѣжище въ своемъ домѣ. Здѣсь мы оставались нѣсколько дней, предполагая, что за это время усердіе разыскивающихъ насъ властей нѣсколько поуляжется. Кромѣ того, надо было выжидать благопріятнаго случая для дальнѣйшаго путешествія. Въ то время, какъ полиція усердно старалась насъ найти, мы сидѣли спокойно въ своемъ убѣжи-

Digitized by Google

щѣ, иногда видали даже исправника, важно шагавшаго по улицѣ.

Наконецъ, въ одну темную ночь, при накрапывающемъ дождикѣ, я присоединился къ одному купцу, которому предстояло совершить довольно продолжительное путешествіе, и выѣхалъ изъ Енисейска. Намъ надо было проѣхать около 20 станцій, куда власти дали знать о нашемъ бѣгствѣ, и гдѣ имѣлось распоряженіе задержать и арестовать насъ.

Это путешествіе продолжалось двое сутокъ, и мы совершили его безъ особыхъ приключеній. Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Красноярскъ, гдѣ я долженъ былъ сѣсть въ поѣздъ.

Еще когда мы были въ Енисейскѣ, намъ сообщили, что при отходѣ парохода, направляющагося въ Красноярскъ, на немъ былъ произведенъ самый тщательный обыскъ съ цѣлью поймать насъ; точно такъ же былъ установленъ тщательный контроль на вокзалѣ въ Красноярскѣ. Было ясно, что какимъ бы путемъ мы ни выѣхали изъ Енисейска, намъ надо было сѣсть въ поѣздъ или въ Ачинскѣ или въ Красноярскѣ. Поэтому на эти пункты власти, безъ сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе. Въ Красноярскѣ сибирскій поѣздъ проходилъ рано утромъ, когда еще было совсѣмъ темно. Въ этотъ поѣздъ я долженъ

Digitized by Google

былъ сѣсть. Билетъ былъ, конечно, взятъ другимъ. Входъ на платформу былъ свободный. Черезъ скудно освѣщенную залу вокзала проскользнулъ я на платформу и вошелъ прямо въ вагонъ. Здѣсь я тотчасъ же растянулся на скамейкѣ и притворился спящимъ. Передъ отходомъ поѣзда черезъ вагонъ прошелъ жандармъ, не обратившій на меня никакого вниманія. Послѣдній звонокъ — поѣздъ тронулся, и такимъ образомъ самое опасное мѣсто пройдено благополучно.

Я былъ одѣтъ крестьяниномъ. Штаны были засунуты въ высокіе сапоги; на мнѣ была грубая фланелевая рубаха, опоясанная шнуромъ, и большой мужицкій армякъ, до того широкій, что онъ дважды обхватывалъ мое тѣло. На головѣ я имѣлъ широкую фуражку съ широкимъ козырькомъ и круглую шапку изъ овечьяго мѣха военнаго образца. Впечатлѣніе, которое я производилъ въ этомъ костюмѣ, вполнѣ соотвѣтствовало по мнѣнію моихъ друзей моей одеждѣ. Теперь оставалось только приспособиться къ средѣ. Крестьянинъ, который держался бы по господски, сразу обратилъ бы на себя вниманіе. При этомъ надо еще помнить, что путешествіе въ сибирскомъ поѣздѣ, гдѣ людямъ приходится пробыть вмѣстѣ не нѣсколько часовъ, а много дней, сильно

Digitized by Google

сближаетъ пассажировъ между собой. Я сталъ искать себѣ общества. Вскорѣ образовалась компанія, состоявшая, кромѣ меня, еще изъ рабочаго на золотыхъ пріискахъ, ѣхавшаго въ отпускъ кондуктора товарнаго поѣзда, слесаря, крестьянина съ окладистой бородой и въ широкихъ шароварахъ и двухъ горьковскихъ типовъ. Мы пили водку и играли въ карты. Я уже давно не мылся. Грязь, водка, безсонныя ночи, все это окончательно стерло съ меня тѣ скудные признаки интеллигентности и принадлежности къ состоятельному классу, которые у меня остались еще послѣ продолжительнаго путешествія по этапу черезъ грязныя тюрьмы вмѣстѣ съ уголовными преступниками и бродягами. Иногда къ нашей компаніи присоединялся и жандармъ, которому надо было проѣхать нѣсколько станцій. Онъ хлопалъ меня по плечу и обращался со мной весьма по товарищески.

Однажды утромъ, когда было еще рано, я почувствовалъ, что кто то меня расталкиваетъ на скамейкѣ, на которой я спалъ. „На, пей!“— услыхалъ я, едва открывъ глаза. Передо мной стояли мои сосѣди и предлагали мнѣ выпить полный чайный стаканъ водки. „Оставьте меня въ покоѣ“—воскликнулъ я и оттолкнулъ ихъ отъ себя. Спустя нѣсколько часовъ между

Digitized by Google

двумя моими сосѣдями возникъ споръ. „А ты уже забылъ“—кричалъ одинъ изъ нихъ другому—„что ты хотѣлъ сдѣлать сегодня утромъ? Напоимъ этого большого мужика—сказалъ ты—и заберемъ у него его деньги“. Я внимательно прислушивался. Это послужило для меня доказательствомъ, что вся компанія дѣйствительно принимала меня за крестьянина.

Путь, по которому мы теперь проѣзжали, былъ мнѣ знакомъ, такъ какъ незадолго до того мы совершали его въ качествѣ ссыльныхъ, сопровождаемые военнымъ конвоемъ. Ѣзда шла тогда очень медленно—со средней скоростью отъ восьми до десяти километровъ въ часъ. Остановки на станціяхъ продолжались иногда цѣлые часы, такъ что у насъ было достаточно времени, чтобы хорошо запомнить мѣстность. Съ другой стороны, мнѣ теперь угрожала опасность, какъ бы кто-либо изъ станціонныхъ жандармовъ не узналъ меня.

Однажды во время одной изъ продолжительныхъ остановокъ въ вагонъ вошла съ шумомъ и гамомъ партія солдатъ. Вглядѣвшись въ лица солдатъ, я сразу узналъ въ нихъ военный конвой, который сопровождалъ насъ по сибирскому пути въ теченіе цѣлой недѣли. Получалось положеніе вещей, при которомъ я какъ будто самъ выдалъ себя моимъ преслѣдовате-

Digitized by Google

лямъ. Пока они устраивались на скамьяхъ, я сталъ обсуждать, что мнѣ дѣлать. Высадиться изъ поѣзда казалось мнѣ весьма нецѣлесообразнымъ. Внезапнымъ оставленіемъ вагона я только обратилъ бы на себя вниманіе. На станціи мнѣ пришлось бы дожидаться слѣдующаго поѣзда, по крайней мѣрѣ, полдня, и этимъ я бы также привлекъ къ себѣ вниманіе. Мѣстный жандармъ сталъ бы меня разспрашивать почему я остановился на этой станціи. Бѣглецовъ искали вѣдь вездѣ, и кромѣ того линія Сибирской жел. дороги находилась на военномъ положеніи. Я рѣшилъ спокойно выжидать, какой оборотъ приметъ дѣло. Въ это время въ вагонъ влетѣлъ конвойный унтеръ-офицеръ, получившій, очевидно, неожиданно другія приказанія: ибо солдаты тотчасъ же собрали свои вещи и вышли изъ вагона. Если бы я повиновался первому импульсу и высадился изъ вагона, я оказался бы въ очень скверномъ положеніи.

Нашъ вагонъ, равно какъ и остальные вагоны въ поѣздѣ, былъ переполненъ. Особенно невыносимымъ дѣлался воздухъ ночью, когда всѣ окна запирались, и люди располагались на ночь на скамейкахъ въ три этажа, не снимая своихъ тяжелыхъ грязныхъ одеждъ. Не разъ у меня кружилась голова. Но и въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи мнѣ нельзя было обнаруживать особой чувствительности.

Одной мелочью я однажды обнаружилъ свою принадлежность къ высшему классу. Дѣло было такъ. У меня порвались штаны; порванное мѣсто я скрѣпилъ французской булавкой. Когда мои сосѣди замѣтили булавку, они подняли большой шумъ. „Почему ты не зашиваешь себѣ порваннаго мѣста?"—стали они меня спрашивать. У меня не оставалось никакого выбора. Я снялъ съ себя штаны, закутался въ пальто и въ теченіе часа зашивалъ порванное мѣсто. Рѣдко когда-либо въ моей жизни приходилось мнѣ испытывать подобное удовлетвореніе и быть столь гордымъ своимъ умѣніемъ, какъ этотъ разъ, когда я выполнилъ эту тяжелую работу!

Играть въ мужика имѣетъ, быть можетъ, нѣкоторую прелесть, но жить по-крестьянски, спать, дышать какъ крестьянинъ, имѣть дѣло съ крестьянами — особенно съ русскими—это тяжелая задача. День ото дня мое существованіе въ качествѣ крестьянина становилось все тяжелѣе. Къ этому присоединилось еще то, что въ вагонѣ во время пути скопилось множество подозрительныхъ лицъ. Тутъ были члены истинно-русскихъ союзовъ, были и такіе, которые не скрывали своей службы въ по-

Digitized by Google

лиціи. Поэтому я рѣшилъ прервать дорогу въ подходящемъ мѣстѣ, чтобы освободиться отъ своей компаніи въ вагонѣ, а также чтобы получить возможность переодѣться.

Въ одномъ сибирскомъ городѣ, гдѣ мнѣ были извѣстны адреса товарищей, я привелъ свое рѣшеніе въ исполненіе. Изъ крестьянина я снова обратился въ барина. Я сѣлъ въ вагонъ второго класса и продолжалъ свой путь въ болѣе избранномъ обществѣ. О судьбѣ своихъ товарищей по бѣгству я, конечно, не зналъ ничего. Начиная отъ Енисейска, каждый изъ насъ былъ предоставленъ самъ себѣ.

Поѣздъ прошелъ большой мостъ черезъ Волгу и остановился въ Сызрани. Я вышелъ изъ вагона и вошелъ въ буфетъ. Осмотрѣвшись кругомъ, я замѣтилъ у книжнаго кіоска знакомое лицо. Вглядѣвшись внимательно, я узналъ Дейча. Я сталъ наблюдать, что онъ будетъ дѣлать. Онъ направился къ общему столу. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ немедленно кинулись къ нему и дружески пожали ему руку. Какая-то нарядная дама привѣтствовала его любезной улыбкой. Дейчъ кивалъ головой направо и налѣво и въ совершенствѣ игралъ свою роль настоящаго джентльмена. „Ну, пріятель великолѣпно ведетъ свою игру“ — подумалъ я и подошелъ къ столу, чтобы сѣсть противъ

Digitized by Google

него. Но тутъ онъ посмотрѣлъ на меня такимъ пронизывающимъ, рѣзко отталкивающимъ взглядомъ, что я предпочелъ не выполнять своего намѣренія. Но тутъ бросилось мнѣ въ глаза то, что на Дейчѣ было то же платье, которое онъ носилъ во время путешествія по этапу. Спереди узнать его было трудно, но сзади—это былъ тотъ же Дейчъ, что во время этапа: одежда выдавала его. Я подождалъ момента, когда около него никого не было, и, пройдя мимо, шепнулъ ему: „другое платье".

Я потерялъ Дейча изъ виду на этой же станціи, такъ какъ мы отправились разными путями. Я прибылъ въ Москву. Когда я сидѣлъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда, я снова увидѣлъ, какъ въ залъ вошелъ Дейчъ. И снова онъ кинулъ на меня такой же недружелюбный взоръ.

Въ поѣздѣ, отходящемъ ночью изъ Москвы въ Петербургъ, всегда происходитъ отчаянная давка. Я былъ радъ, что нашелъ себѣ мѣстечко, гдѣ я могъ провести ночь. На слѣдующее утро я вышелъ въ корридоръ вагона и увидѣлъ передъ собой Дейча. Онъ взглянулъ на меня такъ сердито, что я сталъ держаться въ высшей степени осторожно. Такъ ѣхали мы вмѣстѣ полдня—въ одномъ вагонѣ, въ одномъ корридорѣ, не произнося другъ съ другомъ ни единаго

Digitized by Google

слова. Такое положеніе мнѣ, наконецъ, надоѣло, и я рѣшилъ подойти къ Дейчу. Я тронулъ его, но прежде чѣмъ я успѣлъ открыть ротъ, онъ рѣзко сказалъ мнѣ: „вы зацѣпились за мою цѣпочку отъ часовъ". Я извинился и направился къ выходу.

При пріѣздѣ въ Петербургъ мы снова встрѣтились въ дверяхъ вагона. Онъ прошелъ впередъ, и, выйдя съ вокзала, мы пошли по разнымъ направленіямъ. Я посѣтилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей и разсказалъ имъ, между прочимъ, о своей встрѣчѣ съ Дейчемъ. Позже пришелъ въ то же мѣсто и Дейчъ. Онъ изложилъ исторію своего бѣгства и закончилъ свой разсказъ слѣдующими словами: „что съ Парвусомъ—я не знаю, такъ какъ мы разстались въ Енисейскѣ". Эти слова вызвали, конечно, большое удивленіе слушателей. Ему передали мой разсказъ. „Какъ—воскликнулъ онъ—этотъ нахальный господинъ, который все хотѣлъ подойти ко мнѣ, былъ Парвусъ?! А я принялъ его, если не за настоящаго шпіона, то во всякомъ случаѣ за весьма непріятную личность". Привлекательности такая аттестація заключала въ себѣ, конечно, мало, но она могла служить нѣкоторымъ объясненіемъ удачи моего бѣгства.

Однако здѣсь въ Петербургѣ, когда всѣ трудности пути были уже позади, я чуть не

Digitized by Google

попалъ въ тотъ же вечеръ въ руки полиціи. Въ Петербургѣ я, конечно, не могъ прописаться подъ собственнымъ именемъ, такъ какъ это немедленно вызвало бы мой арестъ. Поэтому я имѣлъ съ собой подложный паспортъ. Этотъ паспортъ я отдалъ въ гостиницѣ для прописки. Я уже собирался вечеромъ отправиться къ себѣ въ гостиницу, какъ вдругъ я случайно узнаю, что паспортъ, по которому я прописался, извѣстенъ полиціи, какъ подложный видъ, и что еще наканунѣ былъ арестованъ въ той же гостиницѣ одинъ товарищъ, отдавшій въ прописку такой же паспортъ. Слѣдовательно, мнѣ стоило только отправиться въ гостиницу, чтобы попасть въ руки полиціи, которая уже навѣрное поджидала меня. Я предпочелъ уѣхать изъ Петербурга въ ту же ночь. Вещи мои въ гостиницѣ, конечно, пропали.

Нѣсколько дней спустя я опять находился въ Петербургѣ. Я прогуливался по улицамъ и искалъ знакомыхъ, которые большей частью меня не узнавали. Я встрѣтилъ, между прочимъ, жандармскаго офицера, который хорошо зналъ меня по крѣпости и по тюрьмѣ; кромѣ того я встрѣчалъ также жандармовъ, знавшихъ меня, и никто изъ нихъ меня не узналъ. Это послужило для меня доказательствомъ, что о моемъ арестѣ и ссылкѣ забыли, и что я

Digitized by Google

могу бывать въ Петербургѣ такъ же свободно, какъ и до моей ссылки, но долженъ только быть постоянно на сторожѣ, дабы не попасть въ лапы политической полиціи.

Такъ бѣжалъ я изъ Сибири!

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». Спб., Б. Конюшенная, 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. Серафимовичъ. У обрыва. — **А. Купринъ.** Бредъ. — **С. Сергѣевъ-Ценскій.** Лѣсная топь. — **Н. Гаринъ.** Когда-то... — **Бор. Зайцевъ.** Полковникъ Розовъ.

II.

Городъ: В. Брюсовъ. Городъ. (Стихотвореніе).
М. Добужинскій. Городъ. Будни. Праздникъ. (Рисунки).
Л. Бакстъ. Улица. (Рисунокъ). **Н. Рерихъ.** Городъ. (Рисунокъ).

III.

Леонидъ Андреевъ. Жизнь человѣка.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. Муйжель. Пока... — **А. Коранскій.** Холодъ. — **И. Бунинъ.** У истока дней. — **Бор. Зайцевъ.** Май.

II.

Стихи.

Ив. Бунинъ. Петровъ день. Проводы. Геймдаль. Александръ въ Египтѣ.
Серг. Городецкій. Русь. Веснянка.
Ал. Блокъ. Н. Н. Волоховой. Легенда.

III.

Александръ Бенуа. „Смерть" 6 рис.

IV.

Сентъ Жоржъ Де-Буэлье. Король безъ вѣнца.

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. Зин. Венгеровой и В. Бинштока.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». Спб., Б. Конюшенная, 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Леонидъ Андреевъ. Тьма. — **Ив. Бунинъ.** Астма. — **Бор. Зайцевъ.** Сестра. — **А. Купринъ.** Изумрудъ. — **А. Серафимовичъ.** Пески.

II.

Ал. Блокъ. Стихи.
Г. Чулковъ. Золотая ночь. (Стихи).

III.

Ѳедоръ Сологубъ. Творимая легенда. Романъ.

Въ ближайшихъ книгахъ литературно-художественныхъ альманаховъ будутъ помѣщены:

А. Купринъ. Суламиѳь. — М. Метерлинкъ. Синяя птица (съ рисунками Б. Анисфельда). — Бор. Зайцевъ. Аграфена. — Ѳедоръ Сологубъ. Навьи чары. Романъ. — Е. Лансере. Голодъ (рисунки). — Леонидъ Андреевъ. Проклятіе звѣря. — А. Купринъ. — Городъ. — В. Брюсовъ. Городъ. — М. Клингеръ, К. Кольвитцъ, М. Добужинскій. Городъ. — (Рисунки). — С. Юшкевичъ. Леонъ Дрей. Романъ. — Стейлненъ. Трудъ и капиталъ. (Рисунки). — С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое. — Шаломъ Ашъ. Сабатай Цви. — А. Купринъ. Нищіе. — Леонидъ Андреевъ. Навуходоносоръ. — Б. Анисфельдъ. Сны. (Рисунки). — А. Галенъ. Любовь (рисунки).

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» Спб., Б. Конюшенная, 17.

СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока).—**Зельма Лагерлефъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго). — **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго). — **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба).—**Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлефъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорской. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. **А. Купринъ.** О Кнутѣ Гамсунѣ. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выйдетъ въ декабрѣ 1907 года.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. Ѳедора Сологуба. **Гаральдъ Гефдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Серенъ Киркегоръ.** Афоризмы. Цѣна 1 рубль.

Digitized by Google

Изд. «ШИПОВНИКЪ», Спб., Б. Конюшенная, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
КНУТА ГАМСУНА

при ближайшемъ участіи:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

въ одиннадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ. Переводы исключительно съ норвежскаго.

Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Голодъ.
„ II. Мистеріи.
„ III. Редакторъ Люнге.
„ IV. Новь. Панъ.
„ V. У вратъ Царства. Драма жизни. Вечерняя заря.
„ VI. Сіеста. Викторія.
„ VII. Мункенъ Вендтъ.
„ VIII. Въ сказочной странѣ. Чаща.
„ IX. Царица Тамара. Дикій хоръ.
„ X. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
„ XI. Подъ осенними звѣздами.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу томъ VI. Содержаніе: Сіеста. Переводъ С. Полякова.—Викторія. Перев. К. Бальмонта.

Digitized by Google

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». Спб., Б. Конюшенная, 17.

А. Купринъ. Разсказы. Томъ IV.
Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Какъ я былъ актеромъ. На глухарей. Сентиментальный романъ. Черный туманъ. Тостъ. Счастье.

Бор. Зайцевъ. Разсказы.
Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Миѳъ. Черные вѣтры. Завтра. (2-е изданіе). Цѣна 50 коп.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ I.
Тундра. Умру я скоро. Москва. Взмахъ крыльевъ. Дифтеритъ. Бредъ. Уголокъ. Вѣрю. Скука. Поляна. Погостъ. Ц. 1 р.

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ II.
Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 р.

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I.
Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Ц. 1 р.

Маркъ Криницкій. Разсказы. Томъ I. Цѣна 1 руб.

К. Ковальскій. Разсказы. Томъ I.
Въ лѣсу. Соборный колоколъ. Только шагъ! Воръ. Смѣхъ и плачъ. Первый валъ. Весна. Полуночное солнце. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. Ц. 1 р.

Ѳедоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Ц. 1 р. 75 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Книга разлукъ.
Они были дѣти. Въ толпѣ. Голодный блескъ. Конный стражникъ. Ц. 1 руб.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET

Digitized by Google

ALF Collections Vault
3 0000 159 353 741